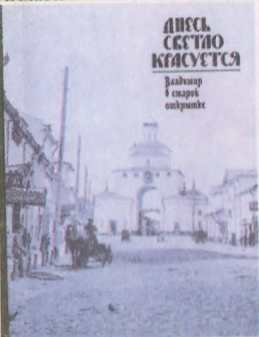

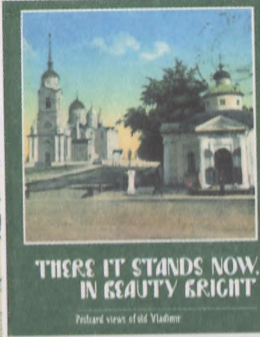
ГОРОД СВ. ГЕОРГИЯ

Юрьев-Польский
в старой открытке

ПЕТРОВСКИЙ

ДВЕНЬ СЕСТРО КИСУЕТСЯ

THERE IT STANDS NOW, IN BEAUTY BRIGIT

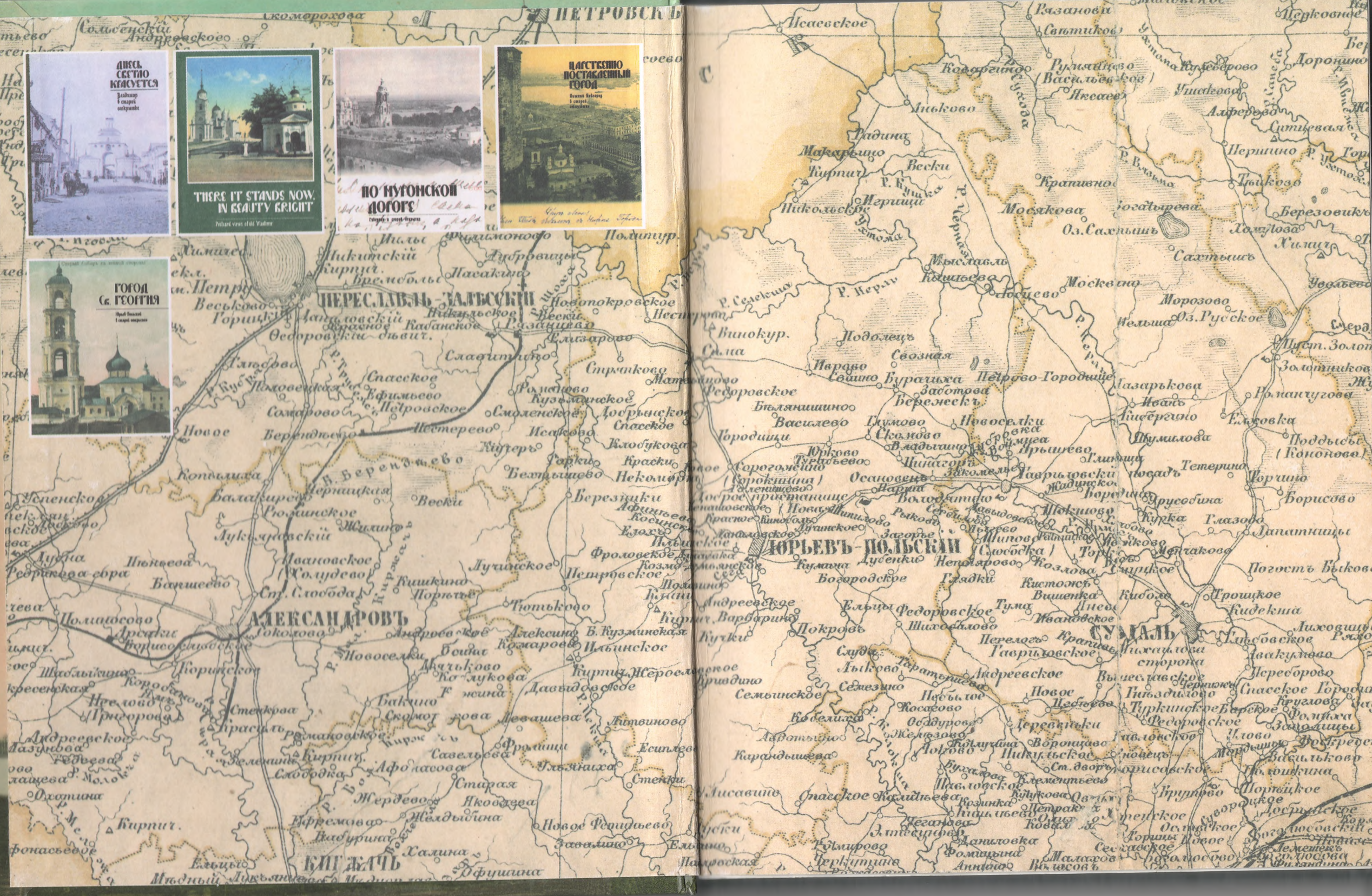
ПО МУГОНСКОЙ ДОРОГЕ

ПЯТДЕСЯТО ПОСТАВЛЕННЫЙ ГОРОД

ГОРОД С. ГЕОРГИЯ

Fragment of a manuscript page with Greek text visible on the left edge. The text includes the following words and characters:

in
et
H
Π
σο
pe
tu
H
2
te
na
o
e
del
ach
osa
Ped
ree
u
oo
kre
laz
osa
lau
o
fon

Губерния в старой открытке

книга
пятая

Наши книги являются
лауреатами премий:

1999

Премия по культуре администрации
Владимирской области;

2001

Премия Нижнего Новгорода.

Если человек не любит хотя бы изредка смотреть на старые фотографии своих родителей, не ценит память о них, оставленную в саде, который они возделывали, в вещах, которые им принадлежали, значит, он не любит их. Если человек не любит старые дома, старые улицы, пусть даже и плохонькие, значит, у него нет любви к своему городу. Если человек равнодушен к памятникам истории своей страны, значит, он равнодушен к своей стране.

Д. С. Лихачёв

ГОРОД Св. ГЕОРГИЯ

Юрьев-Польский
в старой открытке

Издательство
«ПОСАД»
Владимир 2002

ББК 63.3 (2Рос-4Вл)
Г 70
УДК 908

Автор проекта
Мельников Алексей Александрович

Автор-составитель
Машковцев Валерий Прокопьевич

Автор текста
Мозгова Галина Глебовна

Макет
Ткачёв Юрий Константинович

Автор гравюры
«Уездный город Юрьев-Польский»
Шубин Александр Павлович

Книга издана по инициативе главы администрации Юрьев-Польского района Коньшева Алексея Владимировича.

Авторы благодарят Владимирское региональное управление АКБ «Московский индустриальный банк» за понимание значимости проекта и поддержку.

Открытки из коллекции
издательства «Посад»

Фотодокументы
Юрьев-Польского историко-архитектурного и художественного музея, Государственного архива Владимирской области, Владимиро-Суздальского историко-архитектурного и художественного музея-заповедника, Народного музея ордена «Знак Почета» ткацко-отделочной фабрики «Авангард», Государственного научно-исследовательского музея архитектуры имени А.В. Шушева.

Фотоматериалы из коллекций
Михайлова Владимира Михайловича,
Мозговой Галины Глебовны

Фотоматериалы из семейных архивов
Демидовой Зинаиды Дмитриевны, Ищенко Антонины Вячеславовны, Снегиревой Ольги Владимировны, Чижиковой Ренаты Дадовны, Мозговой Розы Ивановны.

Автор текста благодарит за помощь при работе над книгой
сотрудников Юрьев-Польского историко-архивного и художественного музея и лично Егорову Надежду Анатольевну, сотрудников Государственного архива Владимирской области и лично Осипову Зою Григорьевну, Максимова Наталью Дмитриевну, Лашманову Татьяну Анатольевну, Толкунову Валентину Георгиевну, фотографа Виктора Алексеевича Нитецкого за предоставленные фотоснимки, Демидову Зинаиду Дмитриевну, Донских Вячеслава Владимировича, Кириллову Лидию Ивановну, Крашенинникову Ирину Валентиновну, Крашенинникову Капитолину Сергеевну, Морозову Капитолину Васильевну, Рассадину Людмилу Михайловну, Снегиреву Ольгу Владимировну, Товарова Сергея Павловича.

ISBN 5-86953-096-2

© Издательство «Посад»

Как родилась эта книга

Идея создания книги о Юрьеве-Польском возникла, как это ни странно, вдали от Владимирской земли, в Стокгольме, где в 2000 г. на Высших курсах менеджмента директор юрьев-польской фабрики «Авангард», а в последующем глава администрации Юрьев-Польского района, А.В. Коньшев познакомился с сотрудниками издательства «Посад» и их программой «Губерния в старой открытке».

К этому времени владимирское издательство «Посад» на протяжении уже семи лет последовательно осуществляло уникальный проект, позволявший наглядно раскрывать читателям историческое прошлое городов, сел, слобод, показывать их неповторимый облик, запечатленный в открытках и фотографиях на рубеже XIX - XX вв. Особую выразительность, историческую достоверность программе издательства придало сотрудничество с художником Юрием Константиновичем Ткачёвым и заслуженным художником России Александром Павловичем Шубиным, создавшим цветные офорты-виды городов для иллюстрации этих книг.

В планах издания этой замечательной серии книг стоял, конечно же, и Юрьев-Польский, однако судьбе с самого начала было угодно, чтобы история создания книги о городе, как и сама книга, не были традиционными. Коньшев стал первым из руководящих работников Владимирской области, кто обратился в издательство, сказав: «Я хочу, чтобы следующая книга серии «Губерния в старой открытке» была посвящена моему городу». Тем самым он положил начало длительной, многотрудной и увлекательнейшей работы.

В 2002 г. Юрьеву-Польскому предстоит торжественно отметить 850-летие, и городу надо сделать достойный подарок. Именно это предстоящее редкое событие - многовековой юбилей города - наложило значительный отпечаток на всю работу над книгой, сделало ее весьма отличной от остальных книг серии.

Надо сказать, что Юрьеву, в отличие от многих других городов губернии, не повезло с освещением его истории, особенностей памятников архитектуры и жизни города на рубеже XIX - XX вв. ни в дореволюционной, ни в последующей краеведческой литературе. Поэтому работа над текстом книги потребовала от автора - Галины Глебовны Мозговой - не просто тщательного знакомства с городом, не только обращения за помощью к старожилам. Основным источником сведений по истории Юрьева стали документы владимирского областного архива, весь груз кропотливого, многомесячного изучения которых лег на плечи Розы Ивановны Мозговой, тем самым отдавшей долг городу, где прошли семь лучших лет её жизни. Без упорства, настойчивости, трудолюбия, увлеченности, неуспокоенности Галины Глебовны и Розы Ивановны просто не было бы этой книги. Отказаться от изложения многих интересных исторических фактов было очень трудно, и здесь нужно отметить то понимание, настоящее историческое чутье и тонкий вкус, которые проявил глава администрации.

А.В. Коньшев - редкий заказчик: внимательный, чуткий, всей душой переживающий за дело, всеми силами стремящийся помочь в работе и вместе с тем тактичный, не навязывающий собственного мнения, не диктующий каких-либо условий.

Потому книга «Город Св. Георгия» стала именно такой, какой ее видит читатель.

Город Юрьев, один из самых древних русских городов, заключает в себе преимущества всех древних мест: сидит при реке Колокше, почти в котловане, со всех сторон окружен местностями возвышенными, что защищает его от сильных ветров, бурь, холодов, делает его почти незаметным для чужого завистливого или лихого взгляда.

*Из Отношения председателя съезда мировых судей
Юрьевского судебного округа Владимирской губернии
Почетного судьи Павла Чичерина
Юрьевской Городской думе, 11 мая 1867 г.*

Шел май 1954-го. Остались позади годы учебы в Московском педагогическом институте, и новоиспеченная учительница французского языка, получив распределение, в последний раз заглянула к своей московской тете. Тетя Саша была человеком другой эпохи. В свои 70 с лишним лет она осталась все той же дамой начала XX века, затянутой в корсет, с неизменной брошью на высоком воротничке блузы - той, что до сих пор строго смотрит на меня с портрета со стены моей комнаты.

Москвичка с 1905 г., она даже выросшую в Ленинграде племянницу считала глубокой провинциалкой, от которой вряд ли можно было ожидать какого-то стоящего, разумного поступка. Тем более неожиданным было одобрение, которое вызвало известие о месте ее будущей работы. «Весьма неплохо. Юрьев - старинный университетский город», - весело сказала тетя Саша, имея в виду, конечно же, единственный, памятный ей по ушедшей эпохе город с таким названием - Дерпт.

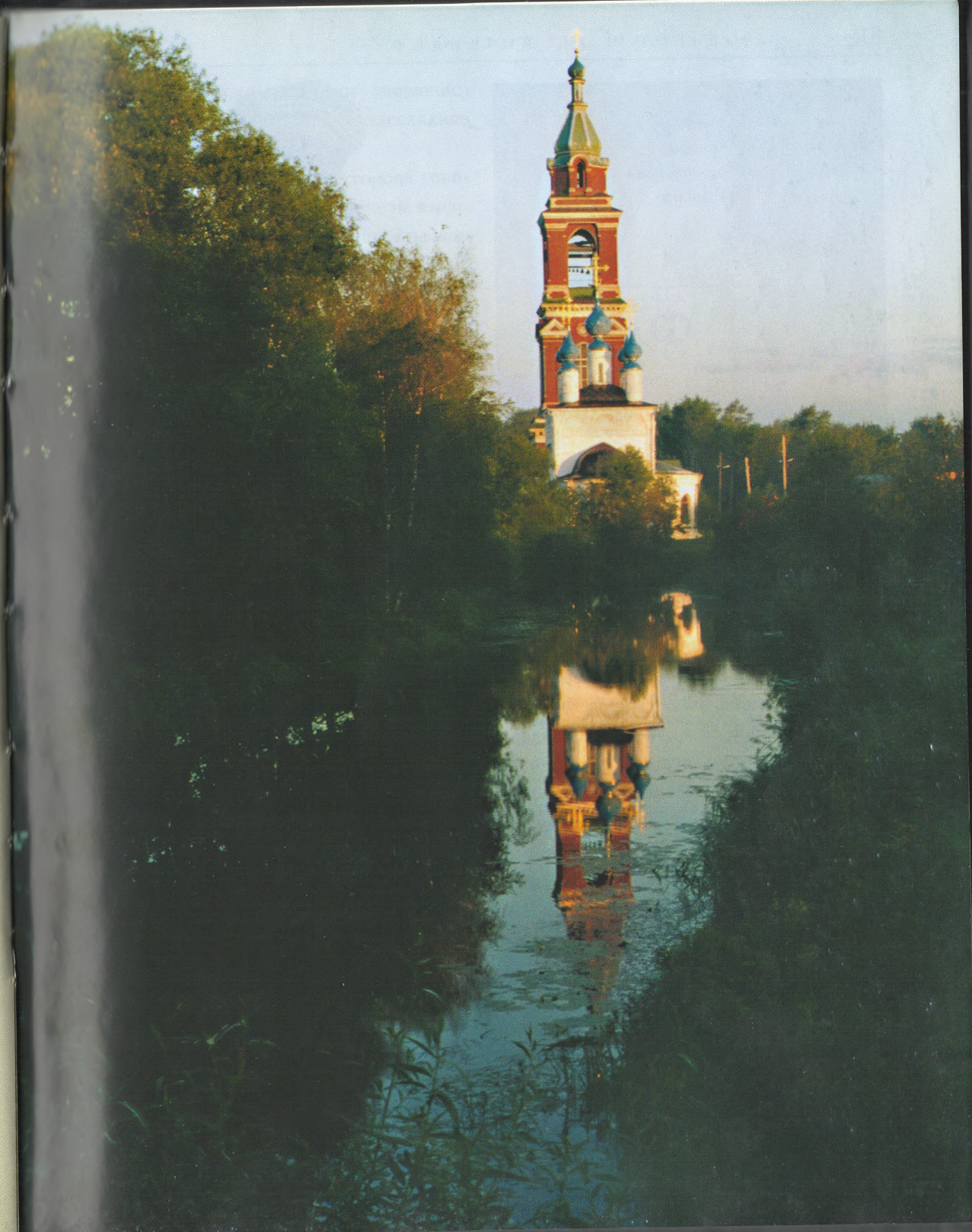
«Ну и как показался тебе этот «университетский» город?» - допытываюсь я у мамы - той молодой выпускницы вуза - полвека спустя. От первого дня осталась в памяти только длинная-длинная улица, по которой шла она со стареньким тетиным саквояжем к месту будущей своей работы - школе № 1.

Сейчас, по прошествии полувека, мы листаем страницы архивных документов, перебираем мамины старые юрьевские фотографии, бродим по тихим, умиротворенным юрьевским улицам и вспоминаем...

Поразительно, но как-то в далеких 50-х, в начале лета, судьба столкнула на улицах Юрьева оживленную стайку девушек с неприметным на вид человеком с рюкзаком за спиной. И только несколько лет спустя, по фотографии автора в книге «Владимирские проселки», молодая учительница узнала, с кем разговаривала тогда, в 56-м. Выяснилось, что Владимира Солоухина подтолкнул к путешествию восторженный рассказ коллеги-журналиста:

«Заходим мы, значит, в Юрьев-Польский ранним утром. Только дождь прошел: земля курится, трава сверкает. Городок деревянный, тихий, над домами трубы дымят. Через город река течет, и так она до краев полна, вот-вот выплеснется. И вся-то река прямо в центре города кувшинками заросла. Горят они, желтые, на тихой утренней воде. Попад водой мостки тесовые - там и тут. На мостках ядреные бабы икрами сверкают, валками белье колотят. А вокруг петухи орут.

Фландрия, да и только!»

Над широкою рекой,
Пояском-мостком перетянутой,
Городок стоит небольшой,
Летописцем не раз помянутый.
Н.С. Гумилев

Фландрия, да и только!

«Я видел много российских рек, - рассказывал владимирский писатель С.К. Никитин, - и вовсе не по пристрастию туземца могу сказать, что Клязьма с ее притоками - Киржачом, Пекшей, Воршей, Колокшей, Нерлью, Судогдой, Нерехтой, Уводью, Тезой, Лухом, Суворощью и другими, более мелкими, - один из самых красивых речных бассейнов России...»

Как замечательно, что самое поэтичное, самое трогательное описание пришлось на долю Колокши. Да-да, Колокша «серебристой чешуйчатой змейкой вьется в ромашковых и лютиковых лугах, ныряет под мосточки, тоненько звенит в прозеленевших сваях старых плотин и мельниц», ведь любой, кто хотя бы раз видел эту реку, скажет, что именно подразумевал писатель под «серебристой чешуйчатой змейкой». Это она пробирается к Юрьеву среди пахучих разноцветных лугов Ополья; это она вращала когда-то жернова мельниц (а на старых открытках, в полях, за городом, видны еще и силуэты мельниц ветряных - ну чем не Фландрия?); над ней насоборужали люди многочисленные мосты и мосточки, она омывает позеленевшие от времени и сырости сваи разобранных когда-то за ветхостью мостов. Колокша наполняет собой Юрьев-Польский; причудливо извиваясь, она присутствует в городе повсюду, именно этим вызывая сравнение с испещренной каналами Фландрией.

И неудивительно. Средневековые русские города, что старше и моложе Юрьева-Польского, строились иначе. Князья выбирали место при слиянии двух рек (Днепр - Почайна, Волга - Ока, Клязьма - Лыбедь, Москва-река - Неглинная), да только город при этом располагался на

высоком крутом холме, а реки - живописные, могучие, судоходные - плескались далеко внизу у его подножия.

Здесь же само название города говорило о том, что расположен он не на высоких, почти отвесных берегах реки, а на равнине, в полях, на редких для Северо-Восточной Руси плодородных землях. Поэтому, наверное, некоторые историки и пришли к мысли, что и само назначение города, цель, с которой он строился, были совсем иные - не оборонные, не защитные - неожиданные для середины XII века, когда князь на князя «мечом ковал крамолу».

Жаль, что эта красивая версия лишена исторических оснований. В XII - начале XIII вв. Северо-Восточная Русь имела опасного и коварного врага, каким для Южной Руси были половцы. И именно в 1152 г. волжские болгары, пользуясь по-

Есть предание, что для постройки Юрьева Великий князь первоначально избрал место в 10 верстах от нынешнего, где теперь село Числовские Городищи. Туда, по его повелению, привезены были все нужные материалы и, наконец, приступлено к постройке. Земляной вал и вокруг его ров, уцелевшие в том селе и доныне, вскоре были совершенно окончены. Но вдруг князь приказал,

...Город был назван по имени его основателя - князя Юрия. Есть и соответствующая запись в Никоновской летописи, где под 1152 г. сказано: «... Великий князь Юрий Суждальский многи церкви созда и в свое имя град Юрьев заложил, нарицаемый Польский...» Вероятно, город получил свое название не непосредственно по имени князя, а в честь его святого покровителя... Как известно, современные имена Юрий, Георгий и Егор исторически восходят к греческому имени Georgos, имевшему значение «земледелец»... Хотя возникновение определения Польский к то-

Рабочая модель памятника Юрию Долгорукому для Юрьева-Польского. Скульптор И.А. Черноглазов.

оставя прежде избранное им местоположение, вновь начать строить город на берегу реки Колокши, неподалеку от впадения в нее реки Кзы, где он и до сего времени существует.

В. Борисов.
Несколько слов о Юрьеве-Польском.
Владимирские губернские ведомости,
1848, № 41.

пониму Юрьев уходит далеко в прошлое города, утверждается оно в составе названия, очевидно, не ранее XV - XVI вв. К числу древнейших упоминаний города с помощью названия-словосочетания следует отнести то, что содержится в указной грамоте Ивана III Дмитрию Лазареву «О досмотре Кучецкой земли в уезде Юрьева Польского», которая датируется историками 1485 - 1488 гг.

М.В. Горбаневский, В.Ю. Дукельский.
По городам и весям «Золотого кольца».
М., 1983.

ражением Юрия Долгорукого на юге, в который уже раз напали на «Суждальскую землю» и осадили Ярославль. Попытка разграбить Ярославль закончилась неудачей, однако повлекла за собой новое усиленное строительство укрепленных городов на северо-востоке Руси. Был переведен на новое место важнейший центр северо-востока - Переяславль-Залесский, заложены Звенигород на Москве-реке, Кидекша,

Крестный ход
на берегу
Колокши

прикрывавшая княжескую резиденцию Суздаль, и, наконец, Юрьев-Польский, ставший опорным центром Ополя. Так что слово «Польский», приставленное в названии города к основному, было, согласно сложившейся в ту эпоху традиции, признаком, по которому новый город следовало отличать от другого, основанного еще киевским князем Ярославом Мудрым, имевшим, как и ростово-суздальский князь, «крестильное» имя Юрий (Юрьев - Дерпт - Тарту).

Как бы то ни было, а необычное равнинное расположение города привело к тому, что и реки, Колокша и Гза, у слияния которых он был построен, вошли в его жизнь по-особенному. Они не просто кормили и поили Юрьев-Польский, не просто связывали с другими городами и защищали, но и «диктовали» ему условия, с которыми город не мог не считаться. С самого начала документирования деятельности городских

учреждений и особенно с тех самых пор, как стал Юрьев-Польский уездным центром сначала Владимирского наместничества, а затем Владимирской губернии, в названиях дел Юрьевской Городской думы и даже канцелярии губернатора мелькают вопросы строительства, ремонта или реконструкции юрьевских мостов и гатей. Причем своеобразная река вмешивалась отнюдь не только в дела мирские. В 1857 г. пришлось Городской думе выделять деньги на устройство в «трех местах переходов через реку Колокшу и мостов на оврагах» для... Крестного хода вокруг города.

Были у города и более серьезные «речные» проблемы, особенно в преддверии весеннего половодья. Заботу о своевременной починке юрьевских мостов и устройстве гатей, а заодно и о подновлении мостовых проявлял городничий. На то у него были веские причины. Так, в январе 1846 г. в отношении, направленном Юрьевской Городской думе, городничий писал, что «от Владимирской заставы до Окзяного моста гать всегда бывает в худом для проезда положении» и в дождливое время проезд по ней делается «весьма затруднителен», за что он, городничий, «от Г. Начальника Губернии неоднократно получал строгое замечание». Заметим, что периодическое мощение улиц сделало культурный слой Юрьева чем-то похожим на новгородский. Известный юрьевский краевед А.С. Торлин свидетельствовал: как-то во время земляных работ центр города был прорезан глубокой траншеей, в которой виднелись многослойные деревянные мостовые.

Итак, дело, заведенное Юрьевской Городской думой по отношению городничего, позволяет нам представить все ежегодные проблемы Юрьева-Польского, возникавшие с приходом весны. Какой смысл ремонтировать только гать, когда и мост через Гзу стал уж слишком вет-

Но те же самые, тогда необходимые условия в настоящее время сделались очень вредными в гигиеническом отношении... для устройства вала в городе; в те же древние времена земля выбиралась возле вала - низко болотистое место, которое до сих пор существует на всей южной стороне; снаружи постоянно все лето гниет какая-то зеленая жидкость, а внутри, где огороды, - стоячая гнилая вода остается до августа. Части вала с запада, севера и востока снутри заст-

роены, и, конечно, поднята земля, а с востока находятся монастырские огороды и монастырские стены; снаружи же в эти гниющие места вальт с незапамятных времен всю грязь и нечистоту с целого города. Такого рода добавления, не только не высушивая местности, прибавляют зловония и гнили.

Из Отношения Почетного судьи
Павла Чичерина Юрьевской
Городской думе, 11 мая 1867 г.

хим? И в дело вслед за сметой на починку гати легла смета на строительство нового моста. Пока ждали решения, наступил март и полиция по настоянию почтмейстера забила новую тревогу: теперь угроза нависла над безостановочной и безопасной переправой через реку Гзу, где «при разлитии вода подымается выше моста». В этом случае для переправы через строптивую реку обычно использовали плот, и все же городской староста Бедняков и гласный Абросимов получили от Думы серьезное поручение: вести наблюдение «с тем, чтобы они в случае необходимости для безостановочного проезда позаимствовали от известных им лиц на время полоразлития воды надежную лодку». Переправа, очевидно, была налажена, поскольку Юрьевская дума своевременно получила документ Владимирской губернской строительной комиссии, извещавший, что в Юрьев командирован член «строительного отряда путей сообщения штабс-капитан Шац для поверки смет, составленных Градской думой».

А городничий тем временем требовал «надлежащего освидетельствования» уже Никитского моста. Страсти накалялись: Шац не появился в Юрьеве и в мае, а городничий, ожидавший «приезда начальника губернии для ревизии города», предлагал «немедленно приступить к исправлению общественных мостовых, трактуаров, тумб и мосточков, а особенно озаботиться поправкою» все того же участка мостовой от Гзяного моста до Владимирской заставы, о чем начал хлопотать еще четыре месяца назад. Кстати сказать, Никитский мост, вопреки распространенному мнению, существовал еще во второй половине XVIII в., так как был «необходимо нужен» и городу, и земству. Во-первых, для оказания помощи заречной части города в случае пожара. Во-вторых, крестьяне юго-западной части уезда везли через него на базар продукты. И сто лет спустя он не утратил своего значения. Даже существовавший к тому времени Воскресенский (Бородулинский) мост не мог спасти положения. Путь к нему «пролегал через набережную и два немощеных проулка, расположенных по самой топкой части города, проезд по которым с возами даже летом был «положительно невозможен».

К сожалению, денег на окончательное решение всех этих проблем у города вечно не хватало (в марте 1909 г. «Старый Владимирец» по-прежнему называл вопрос о мостовых «животрепещущим»). Как правило, отделялись полумерами, полагаясь чаще всего на добровольные пожертвования купцов, мещан и крестьян. Те же, в свою очередь,

неохотно расставались с деньгами, и канцеляристу Думы порой приходилось подшивать в дело страницы, на которых напротив собранных квартальным надзирателем подписей людей с известными в городе фамилиями - Пашков, Шевелкин, Бедняков, Цекин и др. - была написана одна только фраза: «Не желаю». А городничему, регулярно с середины зимы начинавшему хлопоты о починке того или иного моста, в мае нередко приходилось сокрушаться, что мост «пришел в совершенную ветхость и перилы от бывшей бури почти все поломаны».

Была у города и еще одна связанная с рекой беда, на которую безымянный автор думал, очевидно, обратить внимание городских властей, опубликовав в журнале «Будильник» в первые годы XX в. вот такие стихи:

*Эх, речка, речка Колокша!
Печален твой удел...
На мутный бег твой в Юрьеве
Сквозь слезы я глядел...
Канавы засоряются -
Их чистят. А тебя?
Увы! Тебя не трогают,
Твой грязный вид любя.*

В эти же годы в губернской прессе той же проблемой озадачился некто Нил Адмирари. Уже в самой «фамилии» автора заключалась насмешка, ведь admirer по-французски означает восхищаться, восторгаться. Не вняли. То ли потому, что «Будильник» «по малому своему распростра-

4 февраля состоялось экстренное заседание Городской думы. В начале заседания была почтена память скончавшегося гласного И.И. Курбатова. Затем Дума приступила к рассмотрению докладов Управы, и прежде всего о постройке пришедшего в полную ветхость Покровского моста. Дума предполагала построить железобетонный

мост, но оказалось, что это будет стоить до 13 тыс. руб. Убоявшись такой суммы, решила построить деревянный, ассигновав на это 3880 руб. и поручив Управе сделать заем в 3500 руб. из запасного капитала.

Старый Владимирец, 1909 г., № 64.

Зимой еще у нас туда-сюда, но летом просто невыносимо. Положительно некуда выйти. В запруженной речонке грязная вода омывает грязные же низкие берега. В этой речонке понатыкано несколько купален, но какое находят удовольствие купаться в такой воде - это непонятно.

Многие, впрочем, из юрьевцев полагают, что вода еще довольно жидка, не мешало бы погуще; было бы приятнее... Оказывается, у всякого свой вкус...

Старый Владимирец, 1910, № 100.

нению не оказал должного влияния на просвещенные головы «отцов города», а может, «за многотрудными семейными, служебными, торговыми, клубными и др. обязанностями им не хватало времени обратить внимание на этот наболевший вопрос».

А вопрос о чистоте воды в городе действительно наболел. Еще в 1867 г. председатель съезда мировых судей Юрьевского судебного округа почетный судья Павел Чичерин предлагал Городской думе провести воду в город из Красного села, «за три версты от города, где вода хороша и в изобилии». Могли решить проблему и ключи села Ильинского, и богатые прекрасной водой ключи реки Гзы.

Дума было предприняла даже попытку бурения артезианского колодца. Построили вышку, начали сверлить, как писал безымянный очевидец, и... «просверлили восемь тысяч рублей». Поэтому по-прежнему каждый житель города вопрос: пить или не пить воду из Колокши - решал для себя сам сообразно своему достатку. «Ведь известно, что че-

Катание по Колокше на лодках Беляевых. Вид на почтовую лаву.

ловек бедный, простой, - замечал язвительный критик, - ежели умереть, так он и с хорошей водой помрет и с дурной. Ну а богачи города? А что богачи! Какие славные лошадки у Богашова, Прохарчина, Коноплянникова! Живо отмахают с бочкой за город, версты за три-четыре, в «березки» или «красносельские родники». Привезут ключевой воды... Пьешь, и все хочется».

И лишь в феврале 1911 г. Городская дума постановила «ходатайствовать перед Владимирским губернатором о разрешении займа в 15000 р. на устройство водопровода, обратиться с просьбой о пожертвованиях к владельцам фабрик, страховым обществам, частным лицам». В мае в адрес Городской думы поступили сразу два денежных перевода: 15 тыс. рублей от Фабрично-торгового товарищества «Братья Овсянниковы и А. Ганшин с сыновьями» и 600 руб. от Александры Алексеевны и Варвары Алексеевны Ганшиных.

В Юрьеве, в отличие от многих других городов губернии, решено было взимать плату за пользование водой не только «с торгово-промышленных заведений и лиц, пользующихся водой в целях извлечения материальных выгод», но и со всех жителей города. Пожелавшие брать воду «из проведенных кранов от водопровода» в собственном доме работы оплачивали дополнительно. В ноябре 1911 г. был утвержден тариф «за пользование водой из городского водопровода для всех потребителей: 1/8 коп. с ведра и 5 коп. с бочки до 40 ведер».

К концу 1911 г. на улицах Юрьева появились невиданные строения - водоразборные будки, которые горожане немедленно окрестили «бассейками»: «на чуть возвышенном помосте, крытая, крыша коньком».

Мысль о недостатке хорошей воды в Юрьеве является особенно жгучей всегда с наступлением весеннего времени. Город Юрьев построен на болоте, и вода в имеющихся у многих домов колодцах настолько жестка и обладает таким вкусом, что употребляется лишь для поила скота, и потому большинство юрьевских обывателей пользуется водой для питья и пригото-

вления пищи из протекающей городом речки Колокши. В этой же реке обыватели круглый год моют белье, летом купаются сами и купают лошадей... говорить, следовательно, о качестве этой воды нечего.

Нил Адмирари. Клязьма, 1906, № 85.

2-го января освящен и открыт городской водопровод, устроенный по инициативе городского головы Ганшина на средства города, фабрикантов и жертвователей. Работами руководил ин-

женер Цихинский. Стоимость водопровода 30000 рублей.

Старый Владимирец, 1912, № 4.

При будке находился служащий, ежемесячно отчитывавшийся перед Городской управой о том, сколько ведер воды было отпущено им за истекший период. К отчету прилагались погашенные контрамарки, которыми все желающие запасались в Городской управе. Так, из отчета служащего при водоразборной будке № 2 К.И. Бородулина мы узнаем, что Юрьевскому добровольному пожарному обществу в феврале 1913 г. было отпущено 830 ведер воды, причем «58 ведер выпущено по случаю худых рукавов». Непростительная небрежность, поскольку водоразборных будок было мало и многие продолжали пользоваться водой Колокши, которая с каждым годом все более загрязнялась.

Еще в 1909 году, когда водопровода не было и в помине, автор одной из статей в «Старом Владимирце» рисовал читателям картину состояния реки в конце зимы: «Всю зиму по ней ездили, около прорубей поили скот... и вымывали горы белья, некоторые уголки реки напоминали городскую базарную площадь. Полой воде было бы над чем поработать! Но за неделю до половодья спускают мельницу, лед ломается, покрывается водою и постепенно тает, а все нечистоты остаются в реке...»

Но, к счастью, так было не всегда. Пусть юрьевские реки так малы, что и в конце XVIII в., как отмечал городничий, не было на них ни «судового ходу и пристаней», ни «гонки лесов и стройки судов», но разливы юрьевских рек были обширны. По Набережной затапливало все дома. Лаву на Владимирской улице корежило или переворачивало вовсе. Вода иногда текла по Воскресенской и, заворачивая в переулочек Шевелкина, оставляла только островок суши (именно поэтому дома в заречных кварталах обязательно ставились на деревянные или каменные столбы). Она разливалась от Воскресенского моста до мельницы и прибывала столь стремительно, что женщины, зашедшие как-то в Покровскую церковь святить Пасхальные куличи, выйдя из церкви, вынуждены были, подобрав подолы, выбираться вброд.

В нашем городе есть водопровод. Вода в нем хорошая. Но на весь город сделано всего три водоразборные будки. Вследствие этого 3/4 города лишены возможности удобного пользования водой. Но, видимо, чтобы заставить горожан брать воду из городского водопровода и тем приносить городу доход, отцы города и сами свободно спускают всякие гадости в протекающую городом реку, и другим разрешают это делать. Вследствие

этого река превратилась в гнилое болото. Но...значительная часть жителей города принуждена пользоваться водой этой реки. Сейчас поднимается вопрос об «остро-желудочных заболеваниях», и потому «водяной вопрос» ...приобретает особо серьезное значение.

Юрьев-Польский. Больные вопросы.
Старый Владимирец, 1915, № 168.

А что творилось у мостов! Пожарные баграми прогоняли льдины между быков. На захватывающее зрелище сбегался весь город. Целыми семьями сходились к мельничной запруде смотреть на разлив. Взрослые, бывало, скажут: «У мельников теперь самый помол». А запруды не спустят, пока разлив не примет совсем уже угрожающий характер.

Кстати, о мельничной запруде мы вспомнили не случайно. Недаром фотографы сочли ее юрьевской достопримечательностью и поместили на одну из немногих открыток с видами города. Плотина на Колокше существовала давно, и город придавал большое значение ее исправности и поддержанию в рабочем состоянии, особенно летом, когда опасность возникновения пожара резко возрастала. Об этом страшно было даже подумать. Поэтому и юрьевский городничий, в июле 1851 г. сообщавший Думе о том, что Колокша «прорыла» находящуюся близ мельницы плотину и «вода из оной реки почти вся утекла в реку Кзу», так аккуратен в выражениях: «теперь в жаркое время вода для города весьма необходима, особливо - чего боже сохрани! - во время несчастного случая». Забила тревогу и Дума. Дело осложнилось тем, что содержанием мукомольной мельницы на Колокше, по контракту с Юрьевской думой, был александровский купец третьей гильдии А.И. Вихляев. В Александровскую думу немедленно направили требование «обязать Вихляева подпискою как в скорейшем устройстве плотины по обязанности контракта, так непременно явкой его в Юрьев». Две недели, которые ушли на поиски купца, город жил под нешуточной угрозой, пока наконец писец Юрьевского городского магистрата не поставил за не знавшего грамоты Вихляева подпись под обязательством в скором времени устроить разрушившуюся плотину «для вспружения воды», «требуемый запас» последней «всенепременно представить Думе» и до окончания работ из Юрьева никуда не отлучаться.

А Колокша - вот она, дремотно несет свои темные воды мимо окон школы. Почти до самой середины реки распростерлись по ее поверхности плоские листья желтой кувшинки. А у самых берегов цветут сусаки, стрелолисты, рдесты... Мы любили купаться в хорошо прогретых летним зноем водах Колокши. Откроешь глаза под водой, - а она зеленая от обилия микроскопических водорослей. Какой только живности не во-

дилось в этой воде: жуки-плавунцы, разнообразные моллюски, пескари, плотвички, голавли, голавстики и взрослые лягушки... Накупавшись, нарезвившись в воде, мы выбирались на берег, поросший пыльным ковром гусяной лапки.

В. Артамонов. Юрьев-Польский - младший брат Москвы.
Наука и жизнь, 1996, № 1.

г. Юрьевъ-Польскій. Видъ на казармы и Мельничную заправду

Вид на казармы и мельничную заправду

Ильинская мельница

К тому времени, когда фотограф увековечил плотину и запруду, по договору с городом мельник был обязан ежегодно летом дня на два - четыре спускать воду из пруда, после чего «плотина опять приводилась в должный порядок». Делалось это «в видах очищения воды», изрядно зацветавшей летом. Ежегодно день открытия плотины сопровождался массовым ловом рыбы. Воды в реке оставалось буквально по колено, и юрьевцы сбегались к Колокше кто с чем мог: с сачками, бреднями, корзинами, в том числе бельевыми и небольшими, с которыми обычно ходили на базар. Ловили даже просто руками, поскольку рыба была очень доступна. Этим ежегодным истреблением мелкой рыбы объясняли юрьевцы отсутствие в Колокше рыбы крупной. О том, что в черте города «ловились очень порядочная рыба и встречались даже хорошие язи и щуки», к началу XX в. помнили только старожилы.

С окончанием половодья столь коварные еще недавно реки входили в берега и жизнь в городе постепенно приобретала «мирный характер»: горожане опять брали воду из Колокши, та вновь зарастала кувшинками; женщины полоскали белье, а юрьевские мальчишки, как, верно, за сто лет до этого, как и сто лет спустя, визжа от удовольствия, бросались в ее теплые воды.

Реки, текущие в городе, имеют разный характер. Есть и такие, что, говоря словами Блока, безжалостно рассекают город так, что разведенные его половинки чудятся навсегда потерянными друг для друга. Не такова Колокша. Течет она почти вровень с берегами, а растущие по обе ее стороны раскидистые деревья, находя свое продолжение-отражение в воде, как бы стягивают друг к другу берега. А может быть, дело в извилистости Колокши, в ее вездесущности, в том, что, неожиданно проглядывая в просветах между домами, она служит фо-

...Никогда, кажется, этот лов не принимал такого хищнического, безрассудного истребления рыбы, как это наблюдалось 20 числа сего августа месяца. Благодаря тому, что вода была спущена вся, а погода стояла очень теплая, масса жителей бросилась ловить рыбу... Были случаи, что в течение часа одним сачком налавливали около пуда мелкой рыбы. «Наверное, после эдакого рыбьего погрома у нас и в десять лет не разведется, как следует, рыба!» - сказал мне с большим озлоблением почтенный седобородый ры-

бак, усерднейшим образом вылавливающий сачком рыбешку... «Ведь надо бы всех нас, ловителей, в три шеи гнать от берега в эдакое время, когда вся рыба ополоумела и задыхается в грязи, а тут...», - и старик ожесточенно плюнул, потом развел руками и принялся вытаскивать из воды сачок, в котором уже трепетало до десятка мелких «ополоумевших» рыбешек.

Очевидец. Старый Владимирец,
1913, № 189.

ном для впечатлений, которые щедро дарит город? А может, дело в мостах, проезжих и пешеходных, носящих в Юрьеве самобытное название «лава», безымянных и имеющих веками сложившиеся названия, официальные и разговорные: Гзяной, Соборный, или Станционный, Никитский, или Покровский, Воскресенский, или попросту Бородулинский (это мосты), Почтовая, Гриднева (это лавы). Мосты и лавы тесно перетягивают и без того узкое «тело» реки и словно сближают ее берега.

И, как знать, так ли уж случайно именно юрьевец Б.П. Константинов стал главным инженером проекта единственного висячего цепного моста в Москве - Крымского, одного из наиболее крупных цепных мостов в Европе? Не эта ли, с раннего детства, близость архитектора к реке, такой же уютной, как и небольшой провинциальный город, детские впечатления равновесия, умиротворенности, несвойственной большим городам и большим рекам гармонии отразились и в изящной конструкции моста, авторам проекта которого «удалось заставить «звучать» все точки опоры и слить это звучание в гармонию архитектурного образа?»

Строительство моста у бывшей фабрики Ганниных. Фото 20-х годов.

Юрьевские реки не просто неотделимы от облика города, они влились в его историю, в его жизнь и память его обитателей. «Речная» тема веками звучала в названиях улиц Юрьева, официальных и неофициальных: Набережные, Заречная, Гзяной переулок. Колокша и Гза обязательно завораживали любого. А уж тот, кто обладал талантом, чья жизнь, пусть даже ее незначительная часть, прошла в Юрьеве, и подавно не мог не воспеть его скромные реки во всем, что писал - в прозе, стихах и картинах.

В декабре 1913 г. - январе 1914 г. во Владимире проходила выставка картин учителя рисования и черчения Мальцовского ремесленного училища Н.Н. Николаева. Николай Николаевич был пейзажистом, и на выставленных полотнах многочисленные посетители могли видеть «пейзажи владимирские, его ближайших и более отдаленных окрестностей, виды в городах губернии». Непритязательный лиризм природы Владимирского края не мог не тронуть художника, тем более не могли оставить его равнодушным неброские пейзажи окрестностей Юрьева-Польского, города, с которым было связано более трех лет (1894 - 1897 гг.) жизни и работы учителем чистописания, рисования и черчения «Юрьевского городского по положению 1872 г. училища». Несомненно, среди сотен работ, представленных на выставке, были и виды Юрьева, пейзажи его рек, начинающихся сразу за городом полей, ближайших юрьевских сел. Так и чудятся они в самих названиях работ Н.Н. Николаева, оригинально перечисленных в «Старом Владимирце»:

*Лунная ночь, Серебристая
речка, Разлив, Ледоход,
Старая баня, В овраге,
Грач молодой, Огород,
Солнечный день, На закате,
Ветрянки, Заводь, Стожки,
Ельник, Дорога в обитель,
Группа берез, У реки.*

«Это не стихи, а названия картин на каталоге, - писал автор статьи о выставке. - Но, положи руку на сердце, они красивей многих современных поэм...»

Н. Н. Николаев.
Вид города Юрьева-Польского.
X., м. 1894-97 годы.
Из коллекции Ганшиных.

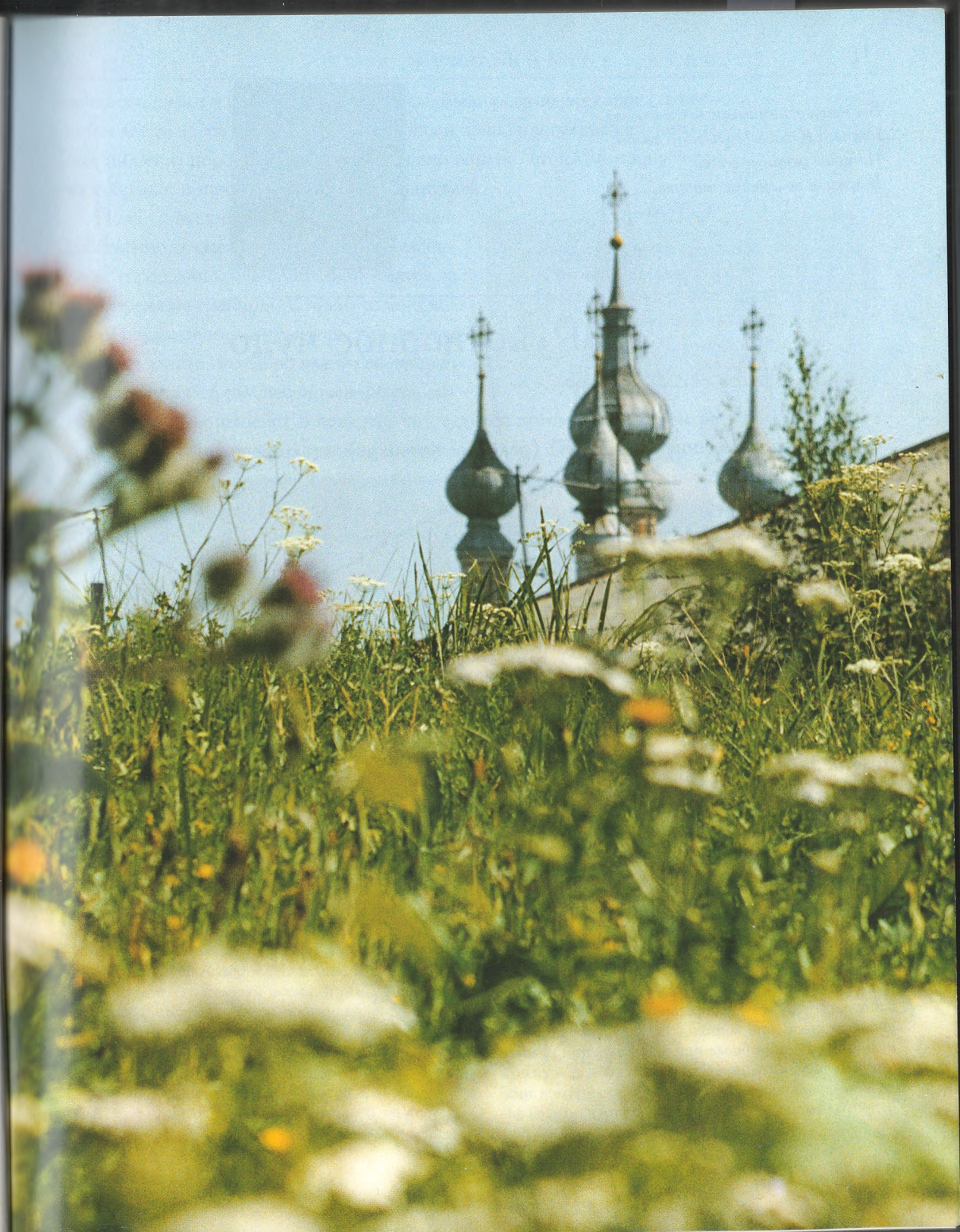
1 декабря 1913 г. во Владимире открылась выставка картин и этюдов Николая Николаевича. На ней было представлено до 200 картин, этюдов, портретов. В основном, пейзажи владимирских окрестностей и виды городов губернии. Свое творческое кредо Николай Николаевич выразил в каталоге выставки в стихотворной форме:

*Я молюсь с бесконечной верой
Солнцу, тучам и восходам зеленым,
И над Русью, печальной и строгой,
Огнезарным восходным знаменам.
Беспредельным родимым просторам
И жердям пошатнувшихся прясел,
И лесам, что неярким узором
Хмурый север несмело украсил...*

Поэт Яков Коробов откликнулся на выставку похвальным отзывом: «Да, он именно молился, когда уверенной кистью клал на полотно этот незатейливый пейзаж «кладбищенского уголка», поэтому он и вышел таким теплым, нежным, родным. А эти «Стожки», а «Околица деревни»? А эти мутные, неяркие картины деревенских буден?! Как все хорошо!»

М.П. Попова.
Краевед В.Г. Добронравов
и его портрет работы художника
Н.Н. Николаева.
Владимир, 1999.

Ну что, читатель, если тебя уже позвала дорога, мы готовы сопровождать тебя, поскольку книга, которую ты держишь в руках, - путеводитель, позволяющий увидеть Юрьев-Польский начала XX века, ведь «если чтение любой книги - искусство, то чтение путеводителя - искусство особое: его информация немислима без соотнесения с реальными улицами и площадями, садами и памятниками, с тем *рукотворным чудом*, которое мы называем городом».

Все чаще вспоминаем мы, взрослая,
Родного Юрьев-Польского двory,
И тихие уютные аллеи,
И храмов золоченые шатры...
С. Торгов

Рукотворное чудо

Живописное здание школы №1 (реальное училище), столь неожиданное для деревянной застройки, трехэтажное, дореволюционной архитектуры, с высокими окнами расположенного на третьем этаже просторного актового зала - вечерами в них долго пламенеет заходящее солнце - видно уже издалека, с середины улицы, которую оно завершает. Жаль, что это здание, составляющее вместе с рядом стоящим домом для учителей единый архитектурный ансамбль, не попало на открытки с видами Юрьева! Оно и сейчас является одним из лучших в городе.

Возведено оно было на «Луговой улице» против Воскресенской улицы, между кварталами 36 и 38». В газетах не зря писали, что участок под строительство отведен на Ильинском поле. Это действительно была окраина города, поле по дороге на старинное с. Ильинское. И несколько десятилетий спустя осенью предметом первой необходимости в гардеробе учителей, квартиро-

Здание реального училища.
Фото 1950-х годов.

...Городу надлежит детально разработать вопрос об устройстве путей сообщения, которым в настоящее время более приличествует название «путей разобития». Невозможно же, в самом деле, подрастающему поколению вязнуть в той непроходимой грязи, которая тянется по всей за-

реченской стороне. Если где местами и имеются мощные улицы, то они как-то опустелись, затянулись грязью и их существование пропадет бесследно.

Старый Владимирец,
1911, № 91.

вавших в домах напротив здания школы, были резиновые сапоги, а весной и летом здесь мирно паслись коровы и козы, прогуливались кичливые индюки, порою по-своему решавшие вопрос, стоит ли пропускать на собрание в школу запоздавших родителей.

Поля со всех сторон окружали Юрьев, собственно, даже сейчас мало что изменилось: город лишь незначительно вышел за свои прежние границы. Стоило только перейти окраинную улицу, и юрьевец оказывался во власти полей, во власти звенящей, как натянутая струна, песни жаворонка, настолько растворившейся в воздухе, что чудится потом: она и в центре города царит над всеми другими звуками.

Затрепетали звезды в небе,
И от зари, из-за аллей,
Повеял чистый, легкий ветер
Весенней свежестью полей...
И. Бунин

Вид на реальное училище со стороны села Ильинское

Все более и более нравился нам тихий, весь в зелени городок, окруженный всеми этими ромашками, короставниками, гвоздичками, колокольчиками, васильками, подорожниками, тысячелистниками, хвощами, польнюью... А то еще посмотришь вдоль улицы и увидишь в конце ее колосающееся ржаное поле. Ветерки, пахнущие полевыми травами, продувают городок насквозь, и кажется,

что сами деревянные дома насквозь пропитаны этими запахами. Вместе с рекой, прорезающей Юрьев через самый центр, входят в быт юрьевичей кувшинки, стрекозы, обильные росы по вечерам, речной туманец в летние ночи.

В. Солоухин.
Владимирские проселки.
М., 1964.

Особое значение в жизни города имели пастбища и покосы, поскольку редкий горожанин не держал на своем дворе скот. И сегодня живы в памяти старожилы воспоминания о стадах, которых в Юрьеве было несколько, и о выгонах, носивших даже имена собственные, например, Евфрат. Жители разных концов города легко находили место для выгона своего стада. Пастбища в документах XIX - начала XX веков даже служили ориентиром при описании расположения улиц. Так, в 1838 г. писали, что Спасская улица протянулась «от Владимирской заставы до выгону к кладбищу». 3-я Луговая улица, на которой было построено реальное училище, получила название Артиллерийской: с середины XIX в. расположенные вдоль нее «выгонные пастбищные земли» использовались для летних учебных занятий гренадерской артиллерийской бригады. «Практическая стрельба» по договору с Думой велась по утрам, не более четырех часов, в остальное же время выгон был свободен. А замыкавшую город с восточной стороны 1-ю Луговую улицу и в начале XX в. составляли выходявшие на Гзяной луг, или городской выгон, сады и надворные постройки усадеб, фасады домов которых украшали параллельную Спасскую улицу. В документах названия этих двух улиц порой так и сливались в одно - Спасская Луговая.

Окраинные улицы, с трех сторон окружавшие город, носили общее название Луговых и различались лишь номерами или добавочными определениями, например, Луговая-Дворянская. Вряд ли кому-либо пришлось ломать голову, давая улицам это имя, оно напрашивалось само. Луговые так и значились в документах «улицами кругом города лицевыми к выгонам». Город просто вливался в луга и потому весной и летом был наполнен запахами трав и цветов.

Кремль города, имея в окружности не более версты, обнесен земляным валом, южную сторону которого омывает река Колокша. Вал этот для сообщения улиц с кремлем прорыт в трех местах и служит в летнее время местом прогулки для

Город Юрьев окружен полями, по причине коей и назван Польским. Расстоянием от Москвы через Александров летнею дорогою 164, зимнею через Киржач - 130; от Санкт-Петербурга - 867; от губернского города Володимира - 54; от смежных городов Володимирской губернии: Суздаля - 52, Покрова - 65, Киржача - 60, Переяславля За-

жителей. Главные здания в кремле: Георгиевский собор, Архангельский монастырь, дом Присутственных мест и градской тюрьмы.

В. Быстрицкий. Владимирские губернские ведомости, 1848, № 50.

лесского - 60. Разделяется на две части, из коих первая называется кремль, вторая - предместье. Жилья более находится в предместии, в котором считается семь улиц.

Топографическое описание Владимирской губернии, составленное в 1784 г. Владимир, 1906.

Юрьев, как и многие древние города, состоял из двух частей: из кремля и предместья.

Местность, которую Юрий Долгорукий выбрал для застройки, как в чаше, лежала в низине, окруженной высокими холмами, и на естественные условия защиты - крутые берега реки, глубокие овраги - горододельцам князя рассчитывать не приходилось. Город был заложен по берегу реки Колокши, недалеко от устья ее притока - Гзы, и, пожалуй, единственной его защитой стала топь, которой отличалось это место. Крепость, имевшая в плане почти круглую форму, была обнесена хорошо сохранившимися и в наши дни высокими (до 7 м) валами с деревянными стенами. Вал не был замкнут: трое ворот (нынешние три разрыва в валах) соответствовали дорогам на Владимир, Переяславль-Залесский и Москву.

Произведенные в наше время раскопки позволили предположить, что княжеский двор располагался в юго-западной части юрьевского детинца, возле вала. Именно здесь были найдены остатки медуши - помещения для хранения вина и медовых напитков, фрагменты средневековых амфор, в которых из Крыма везли на Русь виноградное вино, обломки бронзового паникадила XII в. и донца горшков со знаком Рюриковичей.

Н.Н. Воронин считал, что «с запада крепость прикрывала лощина небольшого ручья или овражка, подходившая к Колокше», омывавшей южную сторону кремля. Так ли это, «... или юрьевы мастера обнесли вал рвом («но оный ров заплыл», - отписывали юрьевцы в Академию наук в 1760 году)...», а может быть, верно предположение почетного судьи Павла Чичерина, которое мы уже приводили в предыдущей главе, но и в начале XX в. некоего юрьевца по-прежнему возмущало мало изменившееся со временем положение дел: «кругом вала идет канава - очевидно, и в нее сливается кое-что - и эта канава буквально перед окнами Городской управы».

Сколько столетий уместилось на этом острове в центре старого города, сколько произошло событий! Кого только не видели древние валы! Князя Юрия и его внука, первого юрьевского князя Святослава, опьяненные кровопролитием полчища татаро-монгол и жадные до наживы

*Угрюмо шмель гудит, толкаясь по стеклу...
В окно зарница глянула тревожно...
Притихший соловей в сирени на валу
Выводит трели осторожно.*

И. Бунин

полки пана Лисовского, иноземных временщиков и царственных богомольцев. Здесь сердце древнего города, не случайно именно в кремле сосредоточились самые старые постройки Юрьева: древний Георгиевский собор и его ровесник - Михайло-Архангельский монастырь.

О соборе речь еще впереди. Скажем лишь, что, в отличие от многих своих собратьев, он не царит над городом, он - его душа и поэзия, его страж и символ. У его подножия берет исток главная улица города - Большая, от него тянутся переулки - Троицкий, Старый, Зеленый. Кремлевский собор в Юрьеве отнюдь не занимал центральное место на территории, ограниченной древними валами. По традиции того времени строители разместили здание собора под углом к проему входной башни, чтобы подчеркнуть его объемность, лучше выявить его пластические качества.

К Георгиевскому собору была приписана стоявшая недалеко до 1892 г. теплая Благовещенская церковь. Как деревянная она была построена еще в 1705 г., а такой, как запечатлел ее фотограф, существовала с 1776 г. При взгляде на открытку становится понятно, что неизвестные нам строители не подверглись новомодным веяниям и возвели здание в добрых старых русских традициях.

Украшением кремля и Юрьева всегда являлся Михайло-Архангельский монастырь, шпили башен и главки церквей которого, как сказочный город, внезапно появляются из-за валов. Следуя по восточной трети кольца древних валов, можно хорошо рассмотреть обширную территорию и кажущиеся многочисленными из-за многообразия куполов и шпилей строения монастыря.

Точно год основания монастыря неизвестен, но под 1269 г. в его Синодике уже упомянут благоверный князь схимонах Дмитрий, сын Святослава Всеволодовича, постриженный в обители Архангела Михаила Пресвященным Геннадием, епископом ростовским, и погребен-

Георгиевский собор

ный в том же монастыре. В следующий раз, как сообщали в 1821 г. составители «Описания юрьевского третьеклассного Архангельского монастыря со дня его основания», монастырь был «начат после многих разорений от нашествий неприятельских около 1530 г. по велению Царя и Великого князя Василия Иоанновича». Поэтому и запечатленные на фотографиях монастырские здания относятся к XVI - XVIII вв. Также в XVI в. у монастыря возвели каменную ограду: в 1555 г. усердием князя М.И. Кубенского было выстроено 40 сажень и «по ней пристроены три башни большие, верх шатровый». И лишь в 1736 г. «при настоятеле архимандрите Леонтии и вся ограда выстроена каменная и по ней четыре башни малых». Самая старая, западная, стена с тремя мощными, правда, сильно перестроенными башнями еще напоминает нам о былом предназначении тихих обителей: она сохранила печуры подошвенного боя, навесные бойницы, щели для стрельбы с боевого настила, лежащего на арках с внутренней ее стороны. Однако все эти сооружения не так грозны, как у суздальского Спасо-Евфимиева монастыря или Троице-Сергиевой Лавры.

...До города Юрьева дорога крутогориста и безлесна. В Юрьев приехали во втором часу пополудни, в Архангельский монастырь; пред городом встречены были городничим с чиновниками, которые приходили в игуменские келии поздравить; купцы принесли хлеб и соль. Монастырь Архангельский небогатый и невелик, окружностью 250 сажен с небольшим, внутри городского строения. Город стоит на низком, ровном месте, и кругом

его места ровные и безлесные; в нем шесть церквей каменных. Строение есть хотя и каменное, но посредственное, а прочее деревянное. В окружности версты три или четыре.

Путевые заметки пресвященного митрополита Платона Московского и Калужского в Ярославль, Кострому и Владимир (1792). Владимирские губернские ведомости, 1842, № 4.

В западной линии ограды расположена Богословская надвратная церковь со «святыми воротами» в нижнем ярусе. Он представляет собой своеобразный портик с четырьмя арочными пролетами на мощных восьмигранных столбах-тумбах, двумя сводчатыми въездами и двумя входами. Над ними, во втором этаже, - охватывающая храм с трех сторон паперть с поясом ширинок и украшенными арочными бровками окнами. Пятиглавый храм с широким карнизом и тремя кокошниками на каждом фасаде по сравнению с сочной пластикой паперти несколько беден и сух. Его строитель был мастером менее умелым, чем суздальские зодчие;

в его руках тройные угловые полуколонки приобрели вид простых толстых столбиков, разделенных стойками из ромбов. Но в целом он создал достаточно торжественный и красивый центр лицевого стороны ограды и парадный вход в монастырь. Вошедший через низкую полутемную арку Святых ворот, где устроены печуры для сидения богомольцев, попадал на центральный двор монастыря, образованный его главными зданиями.

Н. Воронин. Владимир. Боголюбово. Суздаль. Юрьев-Польской. М., 1983.

Западная стена монастыря с красивой пятиглавой Богословской церковью (1670 г.), возвышающейся над «святыми воротами» (1654 г.), хорошо просматривается на общем виде Юрьева, снятом с колокольни Георгиевского собора. Характерная для архитектуры Московского государства XVII в. декоративная обработка ворот и церкви выполнена из простого и фигурного кирпича с большим вкусом.

На одной линии с парадным входом в монастырь, в центре его территории, стоит главный монастырский храм - Михайло-Архангельский собор (1792 - 1806 гг.). Он моложе надвратной церкви, однако удачно вписывается в общий ансамбль.

Запечатленная фотографиями соборная церковь Михаила Архангела стоит на месте деревянной, возведенной в 1535 г. «собственным своим иждивением Царем и Великим князем Василием Иоанновичем». В 1560 г. благодаря князю Кубенскому в монастыре была отстроена первая каменная соборная церковь с Ильинским приделом. В отличие от той, которую мы видим на старых открытках, она была двухэтажной. На протяжении двух столетий церковь неоднократно подвергалась переделкам и обновлениям, пока, начиная с 1792 г., не была перестроена в одноэтажный пятиглавый соборный храм. Одновременно была упразднена «каменная теплая низменная во имя пророка Ильи» церковь, «каменное строение» употреблено на возведение Михайло-Архангельского собора. Строился он при двух архимандритах. При архимандрите Антонии «от разных христоробивых Юрьева града жителей подаянием, господских, купеческих и всякого чина людей, все каменное строение складено до самых глав лучшим искусством и огромностью»; архи-

Лучшей из них (построек - Г.М.) является колокольня XVII века. Она чрезвычайно монументальна и представительна. Широкий и низкий четверик с тремя симметрично расположенными на переднем фасаде окнами несет массивный восьмигранный столп с широкими лопатками на углах и карнизами. Все его плоскости сплошь покрыты квадратными ширинками в нижнем ярусе и фигурными уступчатыми нишками-киотцами - во втором... Широким пропорциям восьмерика отвечает обработка арок звона короткими и толстыми полуколоннами с огромными «бусинами». Над арками звона вздымается ве-

личественный шатер с гуртами-выступами на ребрах, тремя ярусами окон-слухов и нарядной главкой из блестящей зеленой черепицы. Все здание от его общих сильных пропорций до деталей проникнуто далеко не аскетическим монастырским настроением; сочная пластичность и богатство убора роднят юрьевскую колокольню с пышными купеческими постройками Муroma XVII века, говорят о все сильнее наполняющих церковное зодчество «мирских» народных вкусах.

Н. Воронин. Владимир. Боголюбово.
Суздаль. Юрьев-Польской.
М., 1983.

мандрит Никон сделал «в главах фонари железные», покрасил их «зеленою ярью» и установил «на оных главах кресты и под ними яблоки, вызолоченные чрез огонь золотом». Он же и освятил собор в 1806 г. Усердием купчихи Авдотьи Васильевой в церкви был сооружен трехъярусный иконостас «с разною резьбою и с колонными столбами».

Шатер внушительной колокольни также хорошо виден на открытках. Документов, указывающих время ее строительства не сохранилось. Зато документально подтверждены поступления в монастырь каждого из девяти колоколов. Самый большой 320-пудовый колокол изготовлен был в 1804 г. юрьевским купцом Петром Карцевым, а через три года «за расшибитием» перелит во Владимире мастером Данилом Зайцевым. Два следующих по старшинству колокола имели московское происхождение и были отлиты Филиппом Андреевым «при великих государях царях и великих князьях Иоанне Алексеевиче и Петре Алексеевиче»: 109-пудовый - в 1688 г., а 60-пудовый - на 3 года раньше. Последний «приложен» был Анфисой Початовой «по ее муже Федоре Матвеевиче в вечное поминовение». Колокольня чрезвычайно богато декорирована. Непривычно приземистый широкий четверик, на котором и утверждён восьмигранный столп колокольни, закрыт на фотографиях другими монастырскими зданиями - выстроившимися в линию с южной стороны Знаменской трапезной церковью и келарской палатой.

Комплекс сооружений монастыря фотограф снимал с вала, отделенного от стены ограды обширными монастырскими огородами. Особенностью данного вида является то, что вся южная сторона монастыря представлена на открытке в зеркальном отображении. Здание трапезной церкви (1625 г.) имеет два этажа. Верхний завершается скромной изящной церковной главкой, нижний служил для хозяйственных целей: при церкви в одной с нею связи располагались ризничная каменная палатка, настоятельский и братский погреб. В 1792 г. в «оной церкви в трапезе» по правую сторону был устроен придел святого пророка Ильи, перенесенный сюда из упраздненной церкви. В 1814 г. в Знаменской церкви появился еще один придел - во имя Казанской Пресвятой Богородицы, сооруженный на средства Акулины Андреевны Пестовой.

С запада к Знаменской церкви примыкает обширный квадратный одностолпный зал трапезной палаты, сообщающейся с церковью большой аркой и двумя широкими окнами. Эту линию продол-

Юрьев-Польский. Спасская улица.

Юрьевъ Поль-
ский. Церковь
Благовѣщенія.
Начало XVIII
вѣка. Русскій
стиль.

Eglise de
l'Annonciation.
Commenc. du
XVIII s. Juriev
Polsky, Gouv.
de Wladimir.

Церковь Благовещения. Начало XVIII века.

Общій вид с Георгиевской колокольни

Архангельскій мужской монастырь
(открытка изготовлена в зеркальном отображении)

жает двухэтажная келарская палата (1763 г.), выступающая во двор монастыря. Жаль, что на открытке мы видим лишь обращенный к хозяйственной территории монастыря фасад палаты. Особое внимание зодчий уделит парадной стороне здания, поместив в центре портал входа, к которому со двора вела лестница каменного крыльца.

Главный монастырь Юрьева никогда не испытывал недостатка в жертвователях. Петр Петрович и Евдокия Васильевна Карцевы «за усердие обители сей» были даже погребены в монастыре. Не обделена была обитель и царскими вкладами. Особо хотелось отметить, что при архимандрите Варсонофии в монастырь «жертвовал из разных вещей церковных князь Дмитрий Михайлович Пожарский, главный освободитель Москвы, всей России от наглых поляков».

Идя по гребню высокого древнего вала, можно представить себя юрьевцем рубежа XIX - XX вв., ведь видим мы практически тот же город. А стоит войти в один из разрывов в валах, и мы попадаем в мир, где царят спокойствие, безмолвие, умиротворение, розовеет в закатных лучах

Екатерина Ивановна Иванова, известная в Юрьеве портниха

Странные порядки у нас в местной почтовой конторе. На повестках обозначено время начала присутствия с 8 ч. утра, а когда ни приди, там еще и нет никого. В особенности, не дожидаться заказных писем. Кажется, почта приходит с вок-

зала рано, около 6 ч. утра, а почтальоны с разносткой всегда около 11.

Старый Владимирец,
1909, № 27.

В Юрьев приехали мы поздно, а по ночам ездить не люблю; и так вошел бешен, как медведь после привязи, к моему родственнику, Безобразову, горюдничему того места... О Юрьеве говорить мне нечего. Город старинный, Долгоруким Царем строенный, но некрасивый, посреди равнин и без воды, ибо река Колокша, в нем текущая, внимания не заслуживает. Здесь, во время моего начальства, построены соляные амбары и корпус При-

сутственных мест каменный; в нем я некогда говорил речь служащим дворянам, и все с нее списывали копии. Ныне, может быть, и гроша за нее не дадут, хоть она та же, но я не тот же.

Журнал путешествия из Москвы в
Нижний 1813 года. Князь Иван
Михайлович Долгорукий.
Изборник 1764 - 1823. М., 1919.

засыпающий Михайло-Архангельский монастырь, башни и главки церковей которого кажутся тщательно прорисованными уверенной рукой живописца, особенно рельефно выглядит резьба Георгиевского собора.

Кремль всегда был менее населенной частью города, чем предместье. В 1784 г. здесь, кроме Присутственных мест, находились 24 жилых дома, которые в большинстве своем принадлежали монастырским служителям (16) и служащим приказов (4). И в начале XX в. жилых домов на территории кремля по-прежнему было немного. Помимо Большой улицы, правую сторону которой составляет монастырская стена, они располагались на двух извилистых улочках - в Троицком переулке, получившем название от собора, заменившего одряхлевшую Благовещенскую церковь, и в Завалье - улице, название которой достойно древности этих мест.

Но вернемся к главной улице города. Особенно хорошо ее начало видно на открытке с общим видом Юрьева, снятым с соборной колокольни. Объектив фотоаппарата не захватил построенное в 1860 г. здание почты. В 1913 г., по свидетельству А.С. Торлина, почтовая контора переехала на Владимирскую улицу, где почтовое ведомство приобрело и надстроило вторым этажом дом Абросимовых. С тех пор лава, соединяющая два отрезка Владимирской улицы, и названа Почтовой. Зато на рассматриваемой нами открытке отчетливо видны двухэтажные каменные здания: справа - выстроенное в начале XX в. общественное здание, в нем располагалась богадельня Красковского, и более старое слева - возведенное в 1811 г. «по распоряжению МВД по подтвержденному плану» здание Присутственных мест, составляющее вместе с расположенной за ним тюрьмой единый комплекс. Двухэтажное каменное здание Присутствия, строго выдержанное в лаконичных формах классицизма, выглядит весьма просто, но даже в середине XIX в. продолжало оставаться одним из красивейших в городе.

Юрьевское полицейское управление, затеявшее в 1914 - 1916 гг. ремонт, подшило в аккуратное заведенное дело поэтажные планы Присутственных мест. На первом этаже располагались архив, комната вещественных доказательств, помещение для надзирателей и четыре арестантские комнаты; на втором - Присутствия: воинское и полицейское управления. Столетием ранее (1829 г.) здесь ютилось гораздо

г. Юрьевъ — Польскій Влад. губ. Общій видъ

Общій видъ с Георгиевской колокольни.
На переднем плане здание Присяженных мѣст.

Юрьевъ-Польскій. Базарная площадь.

Вид на Торговую площадь от Михайло-Архангельскаго монастыря.
Слева дом Крюковых.

больше учреждений, наверху находились уездный и земский съезды, дворянская опека и градская полиция, внизу - казначейство и кладовая. В то время здание тюрьмы было еще деревянным, «по ветхости ничем не занималось и по ненадобности предполагалось в продажу». А вот в первые годы XIX в. тюрьма действовала. Р.Ф. Савинова, посвятившая специальный труд владимирскому губернатору И.М. Долгорукову (1802-1812 гг.), пишет: «При осмотре местного острога он испытал буквально потрясение. Тюрьма была старой и тесной и до отказа набита осужденными. Откуда-то из угла вдруг раздался детский плач. «Что это?» - спросил князь с недоумением. Ему объяснили, что одна из заключенных родила здесь ребенка. От спертого воздуха в тюремном помещении Ивану Михайловичу сделалось плохо. Его под руки вывели на улицу». Придя в себя, губернатор распорядился прямо при нем перевести женщину с ребенком под присмотр полиции в другое место.

Стоит обратить внимание и на дом, расположенный против монастырской ограды, принадлежавший торговцам Крюковым, агентам по распространению швейных машин компании «Зингер», о чем свидетельствует и вывеска на стене дома.

Помню, с мамой приехали в Юрьев, к Вере Ивановне, тут уж познакомились и с мужем ее Георгием Константиновичем Ланцевым, заведующим магазином К° Зингер, симпатичный тоже и очень славный мужчина. Следующий день был первым днем моей службы. Боже, сколько волнений было в новой обстановке, приходилось выносить пылкий взгляд служащих, которые за каждым моим движением следили. Первой моей работой было проходить программу вышивки на машине. Цельми днями сидела за машиной, без привычки было больно шею, спину, руки, а от шумящей машины «Люкс» болела голова, но терпеливо просидела с 8 ч. утра до 8 ч. вечера, не смея об этом никому говорить, и, придя наверх, где на время снимала уголок у Крюкова - хозяина магазина, тут же от усталости ложилась в постель... Через две недели я закончила вышивку, стали сдавать мне товар моего отдела: нитки, иголки, части машин, сантиметры, ножи, ножницы и т.д. Встала за прилавок продавать и отпущенное тут же записывать, понемногу начала прикидывать к письменной работе, а в свободное время

исполняла вышивки образцов для магазина... В магазине была строгая дисциплина. Надо было всегда аккуратно приходить на службу в 8 часов: как, бывало, ударят в монастыре Михайло-Архангельском, так чтоб быть в магазине, а за пять минут опоздания приходилось извиняться. Во избежание этого спешила всегда, кое-как закусив, к магазину, ждать заведующего, ждать часто под дождем и метелью. Лишних разговоров, кроме службы, не было, больше царил тишина. Все были погружены в работу, только было слышно тиканье часов, скрип пера и шелканье счет... Понемногу привыкла к конторскому делу, стала лучше писать, на счетах, хоть и не быстро, считать и недурно вышивать. Вышивкой я частью выдвинулась: в мае 1915 года меня назначили в командировку на станцию Кольчугино преподавать вышивку.

*Рукописный дневник
г-жи Марии Петровны Прохоровой
(в замужестве Коробченко),
оконченный 22 октября 1917 г.
(обработка моя - Г.М.)*

Если внимательно всмотреться в общий вид Юрьева, то за зданием Присутственных мест, напротив входа в монастырь, можно разглядеть маленькую луковичку, возвышающуюся над острым резным фронтоном-щипцом. Это часовня во имя Благовещения Пресвятой Богородицы. Ее силуэт среди многочисленных архитектурных сооружений кремля был обнаружен нами не сразу. Этому предшествовали бесконечные опросы юрьевцев с показом единственного свидетельства - открытки с ее изображением. Увы, люди терялись в догадках. И только одна пожилая женщина, живущая на территории кремля, взглянув на открытку, сказала, что с молодости помнит рассказы родителей мужа о часовне, стоявшей недалеко от их дома. «Вот здесь», - показала она уверенно на едва заметное прямоугольное углубление в свежезеленеющем газоне. Каково же было наше удивление, когда это единственное свидетельство жительницы Юрьева нашло подтверждение в старых газетах.

Закладка часовни проходила 25 мая 1868 года, в годовщину покушения на Императора Александра II в Париже, при очень торже-

25 мая в Юрьеве-Польском происходило освящение закладки часовни в воспоминание сохранения драгоценной жизни Государя Императора в Париже 25 мая 1867 года от руки злодея. Мысль ознаменовать день 25 мая богоугодным делом выражена была исправником В.Н. Масловым, а жители города Юрьева и уезда с полной готовностью и сочувствием отозвались на предложение г. Маслова... Фасад часовни, состав-

ленный архитектором Артлебенем, отличается своею изящною архитектурою. Часовня будет сделана из кирпича, а цоколь и выступы часовни - из тесаного белого камня. Место сооружения часовни выбрано самое удобное, в центре города, близ собора и Присутственных мест...

А. Благонаравов. Владимирские губернские ведомости, 1868, № 22.

Будущий губернатор В.Н. Струков. Неизвестный художник. Х., м. 1820-е годы.

Юрьевъ-Польскій. Часовня „Благовѣщеніе Пр. Богор“.

Часовня в память об избавлении от смерти
при покушении на жизнь Императора Александра II

ственных обстоятельствах. На церемонии присутствовал губернатор В.Н. Струков (1866 - 1875 гг.), который, узнав об инициативе юрьевского исправника В.Н. Маслова, ходатайствовал о постройке часовни через министра внутренних дел перед Императором. Праздник завершился маленьким парадом: «военные чины», предводительствуемые командиром третьей артиллерийской бригады маркизом И.Г. Дела-Губле, «прошли мимо начальника губернии генерал-лейтенанта Струкова церемониальным маршем». Затем губернатор, предводители дворянства: губернский - граф Н.П. Апраксин и уездный - Д.С. Цевольский, председатель земской управы, судьи, чиновники, почетное купечество и несколько сельских старост проследовали в Дом благородного собрания, где гостям был предложен завтрак. Поднимали бокалы за здоровье инициатора события исправника Маслова и владимирского губернатора, которого городское общество, благодарное «за его заботливое внимание к общественным нуждам и интересам», пожелало иметь почетным гражданином Юрьева (в последующие годы В.Н. Струкова избрали почетным гражданином всех уездных городов, кроме Коврова).

В XVII веке, вскоре после литовского разорения, Юрьев представлял следующую картину... В 1613 году в Юрьеве имеется 9 тяглых дворов, 94 места пустых, 18 пустых до литовского разорения и 11 хором, без жильцов. В 1623 году в осыпи (валах — Г.М.) поставлен двор, ставятся приказные избы; на посаде 64 двора посадских и тяглых, 44 бобыльских, 16 нищих, пустых старых и новых мест 85. По переписи 1630 года осыпь значится в 580 сажений, в ней, кроме церквей и монастыря, двор воеводский, съезжая и губная избы, тюрьма, двор бирюча и несколько пустых. На по-

саде посадских 61 двор, бобыльских - 39, пустых - 34, ... 69 лавок, 2 харчевни, пустых лавочных мест 38, кабак, таможня, 5 кузниц, 2 солодовни. В 1648 году в Юрьеве всяких чинов было 268 дворов, а в них 414 человек. По переписи 1678 года в Юрьеве «города и острога, и крепости, и народу, и зелья, и ядер, и соли нет, а вал попорчен в 5 местах».

Спутник по древнему Владимиру
и городам Владимирской губернии.
Составил Н.Н. Ушаков.
Владимир, 1913.

Город разделяется на небольшие кварталы, коих считается 41. Улиц и переулков 21, из них главных, вымощенных камнем, три: Покровская, Большая и Луговая, по правильному расположению коих Юрьев принадлежит к красивым уездным городам. Особенно прелестный вид открывается, когда, подъезжая к городу по переславскому тракту, смотришь на него с горы, на кото-

рой лежит село Красное. Отсюда весь город со своими Св. храмами является перед вами. Небольшие сады, примыкающие к городу с этой стороны, еще более придают ему красоты.

В. Быстрицкий. Статистическое
описание города Юрьев-Польский.
Владимирские губернские ведомости,
1848 г., № 50.

Наиболее серьезные изменения облик российских городов начал претерпевать в конце XVIII века, когда правительство Екатерины II приняло решительные меры по укреплению государства и преобразованию общественного строя провинции. Одним из таких мероприятий стало формирование наместничеств. В 1778 г. Юрьев-Польский вместе с шестью другими городами, отойдя от Московской губернии, стал уездным центром Владимирского наместничества, а с 1797 г. - Владимирской губернии. Однако государственные реформы распространили свое влияние дальше: началось устройство новых и переустройство старых городов. Начало этим процессам положил Указ Екатерины II «О сделании всем городам, их строению и улицам специальных планов по каждой губернии особо».

Лабиринт улочек стремились заменить квартальной «шахматной» системой. Живописность, бессистемность, хаотичность, пестрота средневековой застройки городов уходили в прошлое безвозвратно. 9 декабря 1788 г. на генеральном плане Юрьева собственной Ея Императорского Величества рукою было начертано: «Быть по сему».

На плане поверх пунктиров, обозначавших прежнее расположение улиц, был нанесен ровный, разбитый на клетки прямоугольник, заключенный в раму неизменно повторявшегося во всех планах городов «вала по границам города». Этот никогда не существовавший вал (очевидно, дань испугу, полученному в ходе крестьянской войны под предводительством Пугачева) был разорван лишь в местах выезда из города. Здесь должны были находиться заставы - заграждения в виде полосатых шлагбаумов, возле которых дежурили в кордегардиях воинские команды. В отчете об имеющихся в Юрьеве казенных зданиях городничий в 1829 г. напишет: «три деревянные карательные будки на въездах владимирском, московском и ростовском и при сей последней шлахбаум».

Материалы, собранные в ходе Генерального межевания Владимирской губернии (1773 - 1781 гг.), нашли отражение в составленном в 1784 г. «Топографическом описании Владимирской губернии».

Торговые ряды

Прежде всего на себя обращает внимание необычайно большое количество каменных домов в Юрьеве (17), ведь во многих городах их не было вообще. Лучшим был дом известного своими пожертвованиями в Михайло-Архангельский монастырь купца Петра Карцева. В сентябре 1787 г. в нем останавливался генерал-губернатор. Обстроиться Юрьев успел в короткое время. Ведь еще в 1760-е годы Юрьевская провинциальная канцелярия сообщала в Академию наук, что, помимо церквей, «прочие сего города строения все деревянные, кроме одного каменного дома».

15 каменных домов в Юрьеве принадлежали купечеству, которое селилось на Большой, Никитской, Спасской и Зарецкой улицах. Купечество уверенно удерживало первенство и по общему количеству домов - 192, в то время как мещане имели 112 домов, а помещики - 6.

Большая улица не была самой густонаселенной. И по количеству домов, и по количеству жителей ее опережали Спасская (73 дома) и Зарецкая (89 домов). Самой же незначительной в то время была единственная Луговая улица, на ней в 12 домах обитало 94 человека.

Мещане и купцы охотно селились на всех семи улицах юрьевского предместья. Под «церковнические» дома были облюбованы только

Торговая площадь.

Воскресенская, Никитская, Спасская и Зарецкая улицы, под «приказно-служительские» - Никитская, Зарецкая и Разночинная. Последняя носила такое название по праву: на ней жили помещики, купцы, мещане, служащие приказов, солдаты и члены их семей.

Спрямяя на плане улицы, решительно деля их на равные кварталы, «расчищая» место под будущую главную площадь города, градостроители тех лет бережно сохранили древние земляные валы, вписали в новую планировку существовавшие культовые здания, удачно «влили» в него своенравную Колокшу. В сравнении с планом XVII в. город неузнаваем, его центральная улица прямым лучом рассекает Юрьев, устремляясь от главной, примкнувшей к кремлю площади города к другой, получившей название Конной.

Главная улица города - Большая (в документах - Большая Московская) - до претворения екатерининских градостроительных планов пролегла иначе, о чем свидетельствует поворот влево, который она делает при пересечении с Воскресенской. До перепланировки улица, на месте которой проходит ныне отрезок Большой, ведущий через Торговую площадь до

Большая улица.
Вид
от Воскресенской
улицы.

пересечения с перпендикулярной улицей, носила название Воскресенской, по имени расположенной на ней церкви. Память об этом сохранилась и столетие спустя. На плане, приложенном в 1900 г. к прошению юрьевского купца М.М. Беднякова, желавшего «сделать значительные переделки в лавках Гостиного двора», улица, пролегающая через Торговую площадь между двумя корпусами торговых рядов, показана как Воскресенская.

К слову, о Торговой площади и ее главной достопримечательности - Гостином дворе. Переустройство городов по регулярным планам коснулось прежде всего общегородских центров, где должны были находиться Присутственные места, магистрат, суд, неподалеку от которых размещались Гостиный двор и торговые помещения. Центром административно-общественной и торговой жизни в Юрьеве, как и во многих городах, стала центральная городская площадь. Исключение составили Присутствия. Сказалась традиция: еще в XVIII в. их предшественники - губная и съезжая избы, а также тюрьма - находились в валах.

Именно здесь, на главной площади Юрьева, более всего заметны возобладавшие в конце XVIII - начале XIX в. новые приемы формирования площадей: прямые перспективы, зрительно сближающие не только соседние, но и отдаленные планировочные узлы города; выравнивание застройки по красной линии и высоте; стремление к уничтожению разрывов между домами, размещение на главных улицах близ центра лучших каменных домов. А вот характерная архитектурная деталь того времени - сглаженный угол домов, находящихся на перекрестке улиц, - нашла отражение только в одном здании Юрьева. Оно запечатлено фотографом, снимавшим вид на казармы и мельничную запруду.

В Юрьеве, как и во многих других городах России, располагались крупные воинские соединения, целый район города носил название Солдатской слободы. Напуганное крестьянскими волнениями дворянство еще с конца XVIII в. требовало от правительства укрепить города, что способствовало строительству казарм и плац-парадов. В Юрьеве у военных долго не было собственных помещений, земство не раз отклоняло требования властей о строительстве казарм. В 1866 г. под штаб и лазарет 3-й полевой артиллерийской бригады использовался дом купчихи Тушпиной. Солдаты же размещались летом в лагере, а зимой на квартирах в городе или ближайших селениях. Позднее военное ведомство приобрело под казармы фабричные постройки Тушпиных.

С местом, запечатленным на открытке, связан интересный факт. В сентябре 1887 г. Юрьев посетил цирк крестьянина Екатеринославской губернии Д.О. Камчатного. Уже осмотревший «устроенный вольтижерами цирк» полицейский надзиратель Чернобровцев составил акт его освидетельствования, как вдруг воспротивилась Городская управа. Во-первых, цирк и «другие увеселения» были устроены «на общественной земле близ казарм уездной команды» без ее разрешения. А во-вторых, находились в опасной близости от погребов при казармах. Сооружение пришлось переносить на плац, отведенный для учений воинской команды. 18 сентября цирк дал представление в пользу бедных горожан.

Ядром центральной площади Юрьева стали торговые ряды, состоявшие из двух корпусов, разделенных Большой улицей. Каждый из них имел по два ряда пронумерованных лавок. Пустое пространство внутри корпуса носило название зарядья. К строительству Гостиного двора в Юрьеве приступили еще в начале XIX в. Правда, в марте 1806 г. городничий Евграфий Михайлов докладывал губернатору, что строительство Гостиного двора задерживается, так как на местах, которые «по подтвержденному плану назначены под лавки», находятся дома купцов С.Я. Шевелкина и Д.Я. Горяинова. Дома эти очень ветхи, однако «хозяева оных по бедности своей в них имеют жительство» и отказываются перенести дома на другие места, «отговариваясь своим неимуществом». Губернатор принял неутешительное для юрьевских купцов решение ломать мешающие строительству дома. Однако и в 1817 г. Гостиный двор все еще оставался деревянным.

Претворение в жизнь градостроительных планов приносило неудобства людям, чьи дома стояли на пути новых прямых улиц. Перестройка по планам, особенно в больших городах, всячески затягивалась. В Юрьеве, напротив, отнеслись к застройке по генеральному плану со всей ответственностью. В апреле 1836 г. при проверке кварталов, которые «должны быть обращены в состав градских выгонов, к раздаче для заведения садов, фабрик, мельниц и прочего», выяснилось, что в Юрьеве из 41 квартала не застроены только три, причем землемер Венюков сообщил, что «необходимо оные нужны для селидьбы и в последствии времени могут быть застроены жителями».

Темпы переустройства, особенно в начале XIX в., были не высоки. Об этом свидетельствует «Описание г. Юрьеву-Польскому, очиненное городничим коллежским советником Свободским» (как городничий он известен по документам 1795 - 1800 гг.), где сказано, что Юрьев «находится в прежнем своем виде», поскольку «вновь построенными в разных города местах по плану домами ни одной еще улицы по проекту за оставшимся старым строением не открыто».

Со второй половины XVIII в. на многие-многое годы вперед архитекторы, техники и землемеры становятся заметными фигурами российских городов, а возведение намеченных по планам зданий зависит теперь от их профессиональных и личностных качеств. Именно в эти годы канцелярии губернатора то и дело приходится заниматься «безуспешностью по службе» или «буйством» землемеров. Архив канцелярии губернатора сохранил для нас еще одно прелюбопытное дело от 1806 г. Настало время возводить две линии каменных домов по обе стороны торговых рядов, между тем «вехи, кои по разбитии города поставлены были, от времени истребились», и городничий боялся предпринять что-либо без специалиста, «дабы не сделать ошибки в разделении планированных улиц». На просьбу прислать в Юрьев архитектора юрьевский городничий получил ответ губернатора, что архитектор не приедет, поскольку «для такой надобности, как планирование улиц и городских строений, существует уездный землемер». «Почему бы ему и на этот раз не выполнить свои прямые обязанности?» - недоумевал губернатор. В ходе короткого расследования выяснилось, что юрьевский землемер коллежский асессор Богданов, находясь во Владимире «для подачи прошения об увольнении его по преклонности лет от настоящей службы, сделался между тем нездоров, но, получа от болезни облегчение», все же выехал в Юрьев «для исполнения дел, присутствия его требующих».

В центре сохранились старинные торговые ряды: большое приземистое здание из побеленного кирпича. Широкие окна вплотную примыкают друг к другу и тянутся цепочкой. Они закрыты деревянными коричневыми ставнями с тяжелыми коваными петлями поперек. Перед рядами на столбах лежит бревно, к нему привязывают лошадей. Это был город овса и кожи, сена и колесной мази, мучных лабазов и рогожных кулей. Гроза,

что так уверенно находила вечером, не дошла до Юрьева. Однако утром прыснуло на перегретый город редкими светлыми каплями, и не сильно, но устойчиво по всему Юрьеву запахло лошадьми: тонкой смесью запахов сена, дегтя, хомутов и лошадиного навоза.

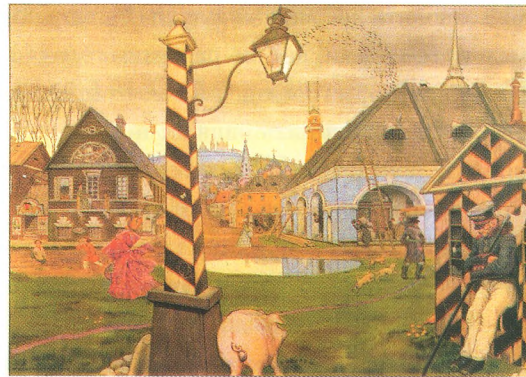
В. Солоухин. Владимирские проселки. М., 1964.

Гостиный двор не сразу приобрел облик, в котором запечатлен фотографиями в начале XX в. Осенью 1846 г. Владимирское губернское правление предписало Городской думе «исправить Гостиный двор в городе Юрьеве», для чего переслало «план единого фасада Гостиного двора». Правление признавало, что Гостиный двор «имеет довольно благообразный вид», который, однако, «составлен не в соответствии с правилами архитектуры». Мощный пожар 1871 г. не пощадил торговых рядов. Тот облик, который мы видим на открытках, ряды приобрели в 1873 - 1877 гг. Со временем в торговых рядах появилась деревянная «галдарея», как говорили в Юрьеве, на которой любила проводить свободное время молодежь.

Заметное оживление в деле благоустройства городов наступило в период правления Николая I. В эти годы в описях дел канцелярии губернатора и Юрьевской Городской думы мелькают дела, связанные с починкой мостов, ремонтом дорог, мостовых и гатей, усиливается контроль за соблюдением планов застройки, соответствия фасадов строящихся домов разосланным по губерниям образцам.

В связи с этим в сентябре 1840 г. Юрьевская Городская дума вынуждена была приобрести изданные при Департаменте военных поселений «четыре тетради образцовых фасадов для руководства городам при возведении обывательских домов», с «литографированными экземплярами» их фасадов. Основное правило, сопровождавшее тетради, было: «не требовать от строящихся излишних украшений в фасадах».

Фасады юрьевских домов действительно просты и ничем не выделяются. На фасадах Присутствия, большинства домов, обрамляющих центральную площадь, мы встречаем руст и характерное для первой половины XIX в. оформление оконных наличников. В остальном, самым изощренным украшением фасадов как каменных, так и добротных деревянных домов являлись пилястры. Владельцы деревянных или полукаменных домов позволяли себе сделать еще оконные наличники резными. В целом же центральные улицы города выглядели весьма скромно.

Картина
М.В. Добужинского
«Город
в николаевское
время»

Строжайшей регламентации подвергалось строительство не только домов. Обзор в мае 1837 г. начатое строительство моста через Колокшу, приехавший в Юрьев губернатор признал мост «неудобным» и повелел устроить его на новом месте согласно «г. губернского архитектора наставлению». В ожидании «надлежащего для него проекта» пришлось строить временный мост.

Отклоняться от исполнения указаний губернатора никто бы и не посмел. Перед обозрением губернии весной - летом 1837 г. он строжайше предупредил и полицию, и городские думы, что «отступления от высочайше утвержденных планов городов» будут отнесены на счет виновных.

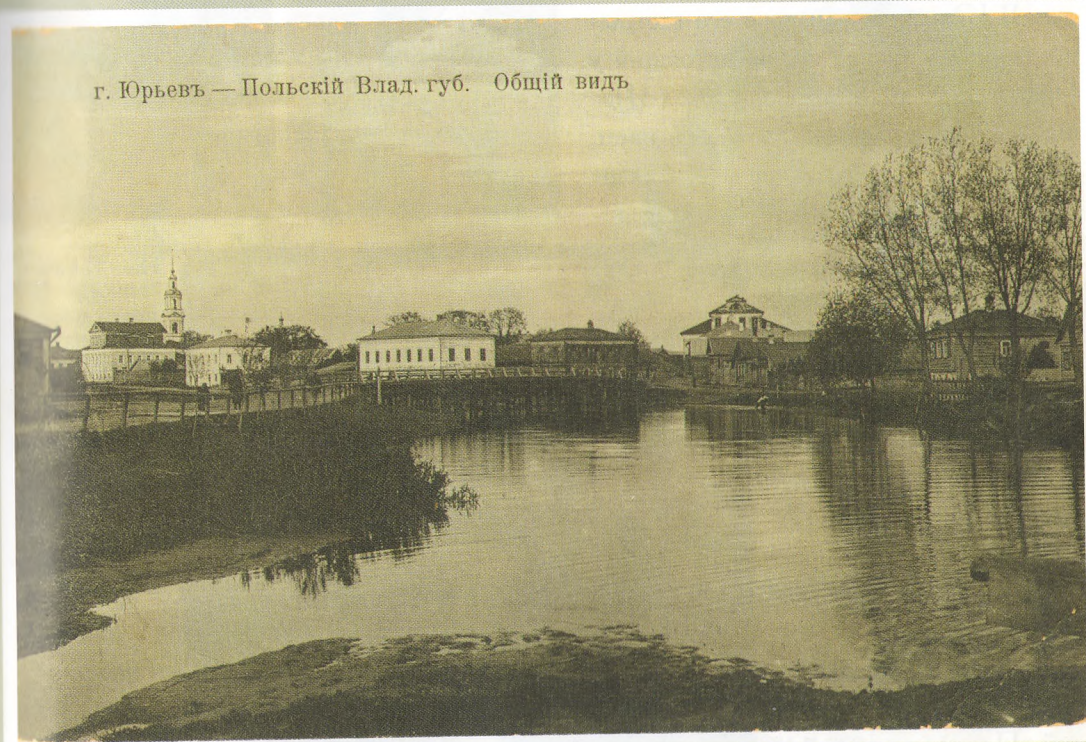
Недаром в пояснительном тексте С.А. Князькова к картине М.В. Добужинского «Город в николаевское время» серии «Картины по русской истории», издававшейся И.Н. Кнебелем в 1908 - 1913 гг., говорилось: «Мелочная регламентация распространялась на проекты и цвет городских зданий, « типовые » проекты изображенных на картине торговых рядов и каланчи, « николаевский » столб и нелепый фасад дома - « личная заслуга » Николая I ».

Приметой времени был дом с мезонином. Вряд ли в Юрьеве их было много, именно поэтому их так охотно запечатлевали фотографы. Те из них, что дожили до наших дней, по-прежнему придают Юрьеву ни с чем не сравнимый колорит. Один из этих домов, на Спасской улице, сильно перестроен: лишившись своего замечательного украшения, мезонина, он получил еще один, третий, этаж, но все же хорошо узнаваем по четырем, по-провинциальному скромным пилястрам.

А вот еще одна открытка - общий вид Юрьева от Покровской церкви. Не правда ли, есть в этом виде что-то гоголевское: «Чудный город Миргород! Каких в нем нет строений!.. направо улица, налево улица... Если будете подходить к площади, то, верно, на время остановитесь полюбоваться видом: на ней находится лужа, удивительная лужа! Прекрасная лужа! Домы и домики... обступивши вокруг, дивятся красоте ее». Но в данном случае Юрьев может с достоинством не замечать гоголевской иронии, поскольку уж никак не с лужей имеем мы дело. Это Колокша так причудливо изогнулась у Покровской церкви. Да и не южные, похожие на копны сена, домики глядятся здесь в воду, а два прекрасных каменных дома с мезонином.

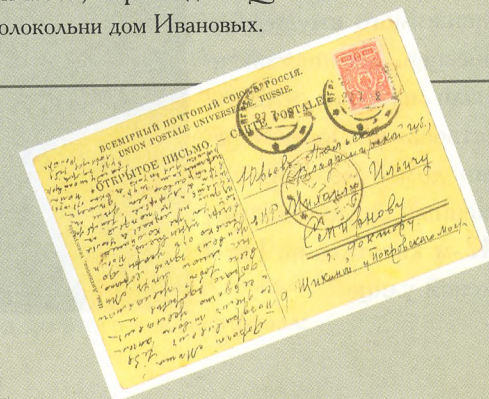

Дом с мезонином на Спасской улице

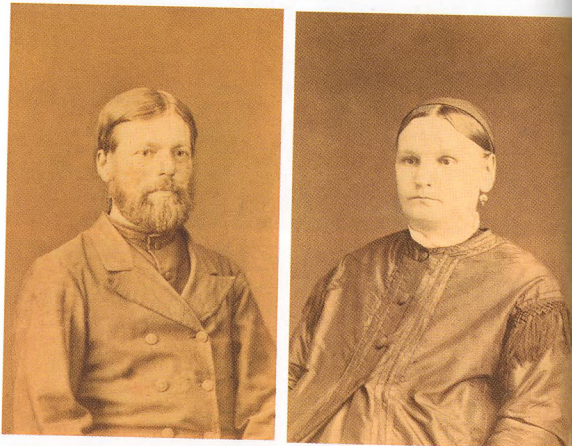

г. Юрьевъ — Польскій Влад. губ. Общій видъ

Общій видъ Юрьева. Покровский мост, справа дом Щекиной.
Слева на фоне Введенской колокольни дом Ивановых.

Тот, что слева, стоящий на фоне колокольни бывшего Введенского монастыря, принадлежал большой семье Ивановых. Часть из них торговала обувью, а Василий Иванович Иванов был доверенным Ганшиных на предприятиях в Омске. В Юрьеве оставались его сестры-портнихи. Тот, что справа, стоящий у Покровского моста, принадлежал Щекиным. Часть дома сдавалась в наем. Даже сейчас в Юрьеве живы люди, еще помнящие домовладелицу Марию Федоровну Щекину и ее детей. Кстати, Покровский мост служил адресом этого дома. В «дом Щекиной у Покровского моста» приходили в 1912 г. открытки юрьевскому врачу М.И. Смирнову. А в 1906 г. здесь квартировал судебный пристав владимирского окружного суда по Юрьевскому уезду Н.И. Казачинский. По долгу службы объявлял он о продаже недвижимого имущества юрьевцев. Именно так и узнали мы о том, что существовал в Юрьеве еще один дом с мезонином, каменный, двухэтажный, в 42-м квартале на Никитской улице.

Иван Иванович Иванов,
хозяин дома
на Набережной

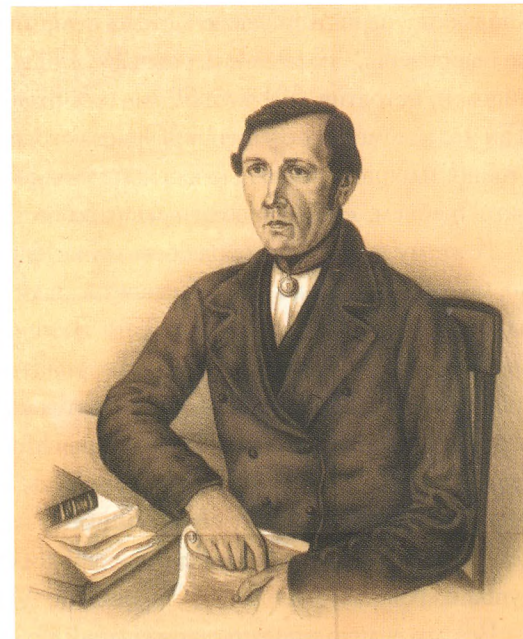
Жена
И.И. Иванова

Василий
Иванович
и Лидия
Михайловна
Ивановы

Составить впечатление о Юрьеве 30-х годов XIX века мы можем лишь благодаря статистическим данным, однако и эти цифры - большая удача, тем более, что появлением их во «Владимирских губернских ведомостях» мы обязаны интереснейшему факту: в 1838 г. редактором неофициальной части только что открывшейся газеты, так называемых «Прибавлений», стал отбывавший во Владимире ссылку А.И. Герцен. Сообразно своим убеждениям, он попытался показать положение дел в губернии. Добавим, что одним из первых на призыв редакции «Прибавлений», в № 16 за 1838 г. писавшей, что она «с особенной благодарностью приняла бы всякое сведение» об исторических памятниках», откликнулся В.А. Борисов (1809 - 1862 гг.), именно эти обстоятельства вызвали появление статьи «Несколько слов о Юрьеве-Польском», подписанной просто «В. Б.», выдержку из которой мы уже приводили в этой книге.

Итак, к 1838 г. город изрядно вырос. Его население насчитывало 4032 человека. Только теперь значительную часть населения (300 человек) составляли крестьяне. За полстолетия количество «благородных» жителей Юрьева увеличилось на 125, а мещан аж на 1446 человек. Купечество уже не составляло большую часть населения, не было в нем и особенно богатых людей, преобладающее большинство (512 человек) было приписано к 3-й гильдии. Купечеству по-прежнему принадлежало наибольшее количество каменных жилых домов - 43 из 80, правда, его заметно догоняло мещанство, которое за прошедшие десятилетия выстроило в Юрьеве (шутка сказать!) 36 каменных домов. Самым лучшим в городе в это время был дом купца Меншикова. Именно он был отведен «высокому путешественнику» Великому князю Александру Николаевичу, посетившему Юрьев 12-13 мая 1837 г. Гостеприимный хозяин был жалован бриллиантовым перстнем. Еще один штрих к облику Юрьева-Польского добавил городничий, который за год до этого констатировал:

В.А. Борисов

«по городу нечистота заключается в том, что все общественные площади не выровнены, мостовые неровные». Но и тут Дума не ударила в грязь лицом и, истратив 501 руб. 65 коп. ассигнациями, устранила недостатки. Так что к моменту посещения Юрьева губернатором город выглядел пристойно: площади были выровнены и очищены, неровности мостовых забиты щебнем, «и все вообще засыпано песком».

К этому времени в городе было уже 16 улиц и 6 переулков. Возможно, мы уже никогда не узнаем, какие из известных нам улиц носили прежде названия Заречкой и Разночинной. Зато на карте города появились новые названия, это улицы «в длину города»: Никольская, Набережные (по обе стороны Колокши), Староникитская, Новоникитская; улицы «поперечь города»: Новопокровская, Старая Покровская, Владимирская. Четыре улицы «кругом города», как мы уже знаем, носили теперь общее название - Луговая, а вот переулки имели наименования, происхождения которых не всегда памятливы даже старожилам: Козьмодемьянский, Кожушкин, Кзяной, Садовый, Карцовский, Малый.

Все это великолепие старых названий юрьевских улиц так и осталось бы сокрытым для нас, не случись в 1838 г. владимирскому гражданскому губернатору совершить «личное обозрение городов здешней губернии». Во время поездки губернатор столкнулся с вопиющим фактом: местное началь-

Юрьевское
пожарное
общество.
Торжество
перед зданием
пожарного депо.
Начало XX в.

ство не смогло дать «сведения, какое имеют название в сих городах улицы, что противно заведенному в других местах порядку». В итоге юрьевский городничий Боровитинов, получивший в августе 1838 г. соответствующее предписание от губернатора, потребовал от Городской думы приступить «к устройству столбов и прибитию на оных в удобных местах досок с наименованием улиц, с обозначением кварталов и домов под номерами».

Дума решила прибить по две «досечки» на каждый угловой дом в квартале. Объявленные в ноябре торги для желающих приступить к изготовлению железных досок «числом 328 с написанием на оных краскою на масле прозвания улиц и переулков» выиграл юрьевский мещанин В.В. Шаров.

К 1877 г. эта проблема назрела снова. Была вновь составлена номенклатура домов и улиц и заготовлены «жестяные ярлыки», на одних писались названия улиц, на других - «номера домов, звание, имя и фамилия владельцев». Прибивать эти таблички к своим домам должны были владельцы, с которых предписывалось «взыскивать при выдаче по стоимости досок».

Плотную, без разрывов, деревянную застройку узких «дореформенных» улочек городов постоянно истребляли пожары. Недаром одно из первых дел, заведенных Юрьевской Городской думой, носило название «По сообщению управы благочиния о взыскании штрафа с лиц, не явившихся тушить пожар» (1792 г.).

Однако и новая, регулярная планировка не спасала город от стихии. Проблема эта была настолько важной, что контроль наличия и состояния пожарных инструментов в уездных городах осуществлялся на уровне губернатора. Вот чем располагала юрьевская пожарная команда в 1866 г.: лошадь рабочая - 1, труб - 6, рукавов к ним - 13, бочек - 6, заливных чанов - нет, ушатов - 15, ведер - 30 железных, 40 деревянных, багров - 42, топоров - 15, щитов - 10 и т.п.

Членами Юрьевского добровольного пожарного общества, по приглашению председателя правления И.М. Беднякова, в помещении Городской думы 8 февраля была отслужена панихида по случаю кончины Августейшего председателя Императорского Российского пожарного общества Великого Князя Владимира Александровича, и, по окончании панихиды, была послана телеграмма Ея Императорскому Высочеству Великой Княгине Ма-

рии Павловне с выражением соболезнования. Того же 8-го февраля, на имя председателя правления, была получена от Ея Императорского Высочества ответная телеграмма следующего содержания: «Шлю сердечную благодарность всем членам общества за выраженные чувства».

Старый Владимирец,
1909, № 33.

Владимирская улица

Общественный сад и пожарное депо

Очевидно, с этим нехитрым инструментом и встретил город сильнейший пожар 15 июня 1871 г. Начался он почти в центре города на льнотрепальном заведении братьев, купцов Крашенинниковых, перекинулся с Луговой на Большую улицу, где загорелся дом судебного пристава Смирнова, и двинулся к торговым рядам. Юрьевцы, в первую очередь, старались отстоять ряды, близ которых полыхали трактирные заведения, Земская управа, Городская дума, акцизное управление, уездное училище, а также Введенский девичий монастырь, «который по скученности внутри его деревянных домиков - монастырских келий - представлял большую опасность для города». Печально, но многоча-

Проект фасада здания пожарного депо. 1917 г.

Съезд волостных пожарных частей. Нач. XX в.

В помещении Добровольного пожарного об-ва инструктор пожарных дружин Влад. губ. земства К.Г. Иванов прочел ряд лекций о способах борьбы с пожарами. Во время лекции демонстрировались пожарные трубы и всевозможные приборы и пожарные снаряды из пожарного передвижного музея губернского земства... Благодаря умению лектора просто излагать свою мысль и знанию дела,

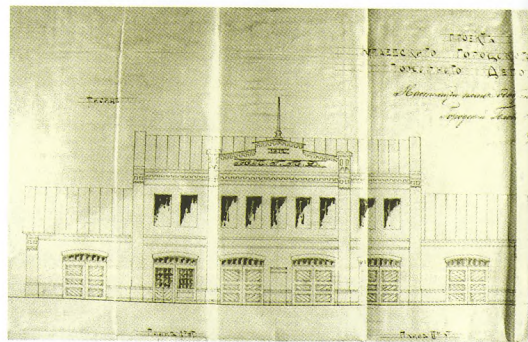
лектор имел успех. В последний день лекций г. Иванов произвел практическое учение ратников с обозом Добровольного пожарного об-ва. Ученье прошло гладко, оживленно. Несмотря на громадное число участвовавших, для каждого нашлось дело.

Старый Владимирец,
1913, № 216.

18 августа была поставлена на сцене пожарного депо местными любителями сценического искусства драма Е. Евдокимова «Непогрешенные». Несмотря на то, что большинство любителей показалось на сцене первый раз, спектакль прошел недурно, особенно играл хорошо участвующий уже не первый раз на сцене В. Н-й в роли слесаря. По окончании спектакля были назначены танцы. На-

сколько переполнен был публикой зрительный зал в момент действия драмы, настолько же убавилось ее почти тотчас же после окончания ее. Она удалась благодаря неуместным выходкам гг. артистов.

Старый Владимирец,
1913, № 183.

совые усилия горожан не спасли центральную часть города от уничтожения. Правда, «при содействии всех фабричных рабочих купца А.Ф. Кокушкина, с хорошою пожарной трубой, и при энергической деятельности хозяина дома» был спасен из пламени дом бывшего городского головы П.В. Тушнина, вместе с ним часть Луговой и Большой улиц. В другом месте города героями дня стали распорядившийся тушением огня судебный следователь Делов и ильинский волостной староста Н.О. Миронов,

Пожарный автомобиль на бывшей фабрике Ганшиных. Фото 1930-х годов.

«явившийся на пожар с хорошою сельскою трубой и со своими крестьянами»: были спасены дома купцов Овсянниковых и учителя уездного училища Воробьева, вследствие чего уцелел и второй квартал города, его заречная часть и солдатская слобода.

Убыток от пожара был огромным и для простых жителей, и для города, и для земства. Потери земства составили 20000 рублей, ибо в нем были застрахованы многие дома юрьевцев. Сразу же после пожара Дума принялась за наведение порядка в лавках. Всем торговцам предписывалось поступать по примеру Абросимовых: торговать «с фонарями, устроенными вне лавок».

О трагедии, произошедшей в Юрьеве, стало известно всей губернии. К концу лета на имя юрьевского городского головы А.В. Ганшина из Владимира начали поступать денежные суммы, причем власти использовали весьма нестандартные пути сбора средств. Так, 17 августа 1871 г. «В

Большая улица (от Воскресенской улицы до Торговой площади).
Вид на Михайло-Архангельский монастырь и Георгиевский собор.

Церковь святой Великомученицы Варвары

пользу бедных жителей г. Юрьева, пострадавших от пожара», в губернском центре дал представление цирк Фридриха Вольфа. По устной договоренности с владельцем цирка половина прибыли, 90 руб. 90,5 коп., передана владимирскому полицмейстеру Крылову для отправки в Юрьев.

Таким образом, после 1871 г. центральная часть Юрьева практически отстраивалась заново. Но если улицы и поменяли свой внешний вид в соответствии со вкусами новой эпохи, то прежние названия они сохранили. Совершим прогулку по этим тихим, носящим ласкающие слух названия улицам, какими предстают они на старых открытках.

Выйдя из кольца валов, повернем направо, на Владимирскую. Она пересекает Торговую площадь и устремляется к Колокше. Остановимся на месте «впадения» Владимирской улицы в центральную площадь города. Слева от нас городской сад. По правую руку, в угловом двухэтажном здании, располагается Городская управа. К ней примыкает комплекс краснокирпичных зданий затейливой архитектуры. Это выстроенные в начале XX в. здания пожарного депо и относящихся к нему служб - конюшни и служебного флигеля. 18 мая 1893 г. в городе возникло Добровольное пожарное общество, которое с первого дня существования было открыто для восприятия и передачи опыта по тушению пожаров. Так, в 1902 г. его представителями на Всероссийском пожарном съезде стали С.Д. Ганшин, Е.А. Ганшин и Д.М. Овсянников.

«Поддерживаемое городскими, благотворительными средствами, пособиями земских, страховых частных обществ и взносами членов» Общество быстро «достигло в техническом отношении хорошего развития». Его члены предпринимали героические усилия по тушению пожаров. Из отчета Общества стало известно, что в 1901 г. в Юрьеве и уезде возникло 8 пожаров. В ночь на 29 января горел дом М.И. Овсянниковой. Усугубил ситуацию сильный ветер, переросший к 3 ч. ночи в бурю. Несмотря на это, «пожар надо считать потушенным блестяще». Усилия тушивших были по достоинству оценены страховым товариществом «Саламандра», в котором был застрахован дом: за энергичную работу Общество получило 200 руб. Особой благодарности по итогам года были удостоены Д.А. Ганшин, И.И. Лебедев, С.К. Абрамов и И.С. Пономариков - «за скорую подачу лошадей на пожары». Непосредственное участие в тушении пожаров принимала команда охотников, возглавляемая Е.А. Ганшиным. Она подразделялась на отряды:

трубный (начальник С.Д. Ганшин, 47 чел.), лестничный (начальник И.Г. Рюмин, 17 чел.), водоснабжения (начальник Н.П. Меньшиков, 10 чел.), отряд охранителей (начальник И.С. Виноградов, 14 чел.).

Здание пожарного депо использовалось не только по своему прямому назначению. Как и в каждом уездном городе, оно было очагом культуры, своеобразным клубом. Здесь проходили спектакли, собиравшие немало публики. Очевидец, правда, вынужден был констатировать, что «сарай пожарного депо неудобен в акустическом отношении: в седьмом ряду мы уже плохо слышали некоторые фразы играющих».

В 1917 г. был разработан проект нового здания пожарного депо. Исполнению дорогостоящих планов (смета - 26452 руб.) помешали октябрьские события 1917 г., зато на старой Владимирской улице сохранилось до наших дней одноэтажное, краснокирпичное, такое трогательное здание бывшего пожарного депо.

Ну а теперь вернемся на площадь и продолжим осмотр Большой улицы. Прежде всего бросаются в глаза стоящие недалеко от пересечения Большой и Воскресенской улиц церкви: летняя, давшая название улице, и зимняя - святой Великомученицы Варвары. На открытках мы видим возвышающуюся над световым барабаном небольшую луковичку Варваринской церкви, характерный для XVII - начала XVIII вв., увенчанный нарядным шатром с тремя рядами слухов и миниатюрной главкой звонколокольни да широкий, крутобокий купол Воскресенской церкви.

Устремленные ввысь, заметно выделяющиеся над рядовой городской застройкой силуэты церквей и колоколен украшали старые города, лишая их однообразия, которое свойственно городам новым или не сохранившим свои храмы. Может быть, именно поэтому так часто не узнают на старых открытках свой город те его жители, что не видели его во всем былом великолепии?

В описаниях юрьевским церквам не повезло. Пишущие, вспоминая историю их возникновения и строительства, останавливались на архитектурных деталях знаменитого Георгиевского собора и Михайло-Архангельского монастыря, а остальные храмы Юрьева казались им слишком незначительными. Ну о чем там, в самом деле, писать: ни особой древности, ни ярких событий. Но стоило только углубиться в архивные документы, тщательно перелистать газеты XIX - начала XX вв., как юрьевские монастыри и храмы открыли многие свои тайны.

Деревянная церковь Воскресения Христова встречается в письменных источниках с XVII в. В топографическом описании г. Юрьева и уезда 1760 г. она уже названа каменной. Северный и южный фасады массивного двухэтажного здания акцентированы портиками с четырьмя колоннами. В верхнем этаже церкви находился престол в честь Воскресения Христова, в нижнем - Преображения Господня. Нижний этаж церкви до 1826 г. использовался для зимних богослужений. Именно в этом году усердием прихожан была построена отдельная каменная зимняя церковь в честь св. великомученицы Варвары.

Неброская Варваринская церковь имеет интереснейшую историю обновления, инициаторами которого стали «два родственных семейства» - церковный староста Николай Алексеевич Ганшин и Алексей Михайлович Ганшин с сыном Александром Алексеевичем. А задумка жертвователей была поистине грандиозной: «воспроизвести в своем родном храме, по крайней мере в его главной, алтарной части, приблизительную копию с Московского храма Христа Спасителя». Один из лучших московских архитекторов трудился над планом иконостаса, черновой вариант которого был начертан церковным старостой Ганшиным. Известный московский художник Комаровский исполнил на цинке всю «иконную живопись в иконостасе», используя «эстампы живописи Храма Спа-

Хор
при Воскресенской
церкви.
1916 г.

сителя». «Когда для всех открылся свободный доступ к осмотру возобновленного храма, - рассказывал священник Воскресенской церкви Алексей Беляев, - то каждый приходивший сюда не мог не поражаться его благолепием и красотой: нигде в провинции не приходилось нам еще видеть такого храма и в особенности такого редкостного алтаря...»

Особую заботу церковный староста проявил о хоре. Для него было отведено особое место, «с этой целью ко входным церковным дверям пристроен деревянный, из мореного дуба, весьма красивый тамбур с обнесенным вокруг него балюстрадом из точеных тумбочек того же дерева». Воскресенский хор продолжал славиться и в 10-е годы прошлого века, когда давал даже публичные концерты.

Накануне освящения обновленного храма, 29 октября 1888 г., при небывалом стечении народа состоялось всенощное бдение, всю службу которого совершил настоятель Юрьевского Архангельского монастыря архимандрит Митрофан - известный проповедник-импровизатор. Особенно любопытно юрьевцам было послушать знаменитого о. протодьякона Московского Успенского собора Шеховцева, который, благодаря личному знакомству с А.А. Ганшиным, согласился принять участие в служении.

Торжества продолжились на следующий день, в воскресенье, о чем известил юрьевцев праздничный перезвон к водосвятию. Праздник завершился в доме старосты Воскресенской церкви Н.А. Ганшина, куда приглашено было до двухсот граждан Юрьева. Благодарные прихожа-

Итак, при входе в храм св. Великомученицы Варвары чрез западные двери взору посетителя прежде всего открывается во всем величии и священной лепоте святой алтарь с иконостасом в виде восьмигранной часовни из белого искусственного мрамора. По обеим сторонам низменных царских врат поставлены два колонных столба из натурального зеленого мрамора с капителями изящной лепной работы, с позолотой. По за колоннам царских врат, как к южной, так и северной сторонам, в нижнем ярусе иконостаса идут иконы, числом десять, включая сюда и две дверных иконы с правой и левой стороны алтаря... Верхняя часть часовни, более суженная, представляет шестигранную стопу с куполообразною оконечностью и завершается вызолоченным крестом, под-

ходящим вплоть к сводам храма. Она образует второй ярус иконостаса... Как в верхнем, так и в нижнем ярусах все иконы, за исключением «Тайной вечери», имеют сверху закругленную в полукруглую форму. В поясе иконостаса, между нижним и верхним ярусами, утверджен бронзовый позолоченный балюстрад в высоту около аршина, что придает часовне еще большую красоту и изящество.

Св. Алексей Беляев. Обновление и освящение теплого храма св. Великомученицы Варвары в Воскресенском приходе г. Юрьева. Владимирские епархиальные ведомости, 1889, № 2.

Юрьевъ-Польскій. Богодѣля имени Мещериныхъ

Богоделья имени Мещериных

г. Юрьевъ-Польскій.
Высшее начальное училище.

Высшее начальное училище

не вручили Николаю Алексеевичу «ценную, в серебро-позлащенной ризе, икону Святителя Николая, а кроме того составили за общим подписом благодарственный адрес».

Надо отметить, что старостой Воскресенского прихода был еще отец Н.А. Ганшина Алексей Васильевич Ганшин. Умирая, он «положил заветом своему сыну исполнить его желание» - обновить Варваринскую церковь. И Николай Алексеевич за год «сделал то, что воскресенские прихожане не могли и не смели ожидать целые десятки лет».

Дома, составляющие часть Большой улицы, от площади до пересечения с Воскресенской, - одни из самых красивых в городе. Каменные, двухэтажные, изящно украшенные, стоящие монолитными рядами, они являются продолжением застройки центральной площади Юрьева. Левый их ряд открывал доходный дом Ганшиных (1870 г.), в верхнем этаже которого помещалось, по словам А.С. Торлина, городское училище. Возможно, это училище Воскресенского прихода, всегда располагавшееся в наемных помещениях. Наиболее красивым зданием ряда был постоянный двор Шевелкиных - дом с аркой, через которую во двор, застроенный каретными сараями, въезжали экипажи постояльцев. Правда, по рассказам А.С. Торлина, услугами постоянных дворов пользовалась публика попроще. Помещики из уезда, не имевшие домов в городе, останавливались в Ганшинском доме на Спасской. От здания постоянного двора до дома Горяинова тянулась чугунная решетка Воскресенской церкви. Против них, на правой стороне улицы, в 1904 г. было возведено красивое краснокирпичное здание богадельни им. Мещериных.

История благотворительных учреждений в Юрьеве уходит корнями еще в XVIII в. В 1902 г. в Юрьеве имелись: богадельня при Петропавловском монастыре (1898 г.), городская богадельня (1834 г.) и богадельня Красковского (1875 г.). Однако наиболее вместительной, хорошо оборудованной стала богадельня, возведенная на капитал, пожертвованный потомственным почетным гражданином Г.И. Мещериным. Официально она носила имя Геннадия Ивановича и Евгения Ивановича Мещериных. Предпола-

25 марта в помещении Общественного собрания хором местной Воскресенской церкви под управлением регента В.М. Широгорова был дан духовой концерт. В программу вошли пьесы Чайковского, Архангельского, Никольского, Кастальско-

го, Моцарта, Россини и других. Концерт с музыкально-художественной стороны нужно признать удавшимся.

Старый Владимирец,
1914, № 71.

галось, что «призывать» в богадельню будут 80 мужчин и примерно столько же женщин. Богадельня управлялась Советом в составе попечителя и трех членов, избиравшихся Думой на четыре года и утверждавшихся в должности губернатором. В Совет должны были обращаться желающие поступить в богадельню. Призываемые бесплатно пользовались «полным содержанием, платьем, обувью, бельем и врачебным пособием». Непременным условием жертвователя была страховка здания и всех прочих строений, «чтобы в случае пожара все сторевшее могло быть возобновлено на полученные из страхового общества деньги в прежнем виде».

Интересен и следующий за богадельней двухэтажный каменный дом, он принадлежал купцам Бедняковым. Их фамилия была хорошо известна в Юрьеве. И.М. Бедняков являлся председателем местного Общественного собрания, членом Юрьевского дамского комитета, председателем которого была его жена. В январе 1917 г. «Старый Владимирец» опубликовал сообщение о возвращении с фронта О.Н. Бедняковой и И.М. Беднякова, возивших в действующую армию собранные комитетом подарки. Бедняков слыл меценатом, считается, что именно в этом доме он поместил собранную им коллекцию картин.

Кстати, парадный фасад дома Бедняковых был обращен на располагавшуюся против Воскресенской церкви площадь. Добавим, что на площади находилась одна из двух юрьевских бирж легковых извозчиков.

Вот мы и добрались до места, где главная улица города делает странный изгиб, о чем говорилось выше. Остановимся за Воскресенским мостом, за которым закрепилось название - Бородулинский. На открытке хорошо видны остатки прежнего моста - следы уже известной нам дея-

ГАВО. Ф. 699,
оп. 1, л. 428.

*Акта по управлению богадельней имени Мещериных
в г. Юрьев-Польский.*

§ 1. Богадельня, учрежденная в городе Юрьеве на пожертвованный капитал умершего Почетного Гражданина Геннадия Ивановича Мещерина, имеет целью безвозмездное призвание не имеющих средств к существованию престарелых лиц обоего пола купеческого и мещанского зв. Юрьева сродства.

§ 2. Значительное благотворительное заведение помещается в устроенном на пожертвованный Мещериным особый капитал деле, который со всеми строениями и находящимся под ним землей служит указанной надобности, ни закладывать, ни продавать быть не может и никогда не должен иметь никакого другого назначения.

тельности. Но нас интересует комплекс расположившихся вдоль реки зданий. В угловом, двухэтажном, с фронтоном на фасаде, помещалось высшее начальное мужское училище.

В свое время Юрьев стал единственным из городов, вошедших позднее в состав Владимирской губернии, который исполнил указ Адмиралтейской Коллегии «О заведении школьного народного образования» от 1714 г. В городе была учреждена цифирная школа, где обучалось 18 детей «шляхетства». Открывшиеся позднее малое народное и духовное (1792 г.) училища из-за отсутствия средств просуществовали недолго.

В сентябре 1786 г. по указу Екатерины II во Владимире было открыто главное народное училище (с 1804 г. - гимназия). Очень способствовал развитию народного образования губернии приход к руководству владимирской гимназией Д.И. Дмитриевского (1758 - 1848 гг.). Дмитрий Иванович, выпускник Московского университета, в 1785 г. работал переводчиком в университетской типографии, которая находилась в аренде у Н.И. Новикова. Здесь Д.И. Дмитриевский перевел первый том «Путешествий Пифагора» - книги, под воздействием которой проходило становление многих декабристов. В 1820 г. он представил в Московское общество любителей российской словесности «Сборник местных провинциальных наречий Владимирской губернии», за что был удостоен звания действительного члена Общества.

О Дмитрие Ивановиче Дмитриевском мы заговорили не случайно. Известно, что в 1810-е годы в Юрьеве существовало три приходских училища: Введенское, учителями в котором были священник Шафров и его помощник И. Васильев; при Георгиевском соборе, где учителем был протопоп собора И. Соловьев; и Воскресенское, учителя в котором в те годы постоянно менялись, пока, наконец, в декабре 1812 г. не утвердился на этой должности дьякон И. Венедиктов. Однако именно это обстоятельство чуть не погубило приходское училище. Учителя должны были размещать училища в своих домах, Венедиктов же при встрече сообщил Д.И. Дмитриевскому, что дом его не отстроен, почему он не может вступить в должность. В феврале 1813 г. Д.И. Дмитриевский попросил губернатора предписать Юрьевской думе «отвести в городском строении отапливаемые пристойные комнаты для помещения тамошнего Воскресенского приходского училища и дать к оным сторожа на время, пока учитель Венедиктов будет в состоянии перевести оное в свой дом».

В противовес мнению Дмитриевского о том, что «училища заведены по желанию жителей для образования их детей», Дума сообщила губернатору: «Воскресенское приходское училище заведено было не по постановлению общества, а по отношению самого Дмитриевского». И тут учебное заведение, может быть, в первый, но не в последний раз спасла благотворительность. Находившийся на собрании купец 3-й гильдии И.Д. Кукушкин на весь 1813 г. отдал под училище «собственный дом с его отоплением и освещением». Так что в 1813 г. Воскресенское приходское училище действовало «в приходе церкви Козьмы и Дамиана, в той же улице», поскольку именно там находился дом И.Д. Кукушкина.

История высших начальных училищ - это история последовательной трансформации целого ряда учебных заведений. Годом основания высшего начального мужского училища в Юрьеве считается 1823-й. По положению от 31 марта 1872 г. городским обществам было предложено преобразовать имеющееся в городе училище в двухклассное «за счет правительства». Если же городу было угодно открыть и третий класс, то содержать его он должен был на собственные средства.

Юрьевцам очень хотелось иметь трехклассное училище, и весной 1879 г. Дума нашла возможным через губернатора обратиться к попечителю Московского учебного округа со своеобразно аргументированным прошением о выдаче «особой денежной суммы по примеру других городов, что если просвещенное правительство нашло возможным оказать пособие городам, поставленным в хорошие материальные условия, то не откажет в этом древнему историческому городу Юрьеву».

Новому учебному заведению требовалось и новое здание. Выбор Думы пал на предназначенные к продаже дома, «принадлежавшие ранее Пашковым, а в настоящее время - переславскому купцу Симакову

6 декабря в помещении Юрьевского Общественного собрания дан ученический детский спектакль в пользу бедных учеников и учениц юрьевских приходских училищ... Немало труда было положено старшими учительницами этих училищ гг. Яковлевской и Харламовой по подготовке детей к спектаклю. Все исполнено детьми выше всяких похвал... Сбор был полный. Детям была масса подарков в виде апельсинов, яблок и конфет, а рас-

порядительниц вызывали и благодарили. 13 декабря вся программа была повторена в помещении Общества трезвости, уступленном для детей бесплатно. Вторично сбор был порядочный, и в результате много детей бедняков оказались обучены и одетыми к празднику Рождества Христова.

Старый Владимирец, 1909, № 283.

Набережная улица. Вид на высшее начальное училище и женскую прогимназию.

Набережная улица. Здание женской гимназии.

и наследникам Бородулина», - те, что запечатлены на открытке. Уж не по фамилии ли владельцев одного из домов юрьевцы назвали и ведущий к ним мост? При домах имелся обширный сад, добротные надворные строения, которые могли быть приспособлены под квартиры «нижних служителей». План переоборудования этих домов под нужды училища составлял губернский архитектор Артлебен.

К началу 1882 - 1883 учебного года училище, открывшееся еще в 1880 г., переехало в новое здание. Напомним, что именно в трехклассном училище преподавал черчение и рисование Николай Николаевич Николаев. В 1912 г. училище было преобразовано в высшее начальное.

Далее по набережной Колокши расположено здание женской прогимназии. Необходимость иметь в Юрьеве среднее учебное заведение для девушек назрела еще в XIX в. Удобным поводом для открытия прогимназии было отношение владимирского губернатора, поступившее в Юрьевскую думу в январе 1873 г. Специально избранная Управой комиссия к концу октября представила свои выводы: «о гимназии говорить нечего: таковое учебное заведение не может быть открыто в Юрьеве».

Групповая фотография учащихся женской гимназии по окончании 7-го класса. В центре начальница С.И. Благодравова. 27 апреля 1917 года.

Из трех возможных типов женских учебных заведений - гимназии, прогимназии и начального, или приходского, училища - комиссия выбрала последнее. Набор дисциплин, преподаваемых в начальном училище, не блистал разнообразием: Закон Божий, чтение по книгам гражданской и церковной печати, письмо, первые четыре действия арифметики и церковное пение, а вот в прогимназии, помимо всегда стоявшего на первом месте Закона Божия, изучали русский язык, русскую историю и географию, арифметику (давалось понятие о дробях «с возможно практическим приспособлением к ведению счетов»), чистописание и рукоделие. К необязательным относились иностранные языки, рисование, музыка, пение и «танцевание».

Алексей Михайлович Курбатов взял на себя сбор пожертвований на открытие женского учебного заведения. В дальнейшем он войдет в состав училищного совета. К осени 1874 г. училище было готово к открытию. Его первой попечительницей стала г-жа Благодравова, а первой учительницей, а затем заведующей - Агриппина Ивановна Колесова. За 15 лет работы в Юрьеве она хорошо сумела зарекомендовать себя и в июле 1889 г. была переведена на должность начальницы Владимирского епархиального женского училища. В мае того же года попечительницей городского женского училища в Юрьеве стала Пелагея Павловна Ганшина, на протяжении 25 лет попечительства много сделавшая для него и, следовательно, для дочерей небогатых горожан. В 1910-е годы училище занимало второй этаж общественного здания, на первом этаже которого располагалось второе приходское мужское училище. В 1901 - 1902 гг. в нем обучалось 90 девочек.

Однако более обеспеченные граждане Юрьева, чтобы их дочери могли продолжать образование, вынуждены были отправлять их во Владимир, Переславль, Сергиев Посад и Александров. Терпению юрьевцев наступил конец, один из них воспользовался появлением в 1906 г. новой газеты «Владимирец» и обрушился с критикой на только что избранного городского голову. Оказывается, Н.А. Ганшин не порекомендовал обратившейся к нему госпоже N

Портрет Агриппины Ивановны Колесовой, первой учительницы, затем заведующей Юрьевским женским городским училищем. Фот. В.В. Иодко, г. Владимир.

рисковать с открытием прогимназии, так как она «будет пустовать». В протоколах заседаний Юрьевского уездного Земского собрания за 1906 г. удалось отыскать запись о том, что «по закрытой баллотировке шарами большинством 14 против 6» собрание отказало в денежном пособии жене врача З.С. Коровиной и С.И. Благонравовой, собиравшимся открыть в Юрьеве частную женскую прогимназию.

Частная женская прогимназия была открыта в Юрьеве в августе 1907 г. Серафимой Ивановной Благонравовой. Тогда в первые два класса поступило 40 учениц. Земство ежегодно выделяло прогимназии до 1000 рублей. В дальнейшем при поддержке земства и Городской думы учредительница ежегодно открывала очередной класс гимназии, пока наконец в 1911 г., с открытием 6-го класса, не появилась надежда на преобразование прогимназии в полную гимназию.

В 1909 г. город за 5500 руб. приобрел для прогимназии, попечительницей которой была жена Н.А. Ганшина, дом Пашковой. Городской голова составил план-проект переустройства здания.

Однако переезд не порадовал родителей и учениц. В холодном сыром помещении девочки часто болели, тем более что обязаны были ходить на занятия в форменных платьях и не пользовались «привилегией» преподавательниц ходить в шالях. Долго молчавших родителей прорвало, и из публикаций в «Старом Владимирце» мы узнаем, что в прогимназии не все было так уж гладко. Оказалось, что С.И. Благонравова «вербует учи-

Аттестат
об окончании
Юрьевского
городского
училища

2 мая происходило чествование городом попечительницы Юрьевского женского городского училища П.П. Ганшиной по случаю 25-летней деятельности ее в этом звании... Чествование П.П. Ганшиной происходило в Юрьевском Общественном собрании. Приветственное слово юбилярише сказал законоучитель женского училища о. М. Чижов. После молебна инспектор народных училищ г. Ильенков передал г-же Ганшиной признательность министра народного просвещения. Затем городским головой г. Ганшиным был про-

читан и поднесен адрес от Городской думы. От мещанского общества юбилярише поднесены иконы и адрес, в котором была выражена глубокая благодарность за заботы юбиляриши об их детях. Затем были поднесены подарки и сказаны приветствия от учительского персонала, учениц училища, от бывших учениц училища, теперь уже воспитанниц женской местной гимназии.

Старый Владимирец,
1914, № 98.

тельниц прямо со скамьи и платит им грошовое жалованье». Начальница даже думала сама преподавать словесность в 5-м классе и «только благодаря вступительству инспектора народных училищ Альбицкого пригласила учительницу с высших курсов», г-жу М.В. Туманскую.

А уже через 2 года перед городом встала новая проблема. Как писали о прогимназии в газете, «приземистое здание этого благотворительного учреждения смиренно прижалось к большому корпусу городского училища и покорно ждет того времени, когда счастливые обстоятельства позволят ему подрасти и сравняться со своим соседом». Действительно, в 1912 г. в прогимназии числилось уже 199 учениц и третий класс вынуждены были перевести в соседний дом, в котором размещалась квартира С.И. Благонравовой. Второй этаж планировалось возвести к 1913 - 1914 учебному году. Мы же видим на открытке еще не надстроенное здание.

1916 - 1917 учебный год был последним в истории частной женской, к этому времени, уже гимназии С.И. Благонравовой. 24 июня 1917 г. на заседании гласных Думы было принято решение о передаче гимназии в ведение городского самоуправления, на что Серафима Ивановна согласилась при условии выплаты ей единовременно 15000 рублей билетами «займа Свободы». Ссуду на приобретение инвентаря для вновь открываемой теперь уже городской женской гимназии в размере 5000 рублей выдал образованный к тому времени Юрьев-Польский городс-

Обыватели, очевидно, охотно желают давать образование своим дочерям, но в то же время нормальную плату за обучение в 50 рублей находят высокой... Некоторые обыватели, возможно, подсчитывают барыши, которые, по их мнению, должны в изобилии извлечь содержательница гимназии... Если же все подсчитать да еще учесть, что несколько учениц, по согласованию с городом, учатся бесплатно, то сумма дивидендов примет

Г. Благонравовой, получающей по 50 руб. в год с каждой ученицы, а учениц, если не ошибаемся, 130, пользующейся даровыми помещениями от города, обходящейся слишком дешевыми преподавателями, - не мешало бы отказаться от взгляда на гимназию как исключительно «на коммерческое предприятие» и подумать об лучшей организа-

очень скромные размеры и покажет нам, что при прекрасном подборе преподавателей и преподавательниц учредительница гимназии руководствуется в этом деле отнюдь не меркантильными расчетами, а высокой мыслью о необходимости такого учебного заведения и о возможном поднятии в нем уровня образования.

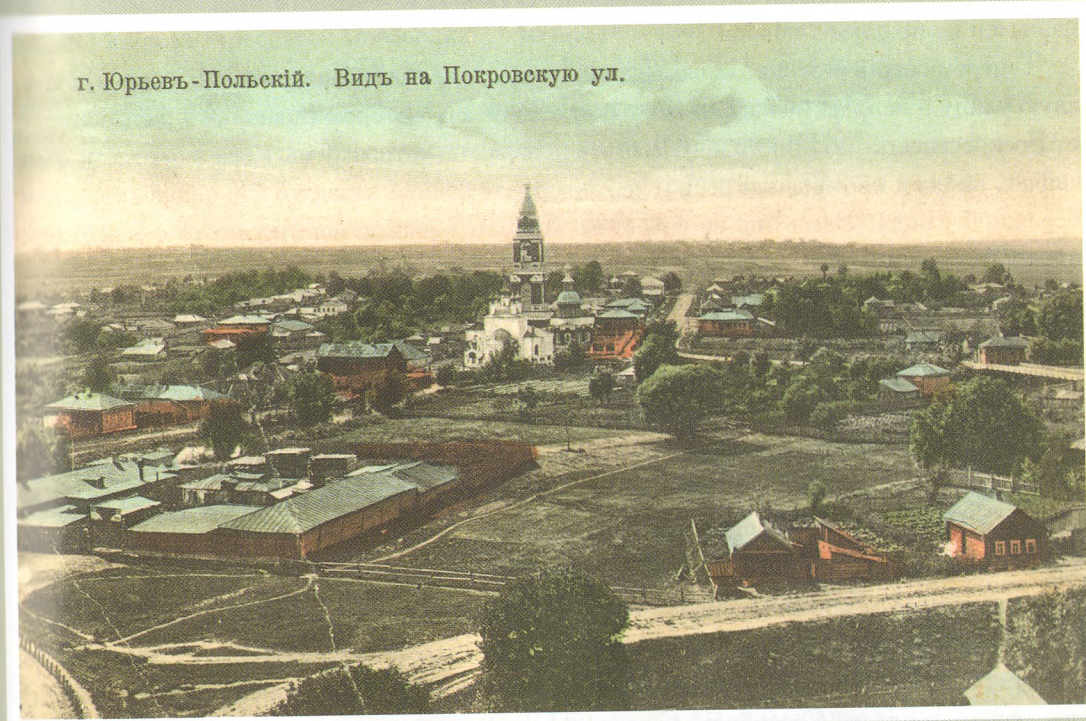
Старый Владимирец,
1912, № 187.

ции как самой гимназии, так и учебно-воспитательного процесса в ней... Побольше внимания и влияния будем ждать и от г. инспектора народных училищ Альбицкого как ближайшего представителя министерского надзора.

Старый Владимирец,
1910, № 237.

Покровский мост. Вид на Покровскую и Никитскую церкви.

Вид на Покровскую улицу с Георгиевской колокольни

кой общественный банк Н.А. Ганшина. В сентябре 1917 г. была назначена и временно исполняющая обязанности начальницы гимназии - учительница Ковровской женской гимназии Екатерина Лялина. Точку в короткой истории Юрьев-Польской городской гимназии поставило объявление о том, что, согласно решению городского головы от 17 октября 1917 г., «срок взноса установленной за обучение в городской женской гимназии платы за 1-ю половину 1917 - 1918 учебного года назначен не позднее 1 ноября».

Теперь повернем от школьных зданий налево, перейдем Воскресенскую улицу и направимся вдоль Колокши, оба берега которой (левый - от Воскресенского до Никитского моста, а правый, по которому мы идем сейчас, на всем протяжении реки в черте города) носили название Набережной улицы. Здесь мы не встретим замечательных домов, кроме двух уже знакомых нам - домов Щекиной и Ивановых.

Немного постоим на лаве возле дома Ивановых. Отсюда открывается чудесный вид. За кронами деревьев, за гладью отражающей его реки - комплекс Покровской и Никитской церквей - украшение заречной части Юрьева.

Покровская церковь, сначала деревянная, была построена здесь в 1712 г. «чрез» монаха Архангельского монастыря Кирилла, который «удовольствовал ее колоколами, книгами и всякою церковною утварью». Задумал Кирилл основать при церкви и «девичь монастырь и малое число келий возградил, в которых жило монахини три или четыре», но он не прижился, и монахини очень скоро переехали на жительство во Введенский монастырь. Уже в 1722 г. повытчик Юрьевской провинции Григорий Меньшиков считал Покровскую церковь «упраздненной», почему и просил Святейший Синод разрешить перенести ее «с колокольню, утварью и находящимися при ней кельями за город к церкви святых апостолов Петра и Павла» и по перенесении переделать ее в теплую церковь. Однако Покровская церковь так и осталась на прежнем месте, хотя и в середине XVIII в. все еще была непригодной, а священнослужители ее «довольствовались мирским подаянием».

К 1760 г. Покровская церковь имела приход, но годы ее существования были сочтены. Как свидетельствуют документы архива Суздальской духовной консистории, 29 января 1768 г. после топки печи дьячок Лухин и пономарь Петров закрыли трубу раньше, чем следовало, и пожар уничтожил деревянную церковь «без остатку». Когда слух об этом

пожаре достиг московского губернатора И. Юшкова, последний обратился к епископу Геннадию с суровым предложением: «чтобы соблаговолено было священно- и церковнослужителей за неосторожность штрафовать по указам, и дабы и прочие имели осторожность».

И все же жители окрестных домов успели вынести из огня иконы, церковные сосуды, утварь и книги, а уже в следующем, 1769 г. «усердием прихожан» была сооружена новая каменная пятиглавая церковь в честь Покрова Пресвятой Богородицы с двумя теплыми приделами: во имя Николая Чудотворца и святого пророка Ильи. В 1796 году, в пару Покровской, была выстроена еще одна каменная церковь с единственным престолом - в честь святого мученика Никиты. И позднее не оставили прихожане церковь своей заботой. Целых десять лет на средства известной благотворительницы А.А. Шишкиной шел ремонт летнего храма Покровской церкви. Рисунки на его стенах и «стильная» живопись производились под руководством архитектора Е.И. Пучолова. 14 июня 1907 г. вновь отделанный храм был освящен.

Покровско-Никитский комплекс, живописно расположившийся у изящного изгиба Колокши, создававшийся на протяжении двух столетий, объединил разные архитектурные стили. Сам облик Никитской церкви свидетельствует о том, что в культовую архитектуру Юрьева-Польского во второй половине XVIII в. постепенно проникал новый стиль - классицизм: стройный одноглавый храм с легким световым барабаном в форме ротонды и плавным куполом типичен для построек в этом стиле. А высокая, видная со многих точек города, нарядная колокольня - образец актуального во второй половине XIX в. русского стиля. Интересно, что на одной из открыток Покровская колокольня предстает перед нами еще в лесах, недостроенной. Сколько же лет хранили негатив до того, как он был использован для выпуска открытки!

«А вот дом батюшки Аркадия Ивановича Сергиевского», - уверенно показывает на открытке на второй от Покровского моста дом старая жительница Юрьева, всю жизнь прожившая в приходе Покровской церкви. Очевидно, из этого дома отсылались в редакцию «Старого Владимирца» корреспонденции Николая Ивановича Сергиевского, о котором газета сообщала в 1909 г., что ее «агент» проживает в Юрьеве на Покровской улице. Н.И. Сергиевский стал не просто агентом «по розничной продаже, приему подписки и объявлений», но и корреспондентом

«Старого Владимирца». Его публикациям прежде всего мы обязаны тем, что так много знаем о жизни Юрьева-Польского начала XX в.

Именно в Покровском приходе родилось любопытное начинание юрьевской интеллигенции, буквально потрясшее в начале 1890-х годов тихий провинциальный город. Сообщение об этом было единственной публикацией Н.И. Сергиевского во «Владимирских епархиальных ведомостях» и, что называется, пробой пера. Речь шла о церковном хоре, который до появления при Покровской церкви был «явлением необычным». Новшество вошло в церковный обиход, и делалось «все возможное к развитию и упрочению этого хора. «И с каждым разом, - писал Сергиевский, - замечается значительное улучшение пения. Честь и хвала лицам, взявшимся за столь богоугодное дело!» Предварительные спевки устраивались хористами в доме церковного старосты И.Д. Константинова или на квартире одного из певцов-любителей под наблюдением священника В. Святухина.

Несмотря на происхождение автора и общий тон главного рупора епархии, в котором была опубликована статья, манера подачи материала выдает в Николае Ивановиче человека светского. Неудивительно, что позднее он станет сотрудником «Старого Владимирца», поскольку только на его страницах он мог писать о жизни Юрьева и роли в ней интеллигенции. Собственно, будущую проблематику выступлений в губернской прессе Н.И. Сергиевский сам определил в заключительной фразе статьи: «Движимые чувством глубокого уважения к ревнителям пения в названном храме, мы не можем обойти молчанием столь полезное и приятное явление в жизни города».

Перейдя Покровский мост, мы окажемся на одной из самых старых улиц города, верное название которой не знали даже осведомленные во всем землемеры. На карте 1871 г. эта улица названа Дворянской, между тем ее старое название - Никольская, по имени одной из церквей.

Покровский мост первоначально находился ниже по течению Колокши и вел напрямик в Старую Покровскую улицу. Позднее спланировали новый, 42-й квартал и перенесли мост, так что теперь он подходит к Покровской и Никитской церквам под углом. В 42-м квартале и построили большой каменный дом с мезонином, принадлежавший в начале XX в. Щекиным. Он расположен на правой стороне Никольской улицы, по дороге от моста до одной из площадей Юрьева, носившей название Лесной.

Эта площадь до сих пор очень живописна и мало изменилась. Стоящие на Никольской улице дома, с запада от площади, напоминают о шумевших здесь когда-то торгах, шумной возне постоянных дворов и сделках купцов, совершавшихся в трактирах. В их ряду, в 20-м квартале, находился дом почетного гражданина Овсянникова, «каменный, двухэтажный, во всю длину дома деревянная галерея». Осмотрев его 21 мая 1902 г., комиссия, в состав которой входил член Юрьевского комитета попечительства о народной трезвости Фон Штенгер, пришла к выводу, что он вполне может быть приспособлен под чайную, библиотеку, читальню и театр. Дома, расположенные по другую сторону Лесной площади, на Владимирской улице, более благородны. Общественное здание (1847 г.), самое красивое из них, построено с соблюдением всех архитектурных деталей, характерных для первой половины XIX в.

На Никольской улице есть одноэтажный, вытянутый, со своеобразными наличниками, рустованными лопатками на углах и имитацией фронтона дом, который заметно выделяется из общей массы соседних строений. Это дом Калачевых - представителей того самого дворянского рода, что прославил Юрьев и Юрьевский уезд. Не случайно и ответвляющийся от Никольской улицы одноименный переулок получил неофициальное название Калачевский, а просто «в народе» - Каланчевский. В начале XX в. дом принадлежал сыновьям знаменитого Владимира Васильевича Калачева, Василию и Николаю.

Теперь свернем с Никольской улицы в Никольский переулок. Резко уходящая вниз к Воскресенской (непривычно в равнинном Юрьеве!) Никольская улица и выбивающийся из строгой уличной планиров-

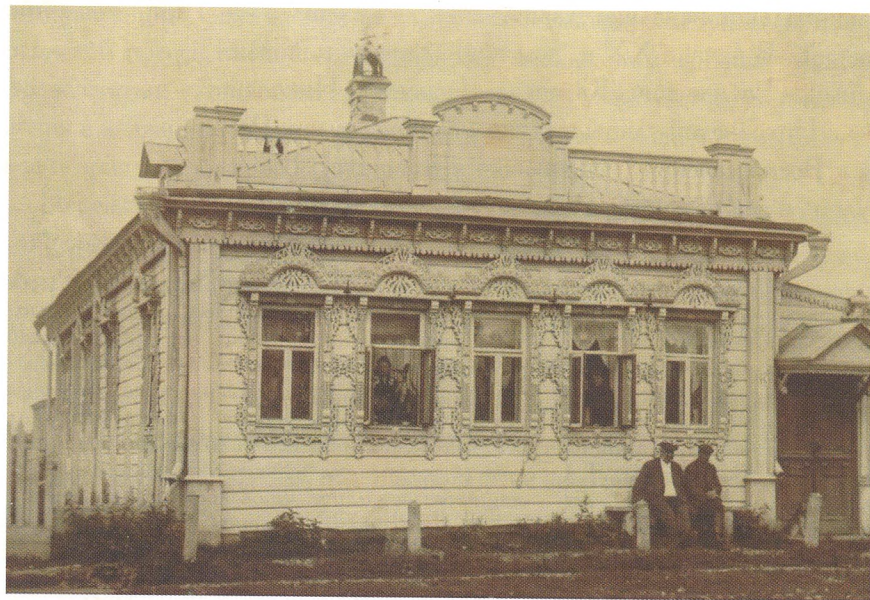
В городе Юрьеве, в церкви Покрова Пресвятой Богородицы - церкви довольно бедной, недавно организовался еще небывалый здесь любительский хор, состоящий под руководством ветеринарного врача Н.И. Любимова из следующих лиц: городской врач С.С. Есипов, провизор аптеки С.В. Семенов, учитель Н.В. Семенов, учительница, дочь местного исправника В.В. Маслова, Л.А. Аляева, В.А. Аляев, судебный следователь А.Н. Култашев, акцизный чиновник П.А. Виноградов. Для нашего захолустного городка явление это довольно необычное. Местное, коренное население

города давно привыкло относиться к подобным пришлым интеллигентным лицам с известным предубеждением, вообще как к лицам мало религиозным. И, представьте, как все были поражены появлением этой интеллигенции в качестве певчих на церковном клиросе! По мере того, как в городе разносится весть об этом хоре, в церковь стекается все большее и большее число молящихся; все идут, чтоб воочию убедиться в таком невиданном зрелище.

Владимирские епархиальные ведомости, 1892, № 20.

ки, наискось пересекающий квартал Никольский переулок напоминают нам о безвозвратно исчезнувшем средневековом Юрьеве. От селившихся здесь юрьевцев требовали соблюдать особые условия: не нарушать строительного устава, определявшего расстояние между строениями и церквями, и делать по фасаду дома, обращенному к церкви, фальшивые окна. В густо застроенном Никольском переулке располагались церкви бывшего Введенского монастыря, необычной формы купола которых просматриваются на открытках левее церкви Воскресения Христова.

Священник Д. Сахаров, много писавший об истории юрьевских церквей, упоминал, что еще до появления монастыря на его месте стояла приходская деревянная церковь во имя Алексия, Митрополита Московского. Время основания монастыря неизвестно, но деревянная церковь во имя Святителя и Чудотворца Николая упоминается в окладных патриарших книгах под 1628 г. Упразднили церковь в 1666 г., когда была возведена первая каменная церковь монастыря во имя преподобного Никона, Радонежского чудотворца. В трапезе этой церкви был «особый иконостас Святителя Николая Чудотворца», поэтому и в документах она именовалась то Никоновской, то Никольской.

Дом на Никольской
улице

Введенский монастырь.
Соборная церковь
Введения Пресвятой Богородицы.

Название Никоновской церкви получила не случайно. В XVII в. еще жило предание, что на месте монастыря, или близ него, стоял дом родителей преподобного Никона, сподвижника преподобного Сергия Радонежского. Согласно изысканиям Д. Сахарова, Никон был сыном пономаря Никольской церкви.

Никон, мечтавший о жизни в обители Сергия, Троице-Сергиевой лавре, покинул Юрьев около 1373 г. Не сразу разрешил Сергей остаться юному юрьевцу в лавре, зато по возвращении Никона из Высоцкой обители «оказал ему особенную любовь и доверие, повелев ему пребывать в одной с собою келье». И позднее рядом с Сергием, в 1380 г. благословившим Дмитрия Донского на решающую битву с татаро-монголами, находился его любимый ученик Никон. Тяжело пережил Никон смерть дорогого учителя, не сразу принял игуменство. На годы его руководства прославленным монастырем пришлось страшное разорение обители полчищами Эдигея (1408 г.) и ее возрождение, в том числе

Никольская улица.
Вид
на колокольню
Введенского
монастыря.

строительство каменного храма Пресвятой Троицы, во время которого были обретены мощи преподобного Сергия (1422 г.). Над украшением собора трудились замечательные иконописцы Даниил Черный и Андрей Рублев, приглашенные Никоном. Рядом с этим собором и был похоронен Никон (1428 г.), а над его могилой уже в 1560 г. был построен каменный храм в его имя.

Юрьевская Никоновская церковь уцелела во время пожара 1710 г., в котором погибли построенная за четверть века до этого деревянная церковь Николая Чудотворца и старейшая из монастырских церквей - соборная деревянная церковь Введения Пресвятой Богородицы. Лишь 15 лет спустя на средства «христолюбивых дателей» к Никоновской церкви был пристроен каменный придел во имя Введения Пресвятой Богородицы, и в 1763 - 1766 гг. усердием игуменьи Агафьи и прихожан соборная церковь была отстроена вновь - каменная, пятиглавая. Наконец, в 1811 - 1826 гг. «в линии ограды с западной стороны» вместо отдельно стоявшей старинной обветшавшей колокольни была построена новая - каменная, в четыре яруса, считавшаяся красивейшей колокольней Юрьева. Под ней находились святые ворота.

Введенский монастырь всегда был небольшим. В 1869 г. настоятельница Пульхерия докладывала епархиальному начальству, что монастырь находится «в центре города, в местности самой тесной (всего 1718 кв. саженей) и неудобной, окруженной со всех сторон деревянными строениями градских обывателей и что монастырская церковь есть вместе и приходская, чем стесняются и хозяйственные, собственно монастырские, распоряжения и самое совершение богослужения». Обитель была небогата, приписанные к монастырю «четырнадцать дворишков бобыльских»

Как бы особой пристройкой к собору являются церковь преподобного Никона и юго-западный притвор. Последний устроен на том самом месте, где, по преданию, совершилось явление Богородицы Сергию... Так же, как и названный притвор, церковь слита воедино с Троицкой и составляет с ней одно дружески-родственное целое - церковь Преподобного Никона. Как прислонился Никон, ближайший ученик и преемник Сергия, к своему наставнику, так пристроилась к собору и его церковь, так что мощи ученика покоятся подле мощей учителя. При Никоне, как известно, выжжена была обитель

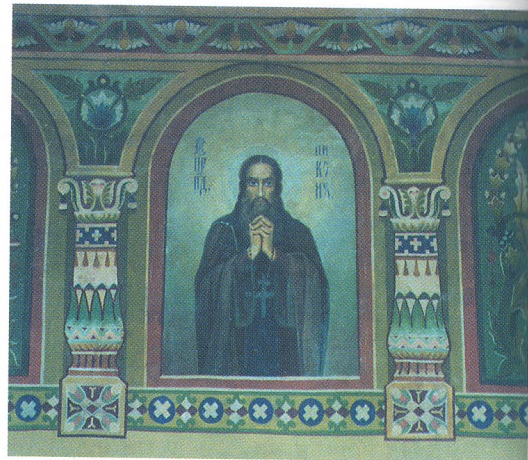
Едигеем в 1408 году, но уже через три года воздвигнут новый храм Святой Троицы; при Никоне, в 1422 году, явились мощи Сергиевы, при нем составлено жизнеописание Сергиево еще оставшимся тогда в живых учеником Сергия - Епифанием. Никонова церковь значительно меньше малого Троицкого собора, она тоже блистает золоченой головою, серебряною одеждой иконостаса и раки преподобного.

Владимирские губернские ведомости,
1900, № 22.

в 1670 г. были отданы в юрьевский посад. С тех пор жил монастырь на ружное жалованье. Даже каменной оградой, и то с трех сторон, обитель была обнесена лишь в 1785 г. благодаря «усердию» уже известного нам купца Петра Карцева. Тогда же украсили стены монастыря 5 небольших башен. В 1856 г. каменная ограда с двумя небольшими башнями заменила наконец «деревянный заборник» с четвертой, северной, стороны. К этому времени на территории монастыря находились еще 18 деревянных келий и «настоятельские покои каменные с деревянным наверху мезонином».

Количество насельниц для небольшого монастыря поначалу было небольшим. В 1705 г. вместе с игуменьей - 30 монахинь, а в 1727 г. - «62 человека и 35 белиц, да начальница Ирина с 3-мя монахинями, переведенные из Покровского монастыря». В 1764 г. по Высочайше утвержденному штату монастырь был «положен в 3 класс» и количество монахинь в нем уже не превышало 15 человек. В 1870 г. в монастыре состояли: игуменья, казначея, 13 монахинь, 2 штатные послушницы, 29 указных послушниц, 40 человек на испытании, 2 священника, дьякон, дьячок и пономарь. Жизнь всех этих людей круто изменил всего один июньский день 1871 г., когда вспыхнул пожар. Более монастырь не возобновлялся.

Сильно пострадавшие церкви и колокольня со временем были восстановлены; на их «исправление» поступила через консисторию «расчетная книжка в 3000 рублей с процентами по ней 231 руб. 30 коп.». Восстановленные после пожара церкви мы и видим на открытках. Холодная Введенская церковь на фотографиях запечатлена без существенных изменений, а теплая Никоно-Никольская в 1885 г. была передела-

Св. Никон.
Роспись стены
Михайло-
Архангельского
собора.
Конец XVIII -
начало XIX века.

В девичьем монастыре, кроме всех келий, сгорела колокольня, и колокола упали, обгорели стропила под крышей летней церкви, уцелела одна зимняя церковь. Колокольня сгоревшая была лучшая, по своей архитектуре, в городе. Во время горения колокольни, как рассказывают, некоторые видели в верхнем ярусе ее человека, молившего о помо-

щи. Человек этот, звонивший во время пожара, не мог уже выйти оттуда, так как загорелись уже дверь и лестницы колокольни...

Владимирские губернские ведомости,
1871 г., № 26.

на и украшена внутри при священнике Александре Минервине и церковном старосте Александре Дмитриевиче Овсянникове, который, «отличаясь любовью и ревностью к устройству и украшению храмов Божиих, взялся за это дело с обычной ему энергией и умением».

Вот мы и вернулись к тому месту, на котором прервали прогулку по Большой улице. На следующем отрезке Большой улицы, после пересечения ее с Воскресенской, наше внимание привлечет здание Дворянского собрания (1870 г.) - большой красивый полукаменный дом с высокими окнами второго этажа.

Дворянские собрания вошли в жизнь городов России в XVIII в. Название «Дворянское собрание» восходит к сословным собраниям дворян, проводившимся раз в три года. На них избирались предводители дворянства и другие должностные лица, решались дворянские и общие местные дела. Но, кроме официальных, Дворянские собрания имели и общественно-культурные функции: здесь давались балы, устраивались торжественные приемы-обеды.

Начиная со второй половины XVIII в., прошения об открытии Благородного собрания юрьевцы подавали неоднократно. В 1856 г. Юрьевское «градское общество» обратилось к городничему «со словесной просьбой о дозволении открыть с 1-го будущего ноября месяца Мужской клуб для игры в карты и два раза в неделю Дамское танцевальное собрание». 16 января 1857 г. правила собрания были утверждены в МВД. Целью учреждаемого собрания было «доставить служащим и неслужащим дворянам и чиновникам возможность проводить приятно свободное от службы и должностных занятий время в приличном зва-

В 1763 году по просьбе игуменьи Агафьи с прихожанами дозволено было указом из «Казенного Приказа», по благословию Преосвященного Геннадия, Епископа Суздальского и Юрьевского, построить соборную каменную пятиглавую церковь во имя Святителя Николая Чудотворца. Эта новая церковь строилась в 1763 - 1770 годах «подаянием христолюбивых дателей и приходских людей». На устройство в ней иконостаса с образами, дверей, «затворов» в окна на штукатурку внутри, за неимением местных средств, по ходатайству Преосвященного Геннадия, вследствие просьбы игуменьи Агафьи, доставлено было из Го-

сударственной Коллегии Экономии, при указе от 5 июля 1771 года, 499 руб. ассигн. В 1775 году 6 июня она была освящена, по совету Преосвященного Тихона, Епископа Суздальского и Юрьевского и по указному предписанию, во имя Введения во храм Пресвятыя Богородицы, а не во имя Святителя Николая, так как монастырь именуется Введенским, а Введенский храм - придел при Никоновской церкви, был переименован во имя Святителя Николая.

Священник Д. Сахаров.
Владимирские епархиальные
ведомости, 1905, № 9.

Здания с восточной стороны Торговой площади

Большая улица.
Справа дом Овсянниковых (1870-е годы).

г. Юрьевъ-Польскій. Большая ул.

Большая улица.
Справа здание Дворянского собрания.

нию их обществе». Членами и посетителями собрания могли быть также почетные граждане, купцы, артисты и иностранцы, не приписанные к мещанству или церковному обществу. Открыто оно должно было быть ежедневно с 12 часов дня «до сумерек». Набор развлечений предлагался стандартный: чтение газет, игра в бильярд, шашки, шахматы; три раза в неделю (вторник, четверг, суббота) танцы «с 7 вечера до 2-х час. полуночи». Собрание имело свою печать с изображением дворянской короны и управлялось пятью старшинами. Предполагалось, что собрание будет иметь 100 членов. Всеми хозяйственными вопросами, наймом эконома и «внутренним порядком» занимался член-распорядитель. Каждый член собрания имел билет, который возобновлялся ежегодно.

Открылось ли в тот год Юрьевское Благородное собрание и как долго просуществовало, мы не знаем. Однако осенью 1864 г. юрьевцы возобновили свою просьбу. Дело завершилось тем, что устав Юрьевского мужского и дамского Благородного собрания был утвержден.

Старожилам это здание известно как «Пинетов дом». Считается, что Дворянскому собранию сдавал второй этаж своего дома Епинет Александрович Ганшин. С его именем дом связывают не случайно: согласно формулярному списку о службе члена Юрьевской Городской управы Е.А. Ганшина, ему принадлежал смешанный дом с надворными строениями и землей в четвертом квартале города.

Неудивительно, что юрьевцы еще помнят Е.А. Ганшина, он - член правления Юрьевского добровольного пожарного общества, гласный Городской думы и член Совета по управлению богадельней им. Мецдеринных, в 1908 — 1911 гг. - председатель Юрьевского общества хоругвеносцев. Имел Епинет Александрович и награды, одну из которых -

В 1871 году в бывший в городе Юрьеве сильный пожар, истребивший большую и лучшую часть города, со всеми его торговыми лавками, Введенский монастырь сгорел. От всех деревянных его келий остался один пепел, а от келий настоятельницы остались одни каменные стены. На теплом и холодном храмах стропила и решетник в некоторых местах выгорели, а в теплом храме закоптела вся внутренность с иконами и иконостасом. От колокольни остались одни стены: крест с нее упал, три колокола - в 198 пудов, 60

п. 37 ф. и в 2 пуда - упали на землю и разбились, 4 небольших колокола упали на стены пролетов и остались целы, а 4 малые, висевшие при часах на колокольне, распались, и от них остался малый слиток меди, найденный на стене верхнего пролета. Дома у обоих священников и у пономаря, находившиеся близ монастыря, также сгорели.

Священник Д. Сахаров.
Владимирские епархиальные
ведомости,
1905, № 9.

шейную серебряную медаль на Станиславской ленте - получил в 1904 г. за услуги, оказанные Юрьевскому пожарному обществу. Этот дом замечателен еще и тем, что позднее, по воспоминаниям старожил, жил в нем нотариус Торлин, отец известного в городе краеведа.

На той же открытке, на которой запечатлен «Пинетов дом», вдалеке хорошо видно большое трехэтажное здание раздаточной конторы Ганшина. Оно послужит прекрасным ориентиром для нашей дальнейшей прогулки.

Повнимательнее взгляните на открытку. Вам не кажется странным кривизна улицы, застраивавшейся по подтвержденному плану? Эту допущенную давним предшественником халатность попытался исправить юрьевский землемер Беллонин, в июле 1871 г. отводивший подворные участки погоревшим жителям города. Однако полностью устранить кривизну главной улицы не позволили кварталы, не пострадавшие от огня. Кстати, один из отстроенных заново домов по левой стороне улицы принадлежал в 1910-е годы издательнице открыток с видами Юрьева Марии Иосафовне Антиповой, открывшей в нем типографию.

Пересекая Садовый переулок (ранее состоявший из двух частей: до Колокши - Кокушкин переулок, за рекой - Садовый), обратим внимание на дома, расположенные с правой стороны переулка, при спуске к Колокше. Считается, что один из них принадлежал человеку с известной в городе фамилией, давшей название ближайшей к дому лаве, земскому дорожному технику Василию Васильевичу Гридневу.

Исполняя свои прямые обязанности, Василий Васильевич никогда не отказывал земству и в производстве работ по гражданским сооружениям. Так, в 1901 г. он составил смету на устройство при Юрьевской земской больнице барака для прислуги и водопровода в больницу. Это позволило «не допускать, чтобы означенные служащие спали в коридорах, ванных комнатах и свободных палатах», и сокращало расходы на водовозов и прислугу, которая вынуждена была «вносить и выносить воду ведрами». При непосредственном участии В.В. Гриднева к 10-м годам XX в. на Спасской улице был отстроен целый городок земства, где располагались отремонтированные или построенные вновь благоустроенные здания земской управы, больницы и ветеринарной лечебницы.

Работ, которые В.В. Гриднев выполнял безвозмездно, в течение года накапливалось много. Поэтому еще в 1901 г. на заседании Земской управы ее секретарь А.Н. Ненароков предложил, чтобы все работы, не

входящие в обязанности В.В. Гриднева, были вознаграждены, поскольку он, «производя такие работы безвозмездно сейчас, в другое время вправе от них и отказаться». Было решено, начиная с 1902 г., «ассигновать дорожному технику Гридневу за работы по строительным и дорожным делам Юрьевского уездного земства по 200 руб.». Обязанности свои В.В. Гриднев исполнял настолько добросовестно, что «все построенное им никаких перерасходов не имело», а произведенное под его наблюдением строительство арестантского дома и ветеринарной амбулатории даже «дало экономию». По предложению Земской управы в 1909 г. Гриднев принял временное «заведование телефонами».

Вспоминают добрым словом В.В. Гриднева и потомки юрьевской жительницы Ирины Георгиевны Морозовой, они до сих пор живут в доме, история строительства которого напрямую связана с именем земского дорожно-го техника. Когда-то Ирина Георгиевна находилась в услужении в доме Гридневых. Зная о характере работы хозяина, стала она как-то просить его отвести ей плохонькой земли под постройку дома. «Зачем же плохую, Оринушка? - возразил В.В. Гриднев. - Я тебе самую лучшую отведу!» И отвел - недалеко от своего дома, в том же Садовом переулке.

А теперь еще раз взглянем в общий вид Юрьева. Справа от Большой улицы, на фоне полей, виден еще один комплекс церквей - Христорождественской и Борисоглебской. Словно притаились они в тихом живописном переулке, а между тем это едва ли не самые красивые церкви Юрьева.

Василий Васильевич и Надежда Ивановна Гридневы

Сын Гридневых
Володя.
Фото
П.М. Бородулина,
г. Юрьев-
Польский.

Рассказать об истории их строительства, назвать точные даты сложно. По всей вероятности, даже современные специалисты за неимением других источников опирались при датировке их постройки на «Историко-статистическое описание церквей и приходов Владимирской епархии», составленное В.Г. Добронравовым. Василий Гаврилович руководствовался «описью города Юрьева 1760 г.», в которой не нашел церкви Рождества Христова. Именно поэтому он сделал вывод, что церковь была построена позднее, в 1792 г., которым датирован сохранившийся в ней антиминс. Теплая церковь Бориса и Глеба, по его мнению, была закончена постройкой в 1808 г.

Эти две даты удивляют больше всего, несмотря на объяснение специалистов, что построены церкви были в формах древнерусского зодчества. Выходит, что слишком долго оставались приверженцами этих форм строители церквей и их заказчики.

Разгадку удалось найти у самого Добронравова. Перечисляя престолы Христорождественской церкви, он назвал придельный во имя святых бессребреников Козьмы и Дамиана. Мало кто в Юрьеве помнил настоящее название пятиглавой церкви-красавицы. Так случилось, что полюбилось юрьевцам другое название - Козьмодемьянская, по которому в дальнейшем получил переулочек свое имя. А вот церковь Козьмы и Дамиана в описи 1760 г. значилась, да не как-нибудь, а как «каменная, построенная из давних лет!» Мало того, составители описи указали, что при Козьмодемьянской церкви «ныне (т.е. в 1760 г. - Г.М.) строится вновь теплая каменная, во имя святых страстотерпцев Бориса и Глеба». Сохранилось и другое письменное свидетельство, подтверждающее, что обе эти церкви были возведены в камне задолго до 1792 г. Оно

В описи города Юрьева 1613 и 1760 гг. церковь Рождества Христова не упоминается; следовательно, основание ее можно отнести лишь к концу прошлого столетия. Антиминс 1792 года, сохраняющийся в церкви, по всей вероятности, дан был в новопостроенную церковь Рождества Христова. В этой церкви, зданием каменной, пятиглавой, три престола и все холодные: главный — Христорождественский, придельные: во имя св. бессребр. Козьмы и Дамиана и во имя св. велико-

муч. Параскевы. Позднее, в 1808 году, усердием прихожан построена отдельно теплая церковь, каменная же, с одним престолом, - в честь свв. князей Бориса и Глеба. Колокольня каменная; на ней имеются часы. Церкви и колокольня обнесены каменной оградой с железными решетками.

Историко-статистическое описание церквей и приходов Владимирской епархии. Вып. III. Владимир, 1896.

содержится в топографическом описании г. Юрьева-Польского, составленном в 1784 г. В нем на Спасской улице до перепланировки, заметно отклонявшейся к центру современного Козьмодемьянского переулка, показаны две каменные церкви.

Христорождественская церковь построена, без сомнения, в начале XVIII в. Несмотря на очевидную связь с традициями второй половины XVII в., в ее архитектуре появляются детали «петровского барокко». Углы четверика закреплены пучками колонок. Над карнизами окон южного фасада размещены «разорванные» фронтоны вогнутых очертаний. Вместо закомар над карнизом церкви продолжается плоскость стены, расчлененная тремя декоративными арками килевидной формы, опирающимися на делящие стены на отдельные части плоские лопатки. Пять глав с цилиндрическими барабанами возвышаются на подставках, украшенных килевидными кокошниками.

Козьмодемьянский перекресток. Вид на комплекс Христорождественской (Козьмодемьянской) и Борисоглебской церквей.

Юрьевъ-Польскій Церковь Космы и Даміана.

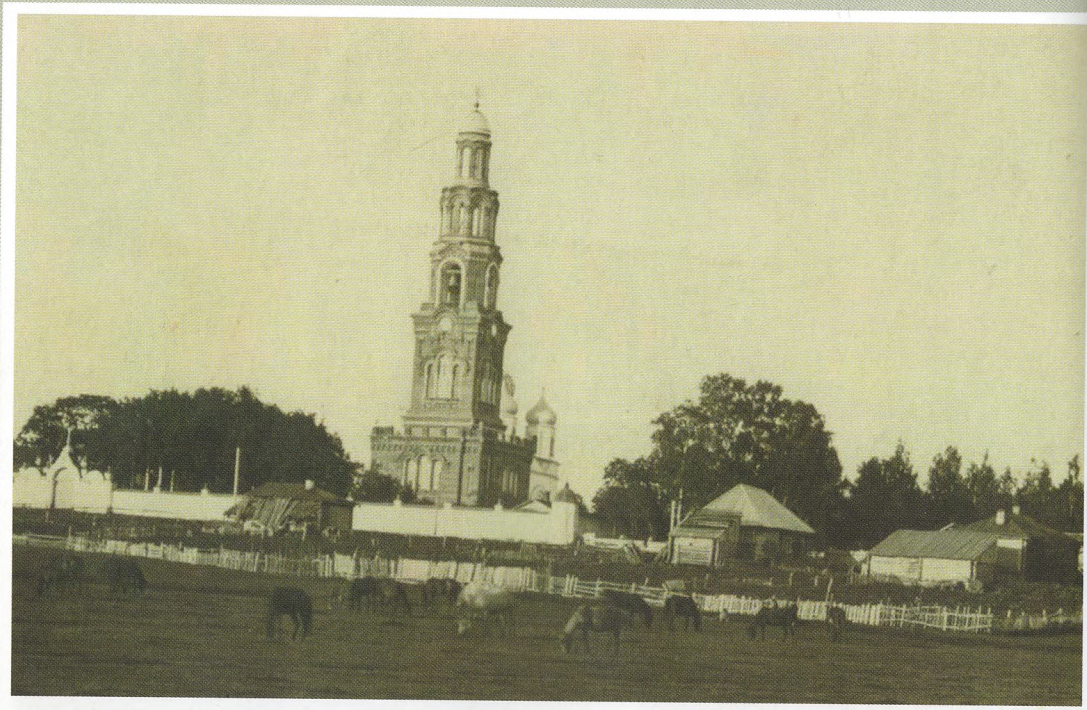

Церковь Козьмы и Дамиана.
Справа видна Борисоглебская церковь.

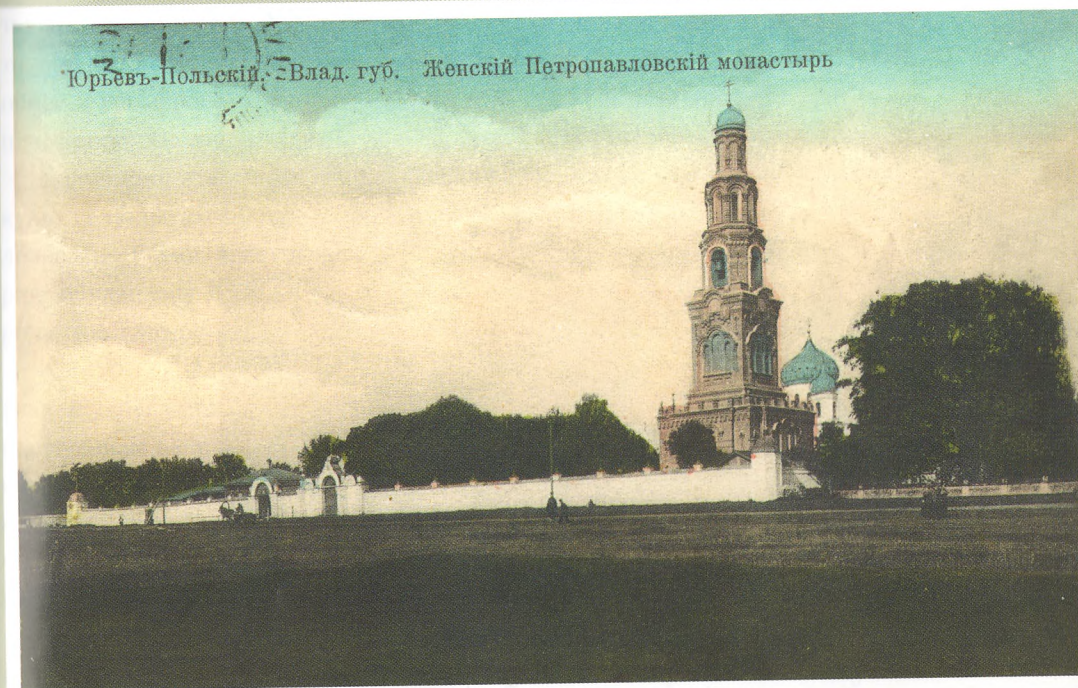
г. Юрьевъ — Польскій Влад. губ. Женскій Петропавловскій монастырь

Женский Петропавловский монастырь

Женский Петропавловский монастырь

Женский Петропавловский монастырь

Вытянутая по длине, с высокой двускатной кровлей Борисоглебская церковь напоминает церковь Стефана в Кидекше (1780 г.). Ее облику также свойственны простота и суровость.

Приход Христорождественской церкви был немалым. Самыми старыми из хранившихся в ризнице церкви предметов были Евангелия 1681 и 1698 гг. (больше ни одна приходская церковь Юрьева не могла по-

Вид
на Петропавловский
монастырь.
Фото 1930-х годов.

хвастать этим), на последнем имелась надпись: «Сие Евангелие на престольное в дом Рождества Христова приложил Никита Анфимов Сластихин по своим родителям и подписал своею рукою».

Вернемся на Большую улицу и пойдем к самой высокой и красивой в Юрьеве колокольне в Петропавловском монастыре. Основан он был как мужской митрополитом Иларионом и существовал «до Литовского разорения», после чего «на месте одного монастыря, за городом, в самой близости, а именно не больше трети версты, построена» была деревянная церковь во имя верховных апостолов Петра и Павла. Церковь была холодной, служба в ней совершалась только в храмовый праздник и в следующую за ним неделю, для чего приезжали из Архангельского монастыря «черные священники», которые привозили с собою необходимую для богослужения утварь.

В 1764 г. монастырь был упразднен и деревянная церковь во имя апостолов Петра и Павла поступила в ведение Архангельского монастыря. На протяжении нескольких веков Петропавловская церковь находилась на грани упразднения, но каждый раз, когда ситуация становилась критической, у церкви появлялся заступник.

В 1772 г. дозволено было при Петропавловской церкви хоронить тела умерших монахов Архангельского и монахинь Введенского монастырей. Еще в начале XX в. сохранялись на кладбище «памятник-плита, под которым похоронен епископ Иоанн, по преданию, из бывших на покое в упоминаемом монастыре до 1764 года», и «старинный памятник, крестообразный камень» - «Абрамиев гроб».

Возможно, эта старая могила была бы забыта, но в конце XVIII в. культ ее попытался возродить купеческий сын Курбатов: «В 1794 году дозволено было Преосвященным Виктором юрьевскому купцу Дмитрию Михайлову Курбатову с прочими гражданами возобновить Петропавловскую церковь без нарушения престола».

К 1795 г. Д.М. Курбатову не было и 30 лет, был он холост, грамоту знал «худо», имел «кроткий наружный вид, длинное простое одеяние и попущенные на лицо волосы». «Упражнялся», по свидетельству юрьевского городничего, «в живописном и резном художестве» да имел небольшую торговую лавку, в которой продавал получаемые из Москвы «печатные картины, отчего и с помощью родственников имел себе пропитание...» Был он «образа тих, безответен противу насмешек, ругательств и угроз, трезв и воздержен во всем, много молится, подавал милостыню и выпускал из-под стражи по долгам находящихся». Это привлекало к нему людей, особенно «пожилых деревенских барынь», которые начали почитать его за пророка, а он «при больших сборищах» читал и пояснял молитвы, говорил «нечто глупое и невразумительное, из чего приверженные к нему сами уже выводили гадательные заключения».

В 1794 г. Курбатов испросил у Преосвященного благословения возобновить в Юрьеве старую деревянную церковь святых Апостолов Петра и Павла. Нашел щедрых вкладчиков из купцов московских и «по советам неизвестных людей и по собранным рисункам» выстроил церковь «в особом вкусе и покрыл железом». В мае 1796 г. сам Преосвященный Виктор освятил возобновленную церковь. На предостережение писавшего ему еще в ноябре 1795 г. губернатора, сделавшего из

сообщений юрьевского городничего вывод, что Курбатов «тунеядец и обманщик и его деятельности надо положить преграду», Преосвященный внимания не обратил.

Юрьевский городничий, тот самый, чье обстоятельное описание Юрьева мы уже встречали на страницах этой книги, «старался внушить им, его отцу и ему самому, что не должен он под видом благочестия приучать к себе людей и тем славиться», врачевание лучше предоставить людям, в том сведущим, а еще лучше «жениться и обратить попечение на дела, купцу приличные». Однако на оставшиеся после «украшения» церкви «от вкладчиков суммы» Курбатов затеял построить богадельню «для престарелых увечных и убогих бедных разного звания обоего пола людей». 14 марта 1797 г. вынужденный подчиниться приказу Владимирского губернского правления городничий Михаил Иванович Свободской объявил Д.М. Курбатову «высочайшее благоволение».

Некоторое время про новое детище Курбатова ничего не будет слышно, покуда осенью 1799 г. не зазвучал его возмущенный голос, требовавший наказать городничего Свободского за «законопротивные поступки» и вызывавший о помощи «престарелым увечным и убогим бедным», которых городничий якобы «незнама почему и покакой притчине» безжалостно выгнал из богадельни, а «оставшееся после них имение» взял себе. Курбатов не раз будет писать в Москву и в Сенат на имя «Всепресветлейшего Державнейшего Великого Государя Императора Павла Петровича» и даже поедет в первопрестольную, ища управы на зловерного городничего.

Хитрил Дмитрий Михайлович, ох, хитрил. Надеялся, на плохую осведомленность властей. И ошибся. Еще в марте 1799 г. до епископа Владимирского и Суздальского Виктора дошло (наконец-то!) известие, что в

Деревянная часовня, т.н. Абрамиев гроб, построена в 20 сажнях от богаделен, пространством на 4-х аршинах, осмиугольная. Место сие по объявлению жителей называлось в старину убогим домом, где погребались убиенные или утопленники. На оном или близ оногo с давних лет надгробный небольшой камень, в него утверждены каменный же крест, на котором видны неясственно остатки надписи, означающей одно только

имя - Абрамий, а кто именно был сей Абрамий, никто из тамошних жителей не запомнил и не знает...

Из справки, подготовленной Владимирским Губернским правлением гражданскому губернатору П.С. Руничу.
7 февраля 1800 г.

богадельне «купецкого сына Дмитрия Михайлова сына Курбатова имеют иительство многие из разных мест женского пола лица», что не могло не вызвать приказа Духовной консистории «запретить ему, Курбатову, принимать и содержать при показанном мужском монастыре женский пол». Этот-то приказ, очевидно, и исполнил 18 июня 1799 г. М.И. Свободской.

В декабре 1799 г. поступивший во Владимир Указ Сената вызвал переписку гражданского губернатора П.С. Рунича (1797-1802 гг.) с Губернским правлением. Тогда-то и оказалось, что в богадельне при церкви, приписанной к мужскому монастырю, проживало только четверо мужчин и 38 женщин, в том числе «двадцать шесть девок разного состояния и из них большая часть от осемнадцати до тридцати лет». Это навело изумленных чиновников на «сомнение, что под сим предлогом не сокрыт ли собственный, Курбатова, интерес».

Особенно удачно использовал Д.М. Курбатов «возможности» территории, доставшейся в его распоряжение. Сделал над «Абрамиевым гробом» «плотничей работой вышиною в аршин на столбиках небольшую крышку», названную им «Голбчик», и покрыл последний «кумачною пеленою с крестом, нашитым из лент, ... чтоб привлечь простой народ». Культ новой «святыхи» в народе не прижился, а в 1798 г. пелену с «голбчика» и вовсе украли.

Однако суеверные люди в надежде на исцеление все же брали землю с «Абрамиевой могилы». Оборотистый купеческий сын попытался обратить это на пользу своему начинанию. В ходе следствия купеческий сын Иван Кукушкин сообщил, что еще в 1795 г. во время возобновления Курбатовым загородной церкви приказал он «близь той церкви вырыть колодец... и велел жившему тогда при нем юрьевскому купцу Алексею Шевелкину положить ...духов вокруг сруба на дно, ...чтобы от воды произвести приятный запах». Кукушкин Шевелкина «от

«...Повсеместно слышал он, что в Юрьеве находится некто купеческий сын, который под личиною святости привлекает суеверный народ и, не будучи ни врач, ни Пророк, исцеляет будто бы немощи и предсказывает будущее, а между тем сам, хотя впрочем молодой и здоровый человек, находится в совершенной праздности во вред обществу. А потому и требовал от него, Городничего, описать во всей подробности поведение его,

до какого количества простираются народы, стекающиеся к нему, какую имеют они в нем надобность и каким образом оные удовлетворяются от него?..»

О секретном письме Владимирского и Костромского генерал-губернатора Заборовского юрьевскому городничему от 13 октября 1795 г.

колодца прогнал», но вскоре обнаружил, что духи «высыпаны были под алтарь той строящейся церкви, откуда и происходил запах, и некоторые из простых людей, почитая сие чудом, брали из-под алтаря землю в свои дома». В дальнейшем Шевелкин выдал следствию «Петропавловских богаделен многие бумаги» и среди них письма к «содержателю богаделен» поклонниц, «открывающие подлинное его поведение». Так, в письме помещицы Марьи Ярышкиной Курбатов «поставляем был в виде святого и единым ходатаем к Богу». Власти объявили успешного скрывается Курбатова в розыск. В декабре 1800 г. блудный купеческий сын был взят под стражу, а Петропавловская церковь вновь осиротела.

Спустя пять лет с просьбой об «оставлении состоящей на старом кладбище Петропавловской церкви» обратилась титулярная советница Анна Михайловна Комендантова, урожденная княжна Голицына, и в январе 1806 г. богослужение в Петропавловской церкви было открыто.

Так продолжалось до 1825 г., когда церковь пришла в совершенную

Петропавловский
монастырь.
Главный храм
и трапезная
церковь.

ветхость и Юрьевское городское общество возбудило перед Губернским правлением ходатайство о постройке новой каменной церкви, но епархиальное начальство решило: «Петропавловскую церковь - за ветхостью и как ненужную для города - упразднить и отдать в заведование Архангельскому монастырю вместе с капиталом, внесенным г-жею Комендантовой, с наличной суммой и имуществом». Согласно указу Святейшего Синода от 23 января 1830 г. церковь была разрушена. Казалось бы, на окончательно разоренном месте уже ничего не могло возродиться. Ан нет!

Восстановителем храма стал купец Петр Бородулин, который пожертвовал собственной землей и выменял у крестьян с. Федосьино отошедшую к ним «пустошь Петропавловскую». 16 мая 1843 г. Святейшим Синодом был издан указ, разрешавший строительство каменной церкви. Тогда-то (1843 - 1853 гг.) и был выстроен отличной архитектуры холодный пятиглавый трехпрестольный храм. Упрочить положение не имевшей прихода Петропавловской церкви помог, как ни

Поднятие креста
на Петропавловскую
колокольню

прискорбно, пожар 1871 г. Пройдет около трех лет, и настойчивые граждане Юрьева вдохнут новую жизнь и в погибший в пламени Введенский монастырь, и в сиротливо стоявшую Петропавловскую церковь.

В судьбе Петропавловской церкви принял участие еще один юрьевский купец по фамилии Курбатов, на этот раз Алексей Михайлович. В 1872 г. он выкупил «пустошь» и пожертвовал ее женскому монастырю. В июле 1874 г. Введенский женский монастырь был официально переведен к Петропавловской церкви и переименован в Петропавловский.

Игуменье Введенского монастыря Пульхерии, еще в 1869 г. просившей епархиальное начальство о переведении монастыря «к загородной Петропавловской церкви на состоящую при ней землю», было отказано на том основании, что не нашлось «документов на принадлежность церкви Петропавловской 6-ти десятин показанной земли». Игуменье было поручено отыскать необходимые документы, но вскоре огонь уничтожил Введенский монастырь. И если бы не А.М. Курбатов, монастырь, возможно, вообще никогда не был бы возобновлен. Алексей Михайлович устранил главное препятствие - просто передал землю в собственность Петропавловской церкви. Последовавшее очередное прошение игуменьи, жертвовавшей, кстати, на устройство на новом месте вверенной ей обители 5000 рублей серебром из собственных средств, не могло не встретить поддержки и в епархии, и в Святейшем Синоде.

20 июля 1874 г. «устроявшаяся обитель торжественно освящена была Высокопреосвященнейшим Антонием». Игуменья Пульхерия управляла Введенским монастырем с 1847 г. и умерла 14 октября 1881 г.

1824-го года декабря 30 дня Юрьевское градское общество, бывши в собрании, имело рассуждение касательно того, что устроенная при бывшем митрополите Иларионе Суздальском и Юрьевском в 1674-м году при оном городе Юрьеве церковь во имя Святых и Первоверхновных Апостолов Петра и Павла деревянного здания пришла в ветхость, но как при оной церкви убиенные в прежние времена от нашествий неприятеля и с 1771-го года по случаю бывшей моровой язвы умерших тела погребались не менее пяти лет потому, что при приходских церквях до учреждения настоящей кладбища погребать умерших было запрещено,

то, дабы не нарушать святость места сказанной церкви и не оставить покоившиеся умершие тела без церкви и службы, за долг свой и обязанность почли открыть при помощи Божией на первый раз подписку изъявивших по своему усердию к святой церкви ревностное и добровольное пожертвование деньгами или материалами на постройку вместо означенной Петропавловской ветхой церкви вновь каменной в то же именование с приделом Святителя и Чудотворца Николая...

Из протокола собрания Юрьевского городского общества от 30 декабря 1824 г.

Еще одной старейшей насельницей юрьевского женского монастыря (поступила в монастырь в 1843 г., пострижена в монашество в 1864 г.) и соратницей игуменьи Пульхерии была сестра Клавдия. С 1871 г. она казначея, а в 1891 г. - настоятельница Петропавловского монастыря с саном игуменьи. Несмотря на возраст (родилась в 1824 г.), игуменья Клавдия была очень энергична. Ее заботами в 1892 - 1902 гг. была построена очень красивая колокольня в русском стиле высотой около 30 сажен. При игуменье Клавдии на территории монастыря была открыта женская церковно-приходская школа.

Еще не будучи игуменьей, Клавдия в 1886 г. при содействии крестьянина с. Петровское Юрьевского уезда Григория Лаврентьевича Карзова устроила внутри монастыря, с восточной стороны, предназначавшийся для общежития деревянный корпус. Но только став настоятельницей, смогла открыть в нем школу, которая отличалась благоустроенными службами и приличным оборудованием: 11 новейшего образца парт, шкаф для библиотеки, присланные Братством святого Александра Невского учебники и принадлежности. Из подаренной Карзовым сарпинки 24 ученицам были сшиты форменные платья, что придало школе «особенно красивый и опрятный вид». Разместив у себя девочек на учебное время, сестры избавили их от необходимости ежедневно ходить в школу издалека.

По распоряжению Совета Братства святого Александра Невского заведующей школой стала игуменья Клавдия, законоучителем - свя-

Слово, сказанное Высокопреосвященным Антонием Архиепископом Владимирским по совершении Литургии 1874 г. июля 20 дня в Петропавловской церкви г. Юрьева по случаю перемещения к ней Юрьевского Введенского девичьего монастыря:

Благословен Господь Бог, указавший сие святое место для устройства на нем обители иночествующих. Благодарение Вам, благочестивые обитатели Града сего, за то, что Вы не пожалели для нее самого лучшего места и своего достояния. Благодарение и Вам, иереи Божии, за то, что Вы выразили свое сочувствие к благому делу!... Здесь некогда был монастырь, основанный приснопамятным Митрополитом Иларионом, в честь первоверховных Апостолов Петра и Павла, в то время, когда он управлял Епархию Суздальской и Юрьевской... В половине истекшего столетия

осталась одна только церковь, в которой не часто совершалось и богослужение. В 1-й четверти настоящего столетия и эта церковь обветшала и была разрушена. Правда, вскоре после того нашлись благочестивые христиане, любящие благолепие храмов Божиих, которые на свое иждивение создали, вместо деревянного, этот величественный каменный храм и снабдили его всем нужным, так что опять начало в нем совершаться Богослужение... Но вот Господу угодно, чтобы место сие опять было прославлено, чтобы здесь опять была обитель иночествующих, чтобы здесь было и торжественное служение, и стройное пение...

Владимирские епархиальные ведомости, 1874, № 16.

щенник Д.Ф. Сахаров. Давать уроки рукоделия изъявила желание известная мастерица, послушница монастыря Л.И. Кокушкина, по классу пения - послушница А.А. Пенская, дочь дьякона, обладавшая «достаточным умением обучать пению при посредстве скрипки». Скромное торжество открытия школы состоялось 25 сентября 1892 г.

Заслуги игуменьи Клавдии неоднократно отмечались Святейшим Синодом, с уважением относились к деятельной настоятельнице и юрьевцы. В скорбный день 19 декабря 1904 г. весь город пришел проститься с игуменьей. Погребена она была у алтаря холодной церкви.

Спустя три года в Петропавловском монастыре на 71-м году жизни скончалась Прасковья Сергеевна Карзова. Известная «ревнительница по благоустройству храмов», Карзова имела серебряную и золотую медали от Святейшего Синода. Как писали «Владимирские епархиальные ведомости», «благодарительность покойной выразилась во многих тысячах рублей».

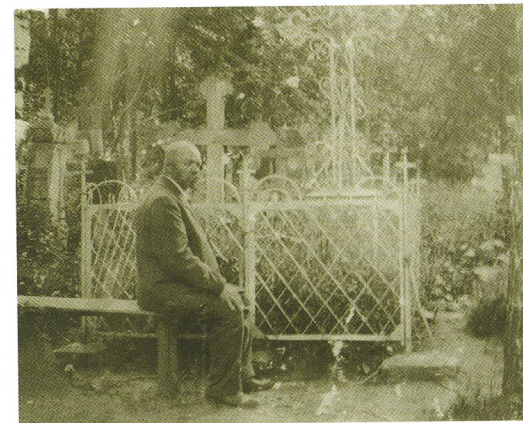
Вид на городское кладбище с Петропавловской колокольни. Слева церковь Вознесения Господня.

С февраля 1905 г. игуменьей монастыря была монахиня Евлампия, которая с успехом продолжила дело, начатое ее замечательными предшественницами.

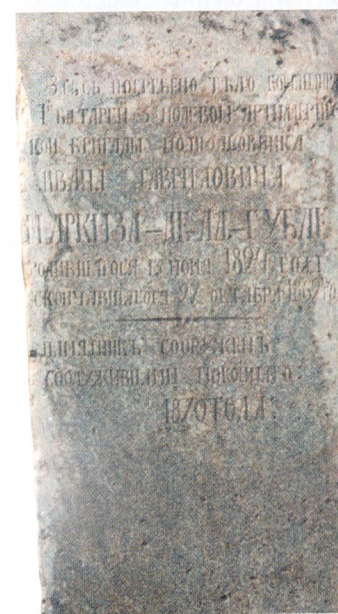
На всех открытках с общими видами Юрьева на фоне мощных сооружений Петропавловского монастыря просматриваются главка Вознесенской кладбищенской церкви и тонкий шпиль находившейся при ней колокольни. Монастырскую ограду продолжает ограда кладбища, которой оно было обнесено в 1902 - 1903 гг. после расширения в восточную сторону. Церковь Вознесения Господня, каменная, была построена задолго до каменной Петропавловской церкви, в 1780 г. В ней было три престола: главный, холодный, в честь Вознесения Господня и придельные теплые во имя святых апостолов Петра и Павла и преподобного Сергия, Радонежского чудотворца. В 1840 г. при церкви была построена каменная колокольня.

История Вознесенской кладбищенской церкви почти не нашла отражения в старых документах и газетах той поры. С этой церковью, однако, связан эпизод, скупо описанный в делах канцелярии губернатора, эпизод трагический: в августе 1837 г. бургомистр и ратманы Юрьева докладывали губернатору о падении 12 рабочих с подмостков строившейся при Вознесенской церкви колокольни.

Жаль, что не сохранилось описаний городского кладбища Юрьева. Вероятно, вступавшего через скромные ворота под сень кладбищенских деревьев, как и на всех старых кладбищах, охватывало не чувство скорби и утраты, а чувство тайны, присутствующей в каждом дереве, в каждой могиле, тайны, «обещающей жизнь тихую, прекрасную, вечную», а от плит и увядших цветов веяло прощением, печалью и покоем.

На старом кладбище

Могильная плита маркиза де ля Губле

Поскольку в Юрьеве в XIX в. квартировали полки, стояла артиллерийская бригада, по свидетельству Д.Ф. Сахарова, на городском кладбище было «много памятников умерших чинов воинских того времени». Возле Вознесенской церкви находился на городском кладбище и склеп Ганшиных, который, как и положено фамильному склепу, овеян легендой. Юрьевцы помнят, как в начале 1950-х проехала по центральной улице города редкая по тем временам «Победа». Остановилась она у кладбища, где, как говорили, подняли в склепе Ганшиных надгробную плиту и что-то взяли из могилы. Скорее всего, потомки известного в Юрьеве рода просто пожелали перезахоронить прах предков. Однако долго еще будоражили воображение юрьевцев рассказы о загадочном посещении и таинственных кладбищенских кладах.

Заканчивался век XIX-й, многое менялось, уходило в прошлое и время фонарщиков. Фонари появились в Юрьеве в 1867 г. благодаря усердию юрьевского уездного исправника, заботившегося «об охране наружного порядка, тишины и спокойствия». «Опыт постоянного наблюдения» подсказал ему: чтобы у полиции была возможность «иметь удовлетворительный надзор и преследовать всякое законопротивное действие, совершающееся под прикрытием темноты», надо осветить, по крайней мере, улицы, соединяющие почтовые тракты. В противном случае полиция не имела «никакой возможности пресечь зло в ночное время».

Исправник даже составил смету на обзаведение города 40 фонарями и «наем двух смотрителей для зажигания, чистки и смотрения» за ними. Дума пришла в ужас. Достаточно и 8 фонарей - решила она, а «устройство 40 фонарей поведет к чрезмерной роскоши, к расстройству городской казны». К 1891 г. на содержание 61 керосинового фонаря Дума тратила уже до 400 рублей в год.

... В монастыре этом за весь почти 40-летний период до сего времени не было общей трапезы. С благословения Высокопреосвященного Николая, Архиепископа Владимирского, в 5 нед. Св. Четырнадцатницы 31 марта сего года, старанием игуменьи Евлампии — настоятельницы монастыря, при помощи ревнителей святых обителей, открыта общая трапеза... После Божественной воскресной литургии 31-го марта из храма был совершен крестный ход в здание вновь устроенного трапезного помещения в монастырском корпусе,

где в служении соответствующего молебна, кроме местного причта, приняли участие: соседний кладбищенский священник о. С. Извольский и наблюдатель церковно-приходских школ о. А. Троцкий. При прекрасном, умилительно-трогательном пении иноческого хора совершено было водосвящение и кропление святой водой открытого помещения.

Священник Дмитрий Сахаров.
Владимирские епархиальные
ведомости, 1913, № 20

Однако проблема освещения города своей актуальности не потеряла. Разрешить ее попытался новый состав гласных Думы в 1906 г., но улучшения свелись к замене десяти керосиновых фонарей одним бензино-калильным, который «в пасмурную погоду мигает не лучше 1 керосинового».

К 1913 г. Дума пришла к выводу, что городу необходимо электрическое освещение. Правда, картина вовсе не была такой радужной, как поспешили объявить в прессе. Речь шла не о 80, а всего о 30 «лампах с вольтовой дугой», что было мало даже для такого небольшого города.

Устройством электрического освещения в городе занималось акционерное общество русских электротехнических заводов «Сименс и Гальске». Расчеты с фирмой осуществлялись через Товарищество «Бр. Овсянниковы и А. Ганшин с С-ми». Столбы для фонарей поставляла контора князя А.Б. Голицына, а цемент, алебастр, гвозди, тиски и т.п. - лавки М.М. Бедняковой и И.П. Овсянникова.

Но где же находилась электростанция в Юрьеве? Возможно, что под станцию оборудовали одно из помещений Городской управы или находившееся в непосредственной близости от нее. Так, в феврале 1914 г. был выставлен счет, в котором говорилось: «... у Городской управы починены водосточные трубы, у парадного входа в управу сделана воронка, флюгер на дымовую трубу от электрической машины, побелка входного коридора к машине, выбелено само помещение».

Как только первые фонари были установлены, у Городской управы возникли новые проблемы. Начальник почтовой конторы жаловался, что «осветительный фонарь» на Дворянской улице напротив фабрики Курбатова «при сильнейшем ветре временами касается телеграфных проводов и мешает правильному токопрохождению» в них; уездный исправник беспокоился за надежность правительственной телеграфной линии, которую «провода электроосветительной линии» пересекали в шести местах; а акционерное общество «Сименс-Штуккерт» просило переставить от опасного соседства телефонные столбы на другую сторону Большой улицы.

А уже в январе 1914 г. стало ясно, что установленных фонарей для освещения города не хватает. Особенно интересно в этой связи обращение 14 владельцев лавок в Гостином дворе, «обойденных» при устройстве электрического освещения. Хозяева писали, что они закрывают помещения в седьмом часу вечера, после чего их линия не освещается, «наступает тьма, очень удобная для воровства».

Остается добавить, что Юрьев не был последним уездным центром губернии, устроившим электрическое освещение. В ноябре 1913 г. в Юрьев обратилась Гороховецкая Городская управа, желавшая знать, какая фирма «выполняла работы по оборудованию электрического освещения в городе, в чем заключались работы».

Надо отметить, что в Юрьеве вместе с проблемой уличного освещения всегда стояла другая, очень давняя, но, к сожалению, так и не решенная к началу XX в. Еще в 1867 г. одним из аргументов юрьевского уездного исправника в пользу устройства освещения улиц было то, что осенью земля на дорогах «расползается, каменная мостовая находится в топи, образует таким образом ямы», так что неминуемо возникает опасность «опрокинуть экипаж». К моменту устройства электрического освещения состояние мостовых в городе не изменилось. 18 января 1913 г. Дума издала «Обязательное постановление об устройстве и содержании в г. Юрьеве тротуаров». Речь шла о трех улицах города - Большой, Спасской и Воскресенской. Городская управа твердо намеревалась осуществить задуманное в восьмимесячный срок «за счет собственников владений», что, возможно, и было сделано, но все это великолепие не запечатлелось на старых открытках.

Зато на них четко видны следы других нововведений - столбы телефонной и телеграфной связи, что мешали устройству электрического освещения. К моменту появления открыток телеграф уже был старым: вопрос о его устройстве в Юрьеве решался Городской управой еще в 1879 г. Первым местом размещения телеграфной станции стал дом юрьевской мещанки А.П. Ганшиной на Большой улице: «во втором этаже пять комнат и прихожая, в которых находятся три голландских печи, и к ним отдельная кухня с русской печью».

И, наконец, не мог не попасть в объектив фотографа сравнительно недавно (1896 г.) появившийся в Юрьеве единственный вид городского транспорта - легковые извозчики. Необходимость в них возникла лишь тогда, когда добралось до Юрьева еще одно чудо прогресса - железная дорога, а железнодорожная станция находилась вдалеке от города.

С 1 ноября приступлено к подготовительным работам по устройству в городе электрического освещения. Предполагается поставить 80 фонарей. Большинство улиц будет, по плану, освещаться 1 и 2 фонарями. Это большинство - самая запущенная часть города. К 1914 году предполагается поставить все проектируемые фонари. В данном случае возникает один вопрос. Из

всех больше чем двух десятков улиц и переулков города замощенных только 5. Остальные блещут отсутствием не только мостовых, но в значительной части и тротуаров. Грязь там удивительная. Вот эту грязь и будут освещать электрические фонари.

Старый Владимирец,
1913, № 248.

Извозчики должны были иметь летние рессорные экипажи типа легкой пролетки, тарантасы для поездки на вокзал и за город, а зимой - лаковые сани с полостью. Городской думой была утверждена такса, предусматривающая расстояние, вид экипажа, работу в праздничный или обычный день. Чуть меньше «праздничной» таксы была только стоимость проезда на вокзал и обратно - 30 коп. Социальный состав извозчиков был разнообразен: мещане, крестьяне и даже потомственный дворянин Николай Святухин. Извозчики разделялись на две биржи, каждая из которых выбирала старосту. Легковой извозчик должен был всегда находиться на козлах своего экипажа в трезвом состоянии и «одет в опрятном приличном костюме: летом - в халате-поддевке, а зимой - в открытом тулупчике или полушубке». Он не имел права отказаться везти нанимателя.

Эти нехитрые требования извозчиками все время нарушались, особенно пункт о «трезвом состоянии». Вся тяжесть «воспитания» извозчиков в первые годы их появления легла на плечи исправника со странной для Юрьева фамилией - фон Гротте-де Буко. Он рассматривал многочисленные жалобы юрьевцев и рапорты полицейских надзирателей и «выносил приговоры». Среди провинностей извозчиков есть случаи забавные. Так, извозчик Василий Орлов за беспорядки на бирже и «безобразия на станции Юрьев-Польский у вокзала» был лишен права езды по городу на 2 недели. А Ефим Соколов, «будучи в заметно пьяном виде, явился на вокзал станции Юрьев-Польский, и, когда приехавшей госпоже Станкевич понадобилась пролетка, он, желая взять работу во что бы то ни стало, устроил целый торг и произвел около станции сильный шум».

«16 января 1903 г. в 9 часов вечера городской Калистратов, стоя около ворот прохоровской фабрики, - читаем мы в рапорте полицейского надзирателя, - заметил, что мимо него проехал извозчик с пассажиром, оба пьяные, по направлению в поле, к реке». Подстрекаемый любопытством городской направился вслед. Его глазам открылась ужасная картина: лошадь и сани уже были в реке, причем лошадь лежала на боку. Пригласив подмогу, городской погрузил извозчика, крестьянина с. Варварино Ивана Старостина, и его пассажира, буфетчика станции Муртизина, в сани, отправил на биржу, где и сдал товарищам.

Лишения «прав» на два месяца стоило извозчику Федору Тарасову удовольствие, «будучи в сильно нетрезвом виде», «скверно-матерно» ругаться на торговой площади

Отчего так мало обращается внимания на экипажи наших извозчиков? Почти ведь у всех у них ломаные пролетки, настолько ломаные, что с трудом можно на них взобраться. Немудрено, что даже при небольших «рейсах», которые приходится совершать от города до вокзала и обратно, постоянно случаются аварии: то ось

лопнет, то колеса слетают. Удивленные пассажиры после таких головоломных пассажей предпочитают добираться до цели по образцу пешего хождения.

Старый Владимирец,
1910, № 175.

Вид на Новоникитскую улицу

Вид на воинские казармы со стороны с. Ильинское

Юрьева, затеять драку со служащим депо и неоднократно обгонять полицейского надзирателя, «безобразно нахлестывая лошадь». Гораздо жестче были наказаны извозчики, чьими жертвами стали видные деятели Земства. Так на год был лишен возможности заниматься любимым делом Василий Никитин, который, возвращаясь в город со станции от ночного поезда, был настолько пьян, что не заметил, как столкнулся с ехавшей на вокзал тройкой г-на Соллогуба. Очнувшись от окрика, извозчик так ударил свою лошадь, что та, рванувшись в сторону, зацепила за сбрую пристяжной. «Какую сбрую», писали в рапорте, извозчик «стянул с лошади и увез в город».

И уж совсем страшная, почти мистическая история произошла с коллегой Соллогуба, дворянином Александром Леонидовичем Павловым-Русиновым, вернее, с маленьким воспитанником дворянина Самаржи, которого Александр Леонидович пообещал отправить к ночному поезду из своего дома. 2 июня 1896 г. в 11-м часу ночи Павлов-Русинов «посадил мальчика с узлом вещей на извозчика, наказав последнему везти его прямо на вокзал». Каково же было его удивление, когда мальчик через несколько минут прибежал с узлом назад, «страшно испуганный, запыхавшийся и грязный». Придя в себя, мальчик рассказал леденящую душу историю. Представьте: ночь, город давно спит. Редко стоящие фонари не могут осветить улицу. И вдруг мальчик видит, что извозчик везет его в противоположную от вокзала сторону. «Сначала мы заедем к дьяку Флорентию», - поясняет тот седоку. Но мальчик-то знает, что дьяк Флорентий давно умер и похоронен на городском кладбище...

Железнодорожная станция, телеграф, телефон, междугородная связь, городской транспорт, электрическое освещение, водопровод, благоустройство тротуаров, новые здания и учебные заведения... Город рос, хорошел и менялся на глазах. И все же, по мнению автора одной из дореволюционных книг, Юрьев-Польский напоминал деревню, не имел будущего, был «городом отшумевшей славы».

Средь древних русских городов
Ты всех заброшенной, забытой.
И нет в тебе больших открытий,
И нет прославленных голов...

Город отшумевшей славы?

Стихотворение, из которого взята эта строфа, мы нашли в одном из домов Юрьева-Польского. Его бережно хранят уже много лет. Автор неизвестен, а жаль, поскольку за каждой строкой чувствуется человек, любящий родной Юрьев, гордящийся им и болеющий за него. Эта боль, чувство обделенности судьбой, незаслуженной обиды сквозят в строках произведений многих из тех, кто когда-либо брался писать о Юрьеве. Мнение, что история Юрьева не отличается яркостью, что город как бы стоял в стороне от нее, читалось между строк в публикациях о Юрьеве-Польском с XIX в., а в трудах Н.Н. Воронина облеклось в следующую форму: «По сравнению с Владимиром и Суздаем, с их многовековой славной историей и многочисленными памятниками история Юрьева проста и немногосложна и не взволнует наше воображение обилием воспоминаний». Так в чем же «забытость» Юрьева? В том, что с именем его действительно связано мало ярких истори-

В течение всего, хотя и короткого, существования Юрьев-Польского удельного княжества из летописи не видно, чтобы князья этого удела зачинали вражду, они не искали с мечом в руках себе высших столов. Тем не менее, г. Юрьев-Польский вблизи себя все-таки видел кровавые сцены междоусобных войн и, конечно, нес последствия их. Таковы две Липицкие битвы 1177, 1216 годов. Первая - происходила между великим князем Всеволодом Юрьевичем и ростовцами с Мстиславом Ростиславичем из Новгорода во гла-

ве, тотчас по смерти князя Михаила Юрьевича. Битва происходила между речками Гзой и Липицей - между селом Даниловским и Куминым на лугу села Кинобола, как это выяснено раскопками графа Уварова. В одном кургане оказалась общая могила с 24-мя остовами, 3 в гробах, с остатками украшений, остальные в куче.

Спутник по древнему Владимиру и городам Владимирской губернии.
Составил Н.Н. Ушаков.
Владимир, 1913.

ческих событий или в том, что жители его поспешили поверить в незначительность родного города, чья история не заслуживает внимания?

На самом же деле Юрьев-Польский не обойден судьбой, как может показаться на первый взгляд. Одного Георгиевского собора достаточно, чтобы имя города навечно было поставлено в один ряд с именами известнейших городов. События же «старинны глубокой» принесли городу печальную «славу». Дважды - в 1177 и 1216 гг. - князья, боровшиеся за власть, избирали поля под Юрьевом местом кровопролитнейших сражений, которые «славны только множеством крови, пролитой на них, а не побуждениями, окрылявшими ратников в сечах».

Самой кровавой была вторая Липицкая битва, в которой сошлись в жестокой сече братья Всеволодовичи. Юрьевский князь Святослав держал в ней сторону владимирского князя Юрия, за несколько лет перед этим (1212 г.) давшего ему в удел Юрьев-Польский. Несмотря на превосходство сил, Ярослав и Юрий Всеволодовичи проиграли сражение. Вот как повествует об этом летописец: «Не 10 бо убито, ни 100, но тысяща тысящами... а мнози истопиша бежачи в реце, а инии ранены зашед изомроша, а живыи побегоша овии к Володимирю, а инии к Переяславу, а инии в Юрьев».

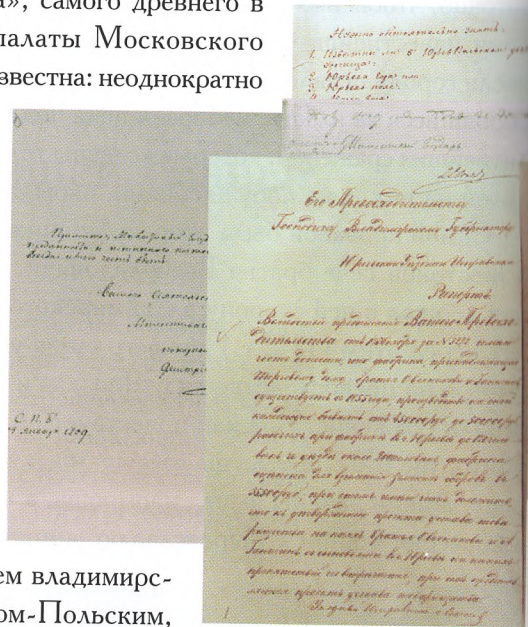

Шишак, найденный в 1808 году на Юрьевской земле.

Возможно, именно таким было Липицкое поле.

Еще и в XIX в. в Юрьев-Польских землях продолжали находить древние воинские доспехи, а в 1853 г. «Владимирские губернские ведомости» рассказали читателям о найденном в с. Клин Юрьев-Польского уезда «витязе». Наибольшую известность Юрьеву принесла находка так называемого «Ярослава шлема», самого древнего в коллекции русских шлемов Оружейной палаты Московского Кремля. История этой находки сейчас общеизвестна: неоднократно писалось и о мудрости простой крестьянки, догадавшейся передать найденные шлем и остатки кольчуги сельскому старосте, и о дальнейшем невероятном путешествии шлема в блистательный Санкт-Петербург, к его сиятельству обер-прокурору Святейшего Синода. Писали и об открытии историка и археолога А.Н. Оленина, установившего, что найденный шлем (шишак) принадлежал знатному воину XII - XIII вв. по имени Федор, которое было «крестильным» именем Ярослава Всеволодовича.

Пытаясь установить, каким образом шлем владимирского князя Ярослава оказался под Юрьевом-Польским, ученый предположил, что шишак был брошен за 592 года до этого на Юрьевской земле самим Ярославом, убежавшим после проигранной им битвы на Липице. Князь вполне мог сбросить доспехи, желая облегчить бег коня, ведь и про его брата Юрия летописец писал, что он прискакал во Владимир «в одной сорочке». Вот только село Лыково, близ которого было найдено «древнее рыцарское одеяние», находилось далеко от места сражения, «в 22 верстах от Юрьева по Владимирской дороге». Неудивительно, что вскоре после отправки шлема в Петербург, в январе 1909 г., из столицы на имя владимирского губернатора И.М. Долгорукова пришло письмо от президента Санкт-Петербургского ученого общества Д. Языкова, уверенного, что «любитель Отечества и всего до него касающегося не поскучает разрешить сомнения испытателя древностей». Губернатор «не поскучал», в заведенное «дело» были помещены подробные «исторические объяснения» советника Владимирской казенной палаты И.Ф. Дмитриевского.

Переписка из дела 1809 г. по письму президента ученого общества Языкова о найденных в земле здешней губернии крестьянскими женами из села Лыково остатков древнего рыцарского одеяния.

Иван Федорович Дмитриевский, по праву считавшийся первым историком г. Владимира, к написанию «объяснений» привлек и юрьевского городского голову, поскольку только в Юрьеве могли дать точные ответы на многочисленные вопросы столичного ученого.

Но, к сожалению, юрьевцы почти ничем не смогли помочь Санкт-Петербургскому ученому обществу: за истекшие столетия многие прежние топонимы и гидронимы исчезли с карты Юрьев-Польского уезда. Владимирский археолог граф А.С. Уваров пытался определить место, на котором проходили Липицкие битвы, но точка в этом вопросе не поставлена до сих пор.

Пищу для размышлений дает нам Тверская летопись. В ней впервые рассказывается о сподвижнике Константина Всеволодовича ростовского, известном нам по былинам богатыре Алеше Поповиче. Оказывается, Попович, только не былинный Алексей, а Александр, принимал в сражении на Липице самое активное участие.

Короткий расцвет Юрьева-Польского, связанный с именем Святослава Всеволодовича, бывшего с 1212 г. удельным юрьевским князем, пришелся на время перед трагическим 1238 г. Слишком мало мы знаем о том, как защищали юрьевцы свой город, как гибли в бою с татарами на реке Сити. Возможно, «эта ужасная дума так горька была для наших

Однажды вышел против него Константин из Ростова и вступил в бой с Юрием на реке Гзе, и здесь Константин победил молитвами Пречистой Богородицы, своей правдою и с богатырями Александром и его слугой Торопом... А у великого князя убили тут храброго Юряту, о чем сильно горевал великий князь Юрий; но, побежденный братом, помирился с ним. А затем на Ярослава Переяславского пришел Мстислав Мстиславич, тесть его, и другие князья, и привлекли они на свою сторону Константина, а на стороне Ярослава, своего брата, выступил великий князь Юрий. И был у них бой на Липицах и на Юрьевой горе, и здесь все полки великого князя Юрия погибли. В числе их был убит храбрый и безрассудный боярин Ратибор, который хвастался, что закидает противников седлами. Победив князя Юрия, посадили на престол во Владимире Константина. Константин был великим князем два года, а затем... скончался. Когда Александр уви-

дел, что его князь умер, а на престол взошел Юрий, он стал бояться за свою жизнь: как бы великий князь не отомстил ему за Юряту, и Ратибора, и многих других из его дружины, которых перебил Александр. Быстро сообразив все это, посылает он своего слугу к богатырям, которых он знал и которые были в то время поблизости, и призывает их к себе в город, устроенный под Гремячим колодезем на реке Гзе, - а теперь это укрепление запустело. Собравшись здесь, богатыри решили, что если они будут служить князьям в разных княжествах, то они поневоле перебьют друг друга, поскольку между князьями на Руси постоянные раздоры и частые сражения. И приняли они решение служить одному великому князю в матери всех городов Киеве.

Д.С. Лихачев.
Летописные известия
об Александре Поповиче.
Труды ОДРА, том 7. 1949 г.

предков, что им некогда было и подумать передать потомству подвиги того времени», но, скорее всего, и «некому было исполнить сего: вражеский меч запечатал уста книгописцев вечным молчанием». Как знать, ни погрузись Русь на столетия в пучину чужеземной зависимости, ни погибни в неравных битвах прекрасные владими́ро-суздальские мастера - создатели «многоцветного и сияющего узорочья», не пришлось бы отыскивать малочисленные упоминания о Юрьеве в летописях лишь в связи с именами получавших город «в кормление» знатных изгнанников и пленников - литовских, астраханских, казанских - или ставленника Лжедмитрия II касимовского царевича Магомета Мурата. Юрьеву была уготована иная судьба, нежели безвестной некогда Москве, или долго соперничавшей с нею гордой Твери, или Нижнему Новгороду и Ярославлю, ставшим экономическими и культурными центрами страны. Ну как тут не подумать с обидой, что Юрьев столетиями стоял на обочине истории!

Однако надо ли связывать значимость города с частотой упоминания в летописях, с именем того или иного, тем более пришлого, правителя? Юрьев вместе с Русью, Россией от самого истока нашей государственности прошел тернистый путь испытаний, разорений и последующего развития и расцвета. Наряду с другими русскими землями город вынес опустошительные набеги татар в 1281 и 1293 («Дюденева рать»), в 1382 (Тохтамыш) и 1408 (Эдигей) годах. Как и другие русичи, в страшных мучениях умирали юрьевцы во время моровых поветрий, в том числе самого сильного - 1352 г. Но каждый раз город возрождался.

И оттуда рассеялись татары по всей земле Владимирской, иные пошли к Юрьеву, и к Переяславлю, и к Дмитрову, ... и все города захватили в Ростовской и Суздальской земле за один февраль

В первые годы XV столетия отдавали город «на кормление» брату знаменитого Ягайлы литовскому князю Свидригайло, ушедшему «под руку великому князю московскому». В XVI веке «вышел из Крыма» в Москву татарский царевич Абдул-Летиф. Но не угодил Ивану Грозному и закончил свои дни в ссылке в Юрьеве-Польском. Другой татарин, астраханский царевич Кайбула, получил город за ратную службу Ивану Грозному «супротив ливонцев». Все эти временные хозяева города заботились лишь о том, чтобы

месяц, и нет места вплоть до Торжка, где бы они не были.

Полное собрание русских летописей, т. 3.

получить побольше доходов с городского населения и окрестных сел. Городок обнищал, и до XVI века о нем почти не упоминают летописи. Только при Иване Грозном он стал подниматься, и в древнем Михайло-Архангельском монастыре, основанном еще в XIII веке, при князе Святославе Всеволодовиче, появляются первые каменные постройки.

Золотое кольцо. Л., 1976.

Нет, Юрьев не стоял в стороне от большой истории. Юрьевцы сражались под знаменами великого князя Дмитрия в битве меж Непрядвой и Доном, ходили с царем Иваном Васильевичем брать Казань и, окрыленные страстным призывом К. Минина и Д. Пожарского, в смутное время освобождали Москву.

В 1905 г., когда страна готовилась отметить 50-летие Крымской войны, «в течение которой русская армия покрыла себя неувядаемой славой», среди нескольких десятков человек - героев «беспримерной в летописях военной истории одиннадцатимесячной обороны Севастополя» - отыскивались по селам и деревням Юрьевского уезда пять здравствовавших на тот момент глубоких стариков. А за год до этого в Юрьевское полицейское управление шли со всех концов уезда заявления девушек и женщин, желавших поступить в число сестер милосердия и быть направленными «на театр военных действий».

Много горя видела Юрьевская земля. В Отечественную войну 1812 г. превратился губернский центр в город беженцев. Тянулись по Юрьевской земле подводы с тысячами раненых.

Братцы, грудью послужите,
Грядьете бодро на врага.
И вселенной докажете,
Сколько Русь нам дорога.

Старинная солдатская песня

Сборник документов и материалов. Владимир, 1963.

Рапорт Юрьевского земского исправника во Владимирский комитет для принятия пожертвований о передаче помещиками уезда опущенного старого оружия

Во исполнение присланного из Владимирского губернского правления указа сим почтеннейшею чести ижеко донести, что предложено по лне в пожертвование для 5-го полка Владимирского опущенного старого оружия, статским советником и казначеем Дмитрием Александровичем Торопушиным оружия, как-то: 2 цурильные пушки без лафетов, севское ружье однопульное ветхое, 6 тесаков без ножен, 4 пика с ратевщиками, 3 без оных, вырваши медный, также и статский советник Сушин - 4 пистоля ветхые и ружье ветхое. Все показанное оружие сдано лично вышеписанного полка 1-му полковнику и казначею Черепанову, денег же и турки рожавей никто не пожертвовал.

*Исправник Афанасий Касалов
1812 г. сентября 4. Владимирское народное опущение
в Отечественной войне 1812 г.*

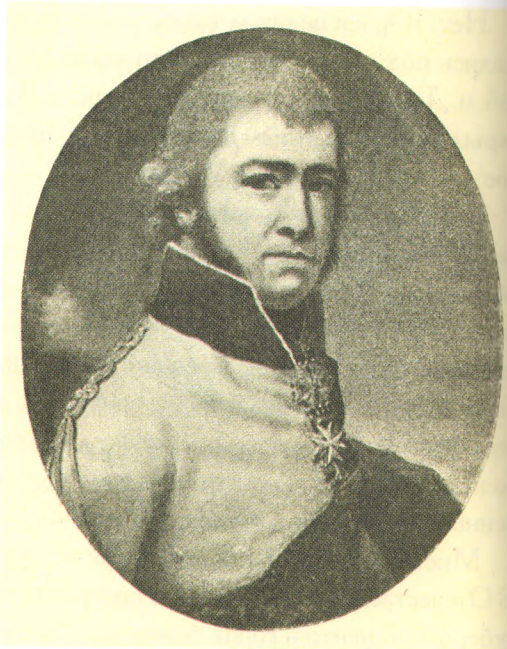
По решению общего собрания дворянского сословия губернии от 24 июля 1812 г. предстояло Юрьевскому уезду снарядить 1528 ополченцев, что превышало, и порой значительно, число ополченцев, выставляемых другими уездами губернии. Так что пятый полк Владимирского ополчения (2514 человек) можно с полным основанием считать юрьевским.

К 20 августа ополчение было сформировано, ему предстояло заслонить Москву, закрыть для наполеоновской армии все дороги в не разоренные врагом области России.

На должность командующего Владимирским ополчением Александр I утвердил генерал-лейтенанта князя Голицына, представителя дворянства Юрьевского уезда.

Князь Б.А. Голицын в 1806 - 1808 гг. командовал владимирской милицией и, следовательно, имел необходимый опыт. А проблем накопилось немало, и уже в октябре 1812 г. князь Голицын был вынужден писать предводителю дворянства М.П. Волконскому, что ополченцы «так худо одеты, что владимирскому дворянству стыдно будет, если из ополчения их губернии в такой одежде станут выступать в караул в столице». В отличие от помещиков, юрьевские купцы проявили в этом вопросе истинный патриотизм. Жаль, что мы не можем назвать здесь их поименно: архивные дела тех дней ветхи и недоступны для изучения. Однако мы знаем, что в 1816 г. Юрьевской Городской думой было заведено многостраничное «Дело о предоставлении губернатору списков купцов, жертвовавших и служивших в военное время».

17 октября 1812 г. командующий Владимирским ополчением получил приказ М.И. Кутузова вступить в Москву и «заняться управлением до прибытия воинских и гражданских властей». Задача была выполнена блестяще, и в феврале 1813 г. Б.А. Голицын получил из «главной квартиры» русских войск в Пруссии письмо за подписью Александра I, в котором император изъявлял князю «особое благоволение

Князь
Б.А. Голицын,
командовавший
в 1812 - 1813 гг.
Владимирским
ополчением.

и признательность». Полагая, что его успех является одновременно и успехом подчиненных командиров - дворян Владимирской губернии, князь счел необходимым выслать копию императорского рескрипта владимирскому губернатору А.Н. Супоневу (1812 - 1817 гг.), который еще в 1798 - 1799 гг. начинал свою службу ротмистром Конной гвардии, под командованием славного представителя дворянства Юрьевского уезда князя Б.А. Голицына.

Говоря о Владимирском ополчении, нельзя не упомянуть представителей славных дворянских родов Юрьевского уезда. Например, братьев Красенских, Дмитрия Ивановича (около 1761 - после 1853 гг.), батальонного командира 5-го полка, и Михаила Ивановича (1763 - не позднее 1834 гг.), ротного командира 5-го полка, профессиональных военных, юрьевских уездных предводителей дворянства. Или Евлампия Никаноровича Богданова (1778 - 1831 гг.), батальонного командира 5-го полка. У братьев Богдановых, Евлампия, Петра, Александра (1791 или 1792 - 1869 гг.) и Сергея (1791 - 1868 гг.), удивительная судьба. За их плечами была служба на Балтийском, Средиземноморском и Каспийском морях и даже в английском флоте (Петр Никанорович), за плечами Сергея Никаноровича участие в русско-шведской войне, где за проявленную храбрость он был удостоен наград. И если полагают, что сыновья владимирского губернатора Лазарева могли задумать-

Дело
«По отношению
князя Голицына
о изъявлении Ему
высочайшего
благоволения».
ГАВО, ф. 14,
оп. 1, л. 1484.

*Его Превосходительству Владимирскому гражданскому губернатору Супоневу
Милостивый Государь мой, Андрей Сильвестрович!*

5-го числа сего месяца имел я счастье получить Высочайшего Императорского Величества рескрипт с изъявлением Высочайшего благоволения за доведение Владимирского ополчения до такого порядка, что во время двух месяцев пребывания оного в числе 14 т. воинов в Московской столице и ее окрестностях не было на них ни единой жалобы. Относя такую к ревностной службе Т. Т. Голицына, батальонного и сегодневного начальника вверенного мне ополчения, а нижним почтительно препроводить к Вашему Превосходительству с рескрипта сего копию, почтеннейше. Зао пресе сообщит такую же и Т. Т. Губернскому Предводителю.

*С истинным моим почтением и преданностью имею честь быть,
Милостивый Государь Вашего Превосходительства Сверхдвойной
двук Князь Борис Голицын
Москва, 12 февраля 1813 г.*

ся о морской карьере, глядя с высоких владимирских холмов на большой разлив Клязьмы, то что заставило мечтать о море их современников, сыновей юрьевского помещика Богданова? Наверное, весенние разливы скромных рек и бескрайние дали юрьевского Ополья.

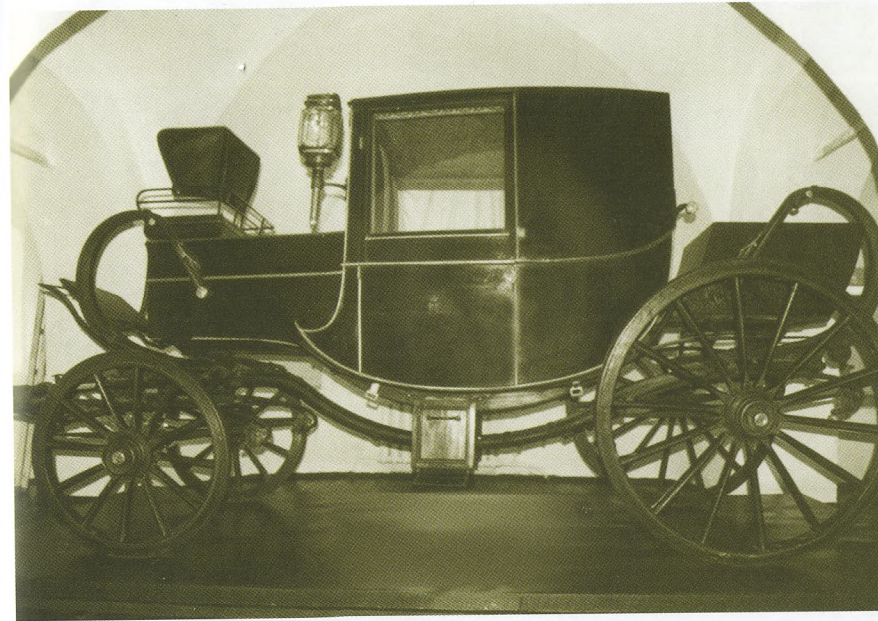
В соборной церкви Михайло-Архангельского монастыря хранилась святыня Владимирского ополчения - изящно украшенный полковой образ. Эта икона находилась в юрьевском полку в нелегком его пути по дорогам Отечественной войны и в мае 1814 г. по возвращении героев была «приложена» в монастырь «по усердию начальников того полка, господ штабс- и обер-офицеров и иных чинов» и поставлена в иконостасе собора. При образе была сделана надпись: «Благословением коего напутствовал сего монастыря настоятель архимандрит Николай 5-й полк Владимирского ополчения, идущего против злобного России врага Наполеона и с ним двадцать язык, августа 30 дня 1812 г.». Свидетелем тех героических дней является бережно хранимая в музее Юрьева-Польского карета, известная как карета Багратиона.

Фотография, выполненная 26 октября 1910 года. В первом ряду сидят (справа налево): А. Голицын, его дочь и жена. В третьем ряду первый слева - сын. Фото передано музею А.Ф. Бушуевой, жительницей с. Сима.

Петра Ивановича Багратиона (1765-1812 гг.) судьба навечно связала с Юрьевской землей, со старинным красивым селом Сима. В 1708 г. император Петр I пожаловал с. Сима генерал-фельдмаршалу князю М.М. Голицыну за победу над генералом Левенгауптом под Лесным в присутствии самого Государя. Владевший Симой в начале XIX в. потомок генерал-фельдмаршала, уже знакомый читателю князь Борис Андреевич Голицын был женат на грузинской княжне, благодаря чему приходился П.И. Багратиону дядей. В имении Голицыных по-родственному и гостил Петр Иванович летом 1811 г. Именно сюда, в Симу, пришло извещение из Петербурга о назначении его главнокомандующим 2-й Западной армией.

Рассказывают, что именно в этой карете 7 сентября 1812 г. тяжело раненного в деле при Бородине Петра Ивановича доставили из Москвы в Симу: кто-то, увидев в грубой солдатской повозке истекавшего кровью героя, предоставил ему свой экипаж с мягким ходом. Из поколения в поколение жила на Юрьевской земле прекрасная легенда: чтобы уменьшить тряску экипажа и облегчить страдания Багратиона, крестьяне из придорожных сел устилали соломой дорогу по пути следования кареты.

Карета из имения князей Голицыных в селе Сима. XIX в.

Дом Голицыных в селе Сима

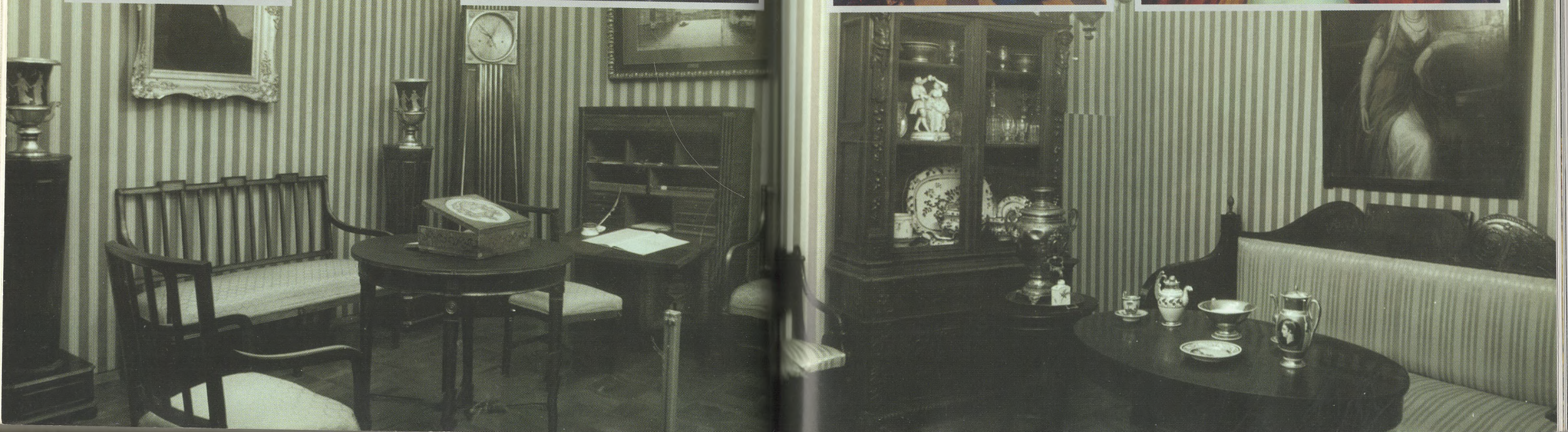
Портрет Бориса Андреевича Голицына. Неизв. художник. Х., м. XIX в.

Портрет Татьяны Борисовны Голицыной. Неизв. художник. Х., м. XIX в.

Портрет Анны Александровны Голицыной. Копия с портрета Виже-Лебрэн. Х., м. XIX в.

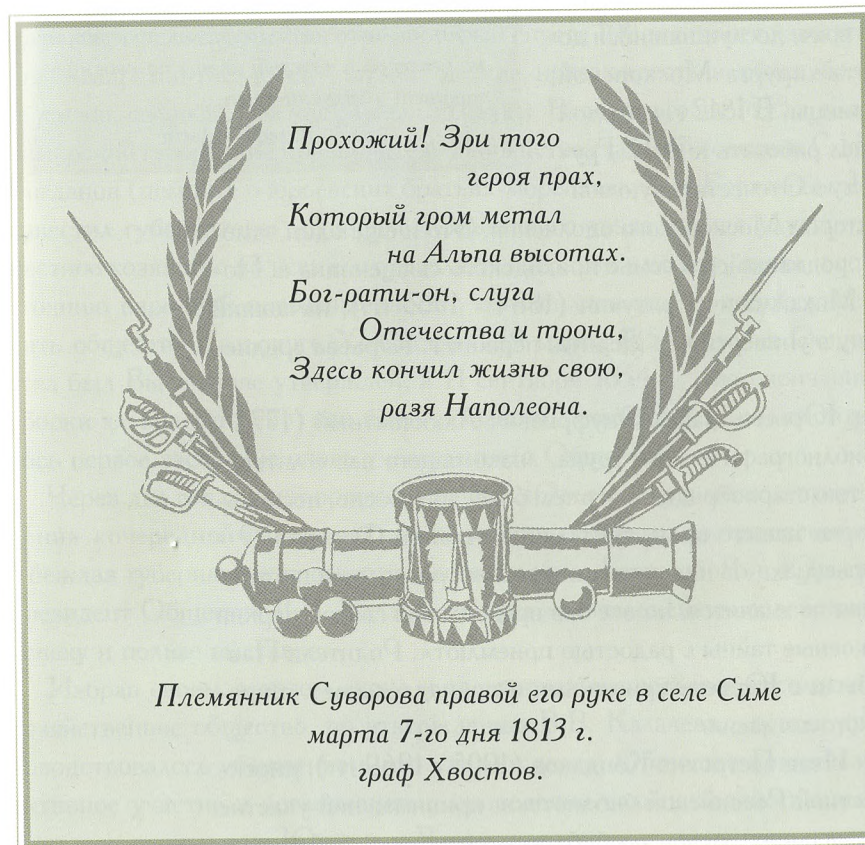
Портрет Михаила Михайловича Голицына. Неизв. художник. Х., м. XIX в.

Петр Иванович Багратион.
Неизвестный художник. Х., м. XIX в.

П.И. Багратион вскоре скончался от ран, и 17 сентября Юрьевская земля прощалась с ним. Погребли его здесь же, у симской Богоявленской церкви. Сохранилась надгробная медная доска с могилы князя:

Летом 1839 г. прах П.И. Багратиона, по инициативе героя войны 1812 г. Д.В. Давыдова, был перезахоронен на Бородинском поле.

Торжественное перенесение праха князя П.И. Багратиона на Бородинское поле из с. Сима.

Народ просил позволения тащить колесницу - нельзя было отказать столь пламенному усердию. Шествие началось обыкновенным порядком - духовенство впереди, за ним траурная колесница, сзади Киевский гусарский полк, трубачи играли похоронный марш, необозримое простран-

ство было усеяно зрителями... Несмотря на знойное солнце, множество народа сопровождало колесницу во весь переход до Юрьева на расстоянии 20 верст. Таким образом лишилось село Сима драгоценного своего залога, но зато должна почесть на Бородинском поле ожидает славный прах героя.

Владимирские епархиальные ведомости, 1839, № 28.

Юрьев-Польской земле есть кем гордиться. Это и уроженец с. Иваново Федор Герасимович Ушаков (1792 - ?), выходец из дворовых людей князей Голицыных, талантливый врач, дослужившийся до поста консультанта-хирурга Московской Голицынской больницы. В 1812 г. молодой Ф.Г. Ушаков пошел работать к И.Е. Грузинову, служившему в Отечественную войну корпусным доктором Московского ополчения. Это и еще один замечательный хирург, родившийся в семье приходского священника с. Подолец, Владимир Михайлович Святухин (1884 - 1963 гг.), начавший осваивать медицину в университете Дерпта, первого г. Юрьева средневековой Руси.

Это и уроженец Юрьева Павел Онуфриевич Любопытный (1772 - 1848 гг.), автор библиографического труда, знакомящего нас с литературной деятельностью старообрядцев, это тем более интересно, поскольку известный историк нашего края, суздальнин Ананий Федоров (? - 1761 г.) писал о юрьевцах: «В них явных никаких расколов и противников святой церкви не значится, но все без прекословия святой церкви повинуются и церковные тайны с радостью приемлют». Родители Павла Онуфриевича были в Юрьеве приезжими и принадлежали к старообрядцам поморского согласия.

Это и симчанин Иван Петрович Кондаков (1905 - 1969 гг.), директор всемирно известной Российской библиотеки, принимавший участие в разработках капитальных трудов по библиотековедению, библиографии, истории книг; автор более 300 научных работ.

Нельзя не сказать и о роде Калачевых, помещиков с. Вески Юрьевского уезда. Братьев Калачевых было четверо, и каждым из них можно гордиться. Мы же хотим чуть подробнее рассказать о Владимире Васильевиче Калачеве.

Тщательно готовясь к походу по владимирским проселкам, Владимир Солоухин отыскал в Ленинской библиотеке изданную в 1853 г. книжечку «Сельцо Вески, Владимира Васильевича Калачева», о которой с легкой иронией и написал в своей книге. Конечно, в то время архивные документы и дореволюционные газеты не были доступны широкому кру-

Рукописи обладают магической силой, способностью вызывать в настоящее давно исчезнувшие образы людей; мимо этих листков проходишь, как по картинной галерее, и каждый из них по-своему трогает и захватывает.

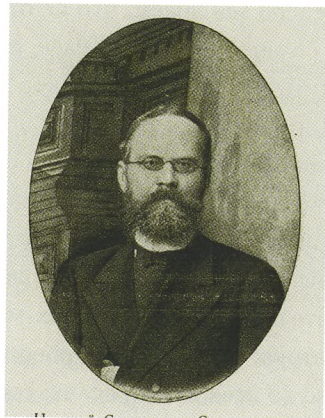
Стефан Цвейг

гу читателей, и теперь мы знаем, что не от нечего делать В.В. Калачев описывал родное сельцо и его обитателей, рассказывал не только об урожае различных культур, размере оброков и податей, площадях, отданных под сенокос, о своем намерении попробовать на будущий год сажать картофель новым способом, который спустя 100 лет станет известен как «квадратно-гнездовой», но и об одежде, нравах крестьян, об их образе жизни, способах лечения разных болезней. В июле того же 1853 г. владимирский губернский предводитель дворянства статский советник С.Н. Богданов (помните о юрьевских братьях-мореплавателях Богдановых?) известил губернатора: «Дворяне Юрьевского уезда, желая улучшить местное хозяйство во всех его отраслях, сообразно климату, почве и состоянию народной промышленности, согласились между собою учредить общество Сельского Хозяйства». 19 марта 1854 г. устав Общества был Высочайше утвержден, а 11 сентября 1854 г., «по окончании уборки хлебов с полей», как было сказано в Уставе, в Юрьеве состоялось первое заседание вновь учрежденного Общества.

Через два года тихий провинциальный Юрьев станет местом проведения «очередной владимирской выставки сельских произведений». Убеждая губернатора перенести выставку из с. Боголюбово в Юрьев, президент Общества В.В. Калачев обещал «деятельнейшее содействие успеху и пользе выставки».

Избрав своим девизом «труд и соревнование», юрьевское сельскохозяйственное общество, по утверждению В.В. Калачева, «всегда руководствовалось убеждением, что «дело в деле». Общество принимало активное участие в организации и проведении сельскохозяйственных выставок не только в Юрьеве и Владимире, лишь на одну парижскую выставку было отправлено более 100 предметов, а некоторые члены Общества и «хозяева губернии за высланные произведения через Юрьевское Общество получили награды». В активе Общества организация специального депо семян и земледельческих орудий, действовавшее сначала во Владимире, а затем на протяжении многих лет в Юрьеве при Земской управе; регулярные съезды «в одном из лучших имений губернии, выдающихся своим хорошим устройством», в частности в имениях самого президента в с. Вески, Н.Н. Крузенштерна в с. Завалино Покровского уезда, вице-президента Общества Н.П. Цвилинева в с. Ратислово Юрьевского уезда; открытие в Юрьеве-Польском в 1869 г.

при уездном казначействе первой в губернии сберегательной кассы, «чтобы люди не богатые помещали сбережения трудов своих верно и выгодно», и многое другое.

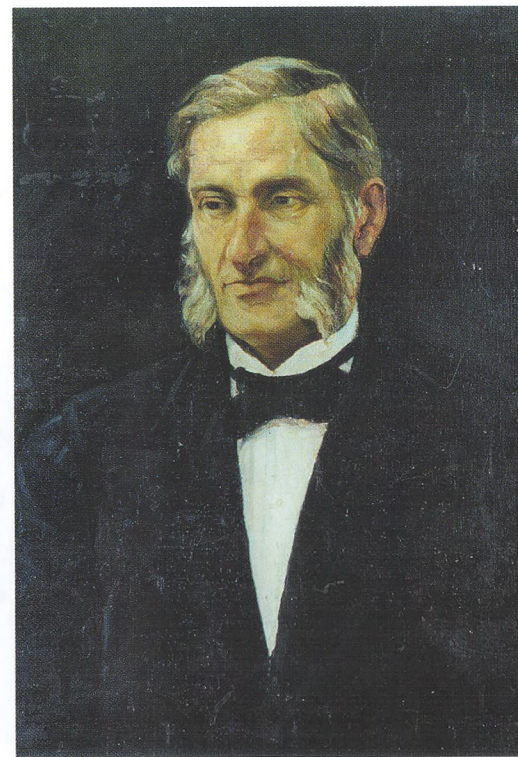
Н.С. Стромиллов

Особых успехов добилось Общество в улучшении пород крупного рогатого скота. В 1880-е годы холмогорская порода в имениях Калачева, Крузенштерна, Цвиллинева, Куруты, Рахмановой, кн. Голицына и других приобрела известность далеко за пределами губернии. Пользовался широкой популярностью и организованный Калачевым в Весках Механический завод земледельческих машин и орудий. «Весковские мастера открыли новую отрасль кустарной промышленности в губернии», - писал В.В. Калачев. Это очень важно, поскольку «сидячая жизнь на фабриках и разгул в праздничные дни с ресторациями преждевременно расстраивают здоровье рабочих». Общество призывало землевладельцев «распространять в своих имениях между крестьянами такие промыслы, которые, не отвлекая крестьян от их семейств в зимнее время, давали бы им хорошие заработки». В 1860-е годы более 20 священников губернии откликнулись на призыв Общества открыть «в их домах школы для безвозмездного обучения крестьянских детей». Школы эти существовали до передачи их земству, Общество же снабжало их букварями и учебниками.

Как не сказать и о секретаре Общества Николае Семеновиче Стромиллове (1842 - 1895 г.), состоявшем в этой должности до 1878 г.! Сначала по обязанности секретаря, стал Н.С. Стромиллов помещать в «Земледельческой газете» отчеты о заседаниях Общества, затем стал печататься в других изданиях. Писал не только на сельскохозяйственную тему, к 1878 г. проявилась в нем страсть к историко-археологическим исследованиям...

Неудивительно, что деятельность Общества и лично В.В. Калачева была высоко оценена: «По всеподданнейшем докладе» министра государственных имуществ 4 сентября 1882 г. Государю Императору «благодарно было Всемилостивейше пожаловать В. Калачеву чин Тайного

Советника». В ноябре 1882 г. в парадном зале Юрьевского земского собрания в торжественной обстановке Владимир Васильевич принимал поздравления по случаю 25-летия своей деятельности как президента Общества. Пожалуй, самым дорогим для него было поздравление брата - сенатора и известного историка, археографа, архивиста, академика Петербургской Академии наук Николая Васильевича Калачева (1819 - 1885 г.).

Портрет
Николая
Васильевича
Калачева.
Неизв. художник.
Х., м.
Конец XIX века.

По окончании учебы в университете в 1840 г., по рекомендации М.П. Погодина, Николай Васильевич был определен на службу в Департамент народного просвещения, который откомандировал его в Археографическую комиссию. Занятия в ней и возбудили в В.В. Калачеве интерес к отысканию древних материалов для отечественной истории и права. В 1846 г. он - библиотекарь в Московском Главном архиве Министерства иностранных дел, с 1848 г. - профессор кафедры истории русского законодательства Московского университета, с февраля 1859 г. - член юридического отделения Комиссии по составлению Положения об освобождении крестьян.

В 1865 г. Н.В. Калачев стал директором московского архива Министерства юстиции и с этого времени всецело посвятил себя организации архивного дела в России. В 1878 г. по его инициативе на частные средства («смелый, еще небывалый в России подвиг») был открыт Археологический институт, в котором окончившие университет молодые люди дополняли свое образование «изучением отечествен-

ных древностей и палеографии... чтобы впоследствии занимать места начальников архивов в разных местностях России». Будучи избранным в 1881 г. в академики, Н.В. Калачев возбудил в Академии наук вопрос об учреждении губернских архивов и архивных комиссий.

Думается, что не случайно на древней Юрьевской земле рождались будущие историки и краеведы. Из села Шегодское Юрьевского уезда происходил Василий Гаврилович Добронравов (1861 - 1919 гг.), с чьим именем связан

Портрет
В.Г. Добронравова
работы
Н.Н. Николаева.
Карандаш.

период расцвета владимирского краеведения. Он был одним из тех, кто стоял у истоков Владимирской ученой архивной комиссии (ВУАК) и с момента ее образования (1898 г.) был активнейшим ее членом. Председатель редакционной комиссии, выпустившей своеобразную энциклопедию Владимирского края - 18 томов «Трудов» ВУАК; член-сотрудник Императорского археологического института; на протяжении многих лет (1907 - 1918 гг.) бессменный руководитель музея ВУАК; преподаватель философии, психологии и логики в учебных заведениях губернского центра; автор оригинальных исторических исследований и раз-

Владимирский краевед М.В. Косаткин вспоминал о В.Г. Добронравове: «Несмотря на свой внешне строгий, профессорский облик, Василий Гаврилович в возрасте 45 лет, выше среднего роста, жгучий брюнет с небольшой раздвоенной бородкой, с зачесанными назад волосами до плеч, крупными чертами лица, басистый голос и партикулярный черный сюртук, держал себя всегда очень просто,

иногда даже шутливо, с приятной улыбкой, и мы с достойным почтением относились к нему и к преподаваемым им предметам».

М.П. Попова.
Краевед В.Г. Добронравов
и его портрет работы художника
Н.Н. Николаева. Владимир, 1999.

нообразных научных работ, многочисленных публикаций во «Владимирских епархиальных ведомостях», журнале «Народное образование» - это далеко не полный перечень сферы интересов талантливого ученого и организатора. Его трудом «Историко-статистическое описание церквей и приходов Владимирской епархии» мы пользовались при написании одной из глав этой книги.

А как не вспомнить добрым словом священнослужителей - протоиерея Георгиевского собора А.Е. Знаменского, священника Петропавловского монастыря Д.Ф. Сахарова, посвятивших свои труды истории Юрьева и отдельных его достопамятностей; а также священников Воскресенской церкви Алексея Алексеевича Беляева, Константина Твердислова, которые из года в год публиковали во «Владимирских епархиальных ведомостях» статьи об истории и современном состоянии церквей и монастырей и стали летописцами Юрьева!

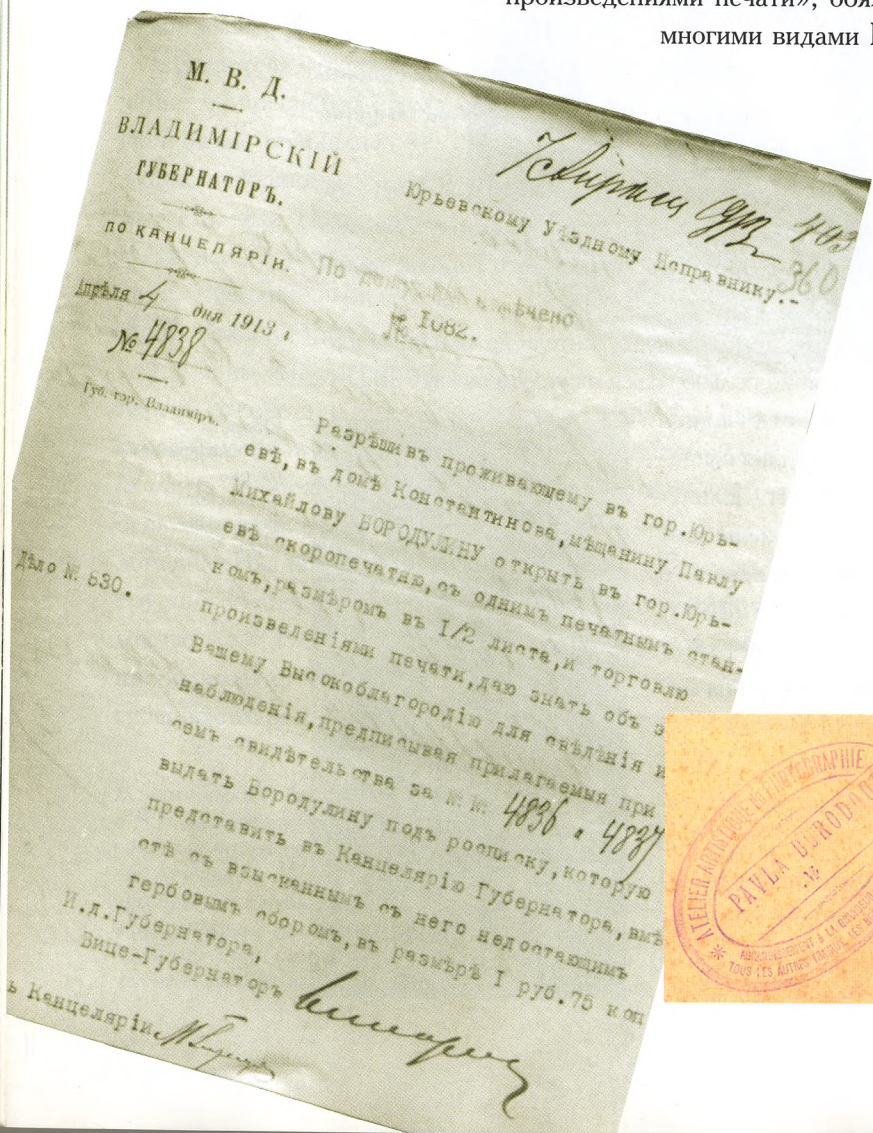
А фотографии? Их, десятилетиями фотографировавших Юрьев, запечатлевших поколения юрьевцев, мы по праву можем считать краеведами. Они создали уникальную фотолетопись любимого города, целую галерею фотопортретов юрьевцев.

С фотографами Юрьеву-Польскому повезло, жители далеко не каждого уездного города могли постоянно пользоваться их услугами аж с 1877 г., при этом фотографы Юрьева отличались преданностью своему делу. Фамилия владелицы фотоателье с 1877 по 1899 гг., Елизаветы Александровны Авдулиной, жены дворянина, делопроизводителя Юрьевского уездного воинского начальника, а с 1889 г. отставного капитана, мало что скажет юрьевцам. А вот фамилия другого владельца фотоателье (с 1877 по 1900 гг.) Николая Петровича Бурдаева хорошо запомнилась. Многие юрьевцы еще помнят фотографию Бурдаевых на углу Большой и Воскресенской улиц. Скорее всего, в памяти горожан сохранился сын Николая Петровича, возобновивший около 1909 г. дело отца и проработавший вплоть до 1950-х годов.

Оборот
фотографического
бланка
юрьевского
фотографа
Н.П. Бурдаева.

Неизвестно, делал ли Н.П. Бурдаев снимки для открыток с видами Юрьева, издававшихся типографией Антиповой (авторство фотографий не указано), и мог ли он выпускать виды Юрьева также фототипическим способом. Открытки без указания автора и издателя тоже представлены в этой книге. Зато известен автор самой большой серии юрьевских видов - Павел Михайлович Бородулин, который проработал в Юрьеве с 1898 по 1910-е годы. Именно Павлу Михайловичу, получившему весной 1913 г. разрешение «открыть в г. Юрьеве скоропечатню с одним печатным станком и торговлю произведениями печати», обязаны мы многими видами Юрьева.

Разрешение П.М. Бородулину на открытие скоропечатни в Юрьеве

Об учителе, художнике Н.Н. Николаеве, воспевшем Юрьевскую землю в красках, уже говорилось выше. Работая в Юрьеве, в 1894-1897 годах он содержал фотоателье. Его фотоработы, посвященные Юрьеву, помещены в этой книге. Интересно и то, что в 1902 г. Н.Н. Николаев мастерски выполнил карандашный портрет В.Г. Добронравова.

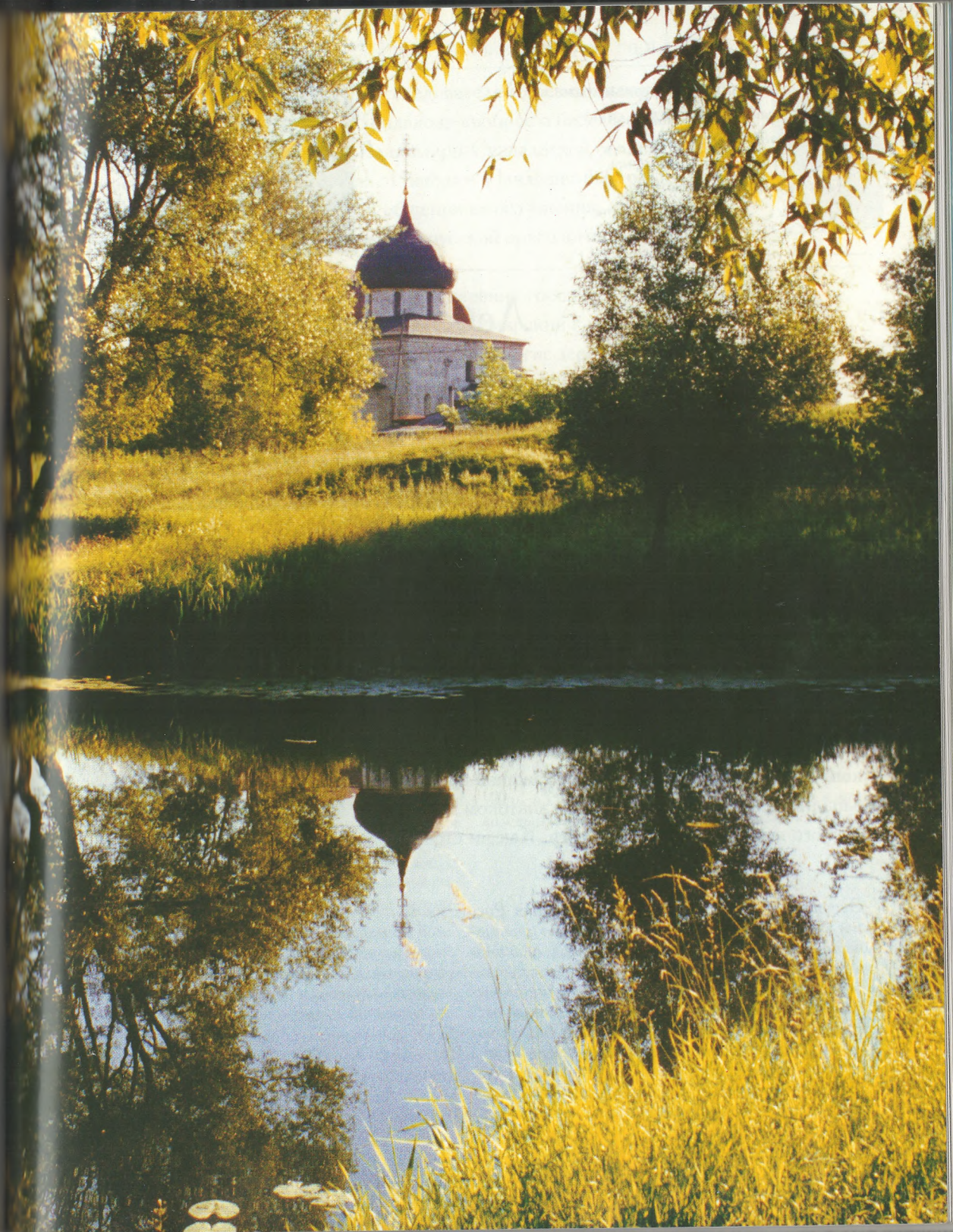
Древний Юрьев дал губернии еще одного фотографа, десятилетиями (1862 - 1902 гг.) снимавшего жителей с. Орехово, гг. Владимира, Иваново-Вознесенска, Шуи и архитектурные памятники Владимира. Это юрьевский 2-й гильдии купеческий сын Василий Гаврилович Кокушкин (сам фотограф предпочитал писать свою фамилию иначе - Кукушкин). Во Владимиро-Суздальском историко-архитектурном музее-заповеднике хранятся выполненные им фотографии памятников архитектуры с очень интересным сопроводительным текстом.

Здание Присутственных мест. Фотография Н.Н. Николаева, 1894 - 1897 гг.

Каждому, любящему свою малую родину, хочется осознавать себя земляком того или иного известного человека. Но так ли обязательно, чтобы твои предки были именно великими людьми? Разве не достаточно знать, что сотни, тысячи твоих земляков были людьми порядочными и изо дня в день просто хорошо делали свое дело, любили свой город, старались его облагородить, а еще с честью и достоинством переносили невзгоды, выпавшие на долю их страны, края, города, их собственную?

На страницах этой книги мы еще вспомним многие имена, пусть и не принесшие городу громкой славы, но достойные того, чтобы их помнили. А сейчас вернемся к тому, что принесло Юрьеву славу «русского Шартра», что специалисты безоговорочно называют «последней жемчужиной» домонгольской Руси, «*лебединой песней*» владими́ро-суздальской архитектуры, - Георгиевскому собору.

Столетия дремлют в древнем храме,
 Полдневный сумрак пуст и строг.
 Обремененные грехами,
 Ступаем на гремящий камень,
 На стертый временем порог.

И. Снегова

Лебединая песня

В конце 1880-х - начале 1890-х годов в Юрьев-Польский зачастили столичные гости. Их внимание привлекал Георгиевский собор, приземистый и как будто неказистый. Юрьевцы мало что знали о нем, поэтому внезапный интерес к собору удивил, надо полагать, многих.

Протоиерей А.Е. Знаменский (1861-1930 гг.) по долгу службы сопровождал приезжих. Особенно сильное впечатление произвели на него беседы с известным археологом Н.П. Кондаковым (1844-1925 гг.), осматривавшим собор в 1897 г. Никодим Павлович тщательно изучал архитектуру и особенно настенные узоры собора и мог часами рассказывать о значении каждого сюжета, каждого изображения, о схожести юрьевских «прилеп» с теми, что видел он в своих многочисленных экспедициях на Восток, прежде всего в Сирию, и на Кавказ. Н.П. Кондаков занимал «исключительное положение среди не только наших, но и западных ученых», был глубоким знатоком памятников западного, восточного и византийского искусств. Как ни странно это звучит для нас,

Остается вопросом: откуда Суздальская Русь могла почерпнуть средства для таковой культурной формы, где брала она свои образцы, шаблоны и рисунки, кто были мастера и учителя суздальских школ, очевидно, разнообразных и многочисленных в домонгольский период?.. Впредь до раскрытия самых памятников и до точной постановки истории можно уже ныне, хотя в общих чертах, установить, что родство наших художественных типов и рисунков с ломбардским зависит от сходства византийских и арабских вли-

яний: в Италии из Сицилии, в Суздале из великой Болгарии и южного Поволжья. Не одни каменотесы, но и резчики должны были приходиться из Болгарии, и арабская торговля заключалась в обмене нашего сырья на предметы восточной художественной промышленности.

Русские древности
 в памятниках искусства.
 Изд. графом И. Толстым
 и Н. Кондаковым.
 СПб., 1899.

знакомых с трудами позднейших исследователей древних памятников архитектуры нашего края, но до Кондакова «вопрос о барельефных украшениях домонгольских храмов Владимиро-Суздальской области считался невозможным для решения». Никодим Павлович был одним из первых, кто горячо восстал против общепринятого мнения, что эти памятники почти «не имеют значения для русской археологии как произведения чужих, немецких мастеров».

Много повидавший, изъездивший все древние города Северо-Восточной Руси, Н.П. Кондаков сравнивал Владимирский край с Ломбардией, поскольку в нем «каждый глухой городок, многие деревушки имеют драгоценные древности, еще живут художественной жизнью». Среди владимиросуздальских церквей по оригинальности скульптур историк искусства уверенно ставил юрьевский собор на первое место. Позднейшие пристройки, которые, на неискушенный взгляд, возможно, даже были изящнее собора, раздражали профессора. Каждый раз, приближаясь к собору, Никодим Павлович невольно замедлял шаг, а его взгляд, в отличие от взгляда непосвященных, казалось, тисился проникнуть сквозь время, увидеть и прочитать по рисункам былое. Тогда-то в разговоре с настоятелем

Больше всего он похож на приземистый крепкий гриб-боровичок, с нахлбученной, чрезмерно большой и круглой шляпкой-куолом, которая совсем придавила толстый корень - низкие стены. Собор откровенно некрасив. И все же он покоряюще уютный и милый. А он и впрямь драгоценность, запрятавшаяся посреди заурядных городских по-

Собор стоит на берегу реки Колокши, окруженный со всех сторон невзрачными городскими домиками и затерянный среди церковных пристроек позднейшего времени. Особенно его загромождают приделанная к западной стене в конце XVII столетия огромная колокольня в 4 яруса и 70 аршин высоты. В начале прошлого столетия теплый придел собора, находящийся на северной стороне храма и построенный еще Святославом

Вид на Георгиевский собор с северо-западной стороны. На переднем плане теплые Троицкий собор.

строек. Не издали надо на него глядеть, а подходить вплотную, долго рассматривать в упор каждый серый камень, покрытый лишайниками и пылью веков.

С. Голицын.
 Сказания о белых камнях.
 М., 1980.

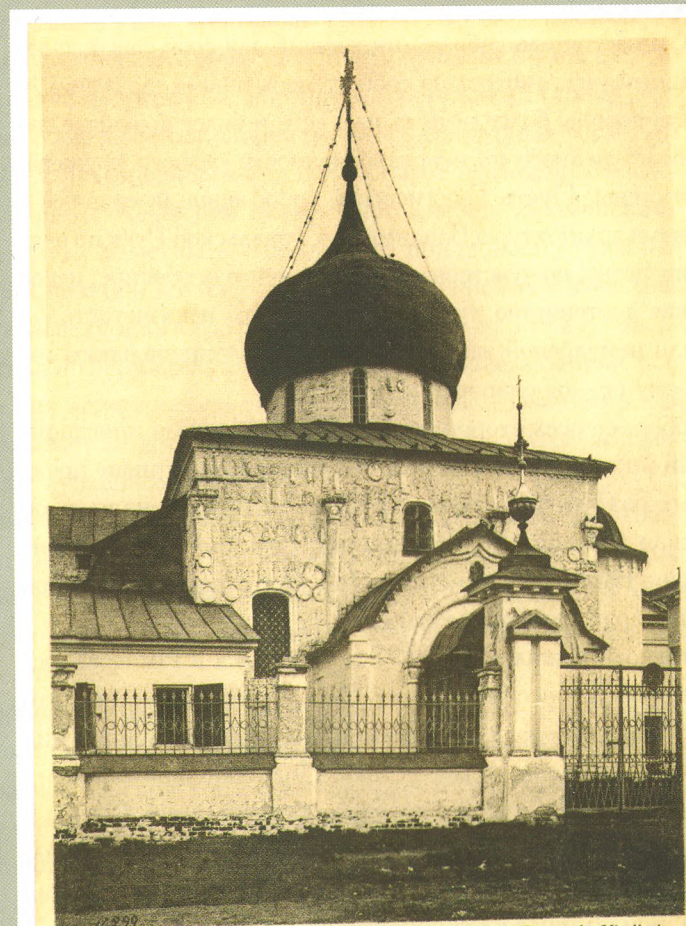
III-м, расширен, и в нем устроен другой престол в честь Воздвижения Креста. Таким образом, внешняя форма этого замечательного памятника церковного зодчества XIII века сохранилась только в двух оставшихся нетронутыми его стенах - восточной и южной...

Спутник по древнему Владимиру и городам Владимирской губернии.
 Сост. Н.Н. Ушаков. Владимир, 1913.

Юрьевъ-Польскій
Старый Георгіевскій Соборъ.

Старый Георгиевский собор

Юрьевъ Польскій

Juriev. Gouv. de Vladimir.

Георгіевскій соборъ.

Построенъ въ 1234 г. Кн. Святославомъ Всеволодовичемъ.
Русско-романскій стиль.

Cathédrale de S-t George. Bâtie par Duc Sviatoslav en 1234.
Романо-сирійскій стиль. Глава нач. XVIII в.

Георгиевский собор. Построен в 1234 г.
кн. Святославом Всеволодовичем.

ученый впервые и сказал, что древний Георгиевский собор вообще достоин стоять под стеклянным колпаком, настолько он ценен, настолько удивителен и замечателен.

Ученый уехал, а настоятель собора, открывший для себя совершенно новый, увлекательный мир, смотрел на собор теперь иными глазами. Он понял главное: есть соборы более эффектные, есть и более красивые, но не было собора более ценного по непревзойденности резного кружева, заполнившего его стены. Пусть Георгиевский собор вряд ли сравним с другими памятниками архитектуры Владимиро-Суздальской Руси по изяществу или совершенству, но чувствовалось в нем нечто особенное, некое не лезущее напоказ достоинство, несмотря на всю его неказистость, а затерянность среди немудреной застройки глухого провинциального городка придавала ему редкое очарование.

Маленький собор, со всех сторон теснимый громоздкими пристройками, искаженный многочисленными исправлениями, был отныне предметом постоянных раздумий настоятеля. И собор спасать надо, и об интересах прихожан забывать нельзя: зимний Троице-Крестовоздвиженский храм давно стал тесен, а в старом соборе с середины сентября до середины июня царят сырость и холод...

Наконец протоиерей решился и в 1897 г. обратился в Императорскую Археологическую Комиссию в Санкт-Петербурге, напоминая, что «уже давно ждет своей очереди приведения... в первоначальный вид сей древний памятник церковного зодчества». Подробно описав «переделки новейшего времени» (чувствуется, что обстоятельные беседы с Н.П. Кондаковым не прошли даром!), протоиерей Знаменский указал, какие пристройки «из числа позднейших» неуместны: «1) ризничная каменная палатка, приделанная к южной стороне собора в 1827 году; 2) в юго-западном углу собора деревянный ход на колокольню, пристроенную к западной стороне собора в конце 18 столетия, и 3) теплый Троице-Крестовоздвиженский собор, пристроенный к другому собору с северной стороны в 1809 и 1817 годах».

Это обращение А.Е. Знаменского в столичную Комиссию и стало поворотным моментом в его судьбе. Делом всей его жизни, предметом постоянных забот и титанических усилий было теперь задуманное им обновление Георгиевского собора и строительство нового теплого соборного юрьевского храма.

Предложения протоиерея из провинциального городка нашли самую горячую поддержку у директора Института гражданских инженеров Императора Николая I Н.В. Султанова (1850-1908 гг.), к которому обратилась Археологическая Комиссия. В заключении он писал, что после «отнятия ненужных поздних пристроек» Георгиевский собор «будет представлять собою любопытнейший музей архитектурных форм XIII века и вместе с тем драгоценный материал для археологических исследований», и предлагал Комиссии оказать протоиерею Знаменскому «полное содействие». Заметим в скобках, что поддержка, оказанная Н.В. Султановым, имела и другое основание. В его письме к известному мстерскому краеведу и литографу И.А. Гольшеву от 1893 г. содержится любопытная информация. Он благодарит Гольшева за присланные книги, «на них лежит печать его второй родины - Владимирской губернии». Оказывается, детство ученого прошло в с. Мугреево Вязниковского уезда, купленном его отцом.

Для обоснования правильности выводов Н.В. Султанов использовал фотографии Барщевского. Так что еще раньше, чем были изданы первые открытки с видами Юрьева-Польского, город, по крайней мере Георгиевский собор, уже был запечатлен в работах фотографа, причём фотографа известного.

Иван Федорович Барщевский был одним из первых фотографов-профессионалов, производивших архитектурную фотосъемку. Его услугами пользовались Московское и Русское археологические общества, членом-корреспондентом которых он являлся. С начала 1890-х годов Барщевский становится постоянным участником научных экспедиций многих видных исследователей русской архитектуры, в том числе архитектора-реставратора Н.В. Султанова, ещё в 1883 - 1887 гг. организовавшего экспедицию по городам России, в ходе которой широко применялся новый метод исследования памятников - фотофиксация. Именно с этой целью был приглашен И.Ф. Барщевский.

Экспедиции в Юрьев следовали одна за другой. В марте 1899 г. Московское археологическое общество заслушало доклад архитектора К.М. Быковского (1841 - 1906 гг.). Надо заметить, что Константин Михайлович был известным архитектором, автором общественных сооружений в Москве. К удовольствию А.Е. Знаменского, К.М. Быковский имел «несколько более широкий взгляд на вопрос о рес-

Иконостас Георгиевского собора.
Фотография И.Ф. Барцевского.
Конец XIX века.

Вид на Георгиевский собор
с позднейшими пристройками.
Фотография И.Ф. Барцевского.
Конец XIX века.

таврации Юрьевского Георгиевского собора». В самом деле, в то время, как г. Султанов соглашался, по его же словам, «только с первой половиной» предложений протоиерея, то есть «с отнятием ненужных поздних пристроек», г. Быковский высказался уже за восстановление древнего кровельного покрытия собора и древней формы окон, за «реставрацию наружных рельефных украшений» и даже добавление недостающих.

Последний пункт, для постороннего человека звучавший, казалось бы, странно, не вызвал ни малейшего удивления у о. Александра. Еще в 1892 г., когда «за совершенным обветшанием» сломали уже упоминающую выше Благовещенскую церковь, из ее стен извлекли 11 камней с изображениями различных святых. Надо отметить, что Благовещенская церковь, утраченная задолго до появления первых открыток с видами города, как ни странно, все же попала на них. Причем снята она, в отличие от других юрьевских (и не только юрьевских) церквей, непривычно крупным планом. Эти открытки, выпущенные в пользу общины святой Евгении, являются прямым следствием экспедиции Султанова 1880-х годов. И.Ф. Барцевский запечатлел еще стоящую на территории Юрьевского кремля Благовещенскую церковь.

В западной и восточной стенах теплого собора протоиерей насчитал немало «медальонных изображений разных святых». Он, как и многие его современники, не слишком глубоко знал историю и был уверен, что, пострадав от «нашествия татар и погрома от поляков», собор, хранимый Богом, «остался целым и почти невредимым до наших дней». А.Е. Знаменский предполагал, что все эти камни при постройке теплого собора были «взяты из стен древнего Георгиевского храма». А.Н.П. Кондаков считал, что «весь этот материал происходит из какого-то другого разобранного памятника и послужил для украшения собора в Юрьеве-Польском, когда этот последний по какому-то случаю (вероятно, пожара) сильно пострадал». Однако история появления отдельных резных камней была куда более интересна и трагична.

В отличие от владимирского Димитриевского собора, здесь вся поверхность фасадов покрыта резьбой. Она оплетает своим узором не только плоскости стен, но и все архитектурные детали. Пышность и обилие резьбы усиливают ощу-

щение торжественной неподвижности и тяжести здания, его драгоценной материальности.

Н. Воронин.
Владимир. Боголюбово. Суздаль.
Юрьев-Польской. М., 1983.

Известно, что уже через четыре года после возведения красавец-собор подвергся разорению татаро-монголами. В дальнейшем летописи о нем долго ничего не сообщали, как вдруг в XV в. (по мнению Г.К. Вагнера, около 1445 г.) собор внезапно рухнул. Нет, обрушился он не полностью, при осмотре его стен можно и сейчас определить границы этого обрушения: они проходят по наклонной плоскости, диагональю, начиная от верхнего северо-западного угла к нижней юго-восточной части. Северная стена собора с аркатурно-колончатый поясом и прилегающая к ней часть западной стены уцелели, а от южной стены остались только отдельные участки.

В XV в., в разгар борьбы за национальную самостоятельность, обострился интерес к культурным традициям, сформировавшимся в домонгольский период, во многих древних городах восстанавливались наиболее значительные культовые сооружения. 70-е годы XV в. были крайне беспокойными, татаро-монгольское иго еще не было свергнуто. Тем не менее последовало повеление восстановить Георгиевский собор незамедлительно. В Юрьев был направлен Василий Дмитриевич Ермолин.

Слава о Ермолине как удачном и способном строителе, зодчем и реставраторе разнеслась далеко по Руси. Его артель почти одновременно с сооружением трапезной в Троице-Сергиевом монастыре вела реставрационные работы во Владимире, «обновила», как рассказывала летопись, «две церкви камени, Воздвижение в торгу, а другую на Золотых воротах». Как бы то ни было, отреставрированный юрьевский собор являл собой образец настолько неудачный, что не остается ничего другого, как верить летописному рассказу о достоинствах Ер-

... На месте храмовой иконы в нем был поставлен так называемый Святославов крест, представляющий собою вычеканенное по белому камню изображение распятого на кресте Господа Иисуса Христа, а по сторонам Его предстоящих: справа - Божией Матери, двух жен мироносиц и Николая Чудотворца, а слева - Иоанна Богослова, Логгина Сотника и Тихона Амафунтского. Крест этот, как видно из надписи под ним, сооружен великим князем Святославом III Всеволодовичем в 1224 году, месяца июля в 30 день, на память святого Иоанна Воина, и раньше нахо-

дился сначала в алтаре собора за престолом, потом - в западной стене прежней, теперь уже несуществующей, восьмигранной колокольни (разобрана в 1781 году), а затем в нарочито для него устроенной часовне близ алтаря соборного.

А. Знаменский.
Георгиевский собор (1152 - 1234 г.)
в городе Юрьеве-Польском
Владимирской губернии.
Реставрация его и построение нового
соборного храма.
Юрьев-Польский, 1906.

молина, архитектора и реставратора, на слово. Кстати сказать, летопись, на страницах которой частенько мелькает фамилия зодчего, названа специалистами Ермолинской, поскольку есть все основания полагать, что отошедший от бремени строительства Василий Дмитриевич, монах Троице-Сергиевой лавры, принимал участие в изложении русской истории, делая в летопись различные автобиографические вставки.

Итак, Василий Дмитриевич прибыл в Юрьев. Трудности, с которыми он столкнулся, можно перечислять бесконечно: белый камень из Мячковских подмосковных карьеров и Домодедовских штолен (происхождение камня доказано современными исследованиями) доставляли в Юрьев летом по Клязьме, а зимой из Владимира санным путем; у реставратора не было никаких зарисовок, обмеров и схем, художников, подобных тем, которые создали резные каменные композиции, подъемных приспособлений, чтобы из груды плит извлекать нужные детали. Не было, как объяснят потом исследователи, даже времени, поскольку торопился Василий Дмитриевич в Москву получить подряд на затеянное митрополитом строительство Успенского собора в Кремле. Торопил рабочих, торопился сам и оставил работы в Юрьеве на попечение мастеров. Отсюда-де и резко заниженная высота собора, разительно изменившая его облик, и перепутанные сюжеты резьбы (потом почти каждый пишущий о Георгиевском соборе вздыхал по поводу «каменного ребуса»), отсюда и затерянные резные камни, заложенные в кладку сводов, скрытых под кровлей храма, или использованные для облицовки, и просто «лишние» блоки и плиты — те самые, о которых упоминал А.Е. Знаменский и которые находили и много позднее не только в снесенных пристройках к собору, но даже в стоявших поблизости от него домах.

Потом специалисты многое поставят в заслугу В.Д. Ермолину: и то, что он сохранил интерьер собора и удачно собрал белокаменный портал входа в усыпальницу, и то, что внимательно искал среди резных плит художественную связь и частично нашел ее (кажется невероятным: стаж страны в христианстве увеличился на две с половиной сотни лет, а зодчему, возводящему храмы, требуются специалисты, чтобы разобраться в религиозных сюжетах, которыми изобиловали стены собора!), и даже то, что он вообще сохранил для нас собор. Однако достаточно посмотреть на реконструкции храма, выполнен-

ные современными исследователями, чтобы понять, что Василий Дмитриевич сохранил для нас, скорее, не собор, а грандиозный лапидарий под открытым небом. И вот за это мы ему действительно благодарны, поскольку в противном случае мы никогда не увидели бы восхитительной белокаменной резьбы, никогда не разобрались бы в ее хитросплетениях, не узнали бы того, как выглядел Георгиевский собор первоначально, пусть даже в реконструкции. Справедливости ради надо добавить: как подчеркивают специалисты, Ермолин приехал в Юрьев «как проводник московской архитектурной эстетики», в которой к тому времени «почти совсем угасло влечение к домонгольским «башенным» композициям». Другими словами, зодчий и не ставил перед собой задачу восстановить собор в его прежних формах. Старомодной «башенности» Ермолин противопоставил горизонтальную протяженность, однорядность закомар и кубичность объема, предвосхитив таким образом путь, которым через четыре года пошел Аристотель Фиорованти и другие зодчие.

Считается, что В.Д. Ермолин оставил на Юрьевской земле еще одну память о себе — деревянную статую Георгия Победоносца, в древности находившуюся в Георгиевском соборе и бережно сохраняемую и поныне. В Ермолинской летописи говорится, что Василий Дмитриевич являлся автором белокаменной скульптуры Георгия, которой в 1464 г. Иван III украсил Фроловские ворота Кремля.

Действительно, юрьевская и московская скульптуры очень похожи: конь Георгия не идет и не скачет, а стоит, поднявшись на дыбы. Специалисты полагают, что, работая над статуей из камня, скульптор XV в. мог выполнить промежуточную деревянную модель. Так что в скучном юрьевском захолустье, куда забросила его судьба, Василий Дмитриевич, вполне возможно, занялся и этим, вспоминая период работы над кремлевскими скульптурами и повторяя в дереве своего Георгия. Здесь

Да, наверное, ему просто не хватило ни времени, ни терпения. В конце концов он махнул рукой и сказал каменщикам — пусть выкладывают стены как попало... Так на стенах восстановленного собора вместо строгого порядка «Премудрости Божьей» получилась невообразимая путаница — святой чередовался со свирепым драконом, к дра-

кону прижималась половина ангела, рядом полулежал какой-то младенец, а сверху страшный грифон скалил зубы, точно собираясь проглотить стебель с лилией.

С. Голицын.
Сказания о белых камнях.
М., 1980.

Георгий
Победоносец.
XV в. Дерево.
Раскрашенная
скульптура.

все навевало воспоминания о той давней работе: город Георгия, собор Георгия (изображение этого святого, правда, не конное, он нашел среди груды резных камней и водрузил над порталом северного фасада собора). Да и змеборческие мотивы, кстати, были не чужды семейству строителя собора, лежавшего теперь в руинах: Святослав Всеволодович, согласно В.Н. Татищеву, женат был на дочери муромского князя Давида Юрьевича и его супруги Евфросиньи, с которыми церковное предание решительно отождествляет широко известных муромских святых Петра и Февронию.

А возможно, было иначе: руки Василия Дмитриевича сами потянулись к резцу, как только взгляделся он в остатки аркатурно-колончатого пояса, в пролетах которого стояли большие скульптуры святых, что так отличало юрьевский собор от уже знакомого ему владимирского Дмитриевского собора.

Но вернемся в 1890-е годы. О выступлении К.М. Быковского не преминула рассказать читателям Владимирская ученая архивная комиссия, которая в первом издании своих «Трудов» (1899 г.) уделила большое внимание проблемам Георгиевского собора. Внимание к Юрьеву ученых и энергия о. Александра сделали свое дело. В 1903 г. «Владимирские епархиальные ведомости» сообщали читателям о прошедшем в Твери II-м областном археологическом съезде, на котором был заслушан доклад И.Г. Шляпкина «О новгородских каменных крестах и о кресте Святослава Всеволодовича 1224 года (в древнем соборе города Юрьев-Польского)». А в 1907 г. академик Кондаков настоял на проведении очередного съезда уже во Владимире.

Желая подогреть интерес специалистов и публики к волновавшим его проблемам, за перо взялся и сам А.Е. Знаменский. В 1906 г. в юрьев-польской скоропечатне М.А. Ганшиной вышел его труд «Георгиевский собор (1152 - 1234 гг.) в городе Юрьеве-Польском Владимирской губ. Реставрация его и построение нового соборного храма», в котором Александр Егорович, сделал попытку рассказать об истории возникновения Юрьева и строительства в нем собора, а также о князе-создателе последнего Георгиевского собора - Святославе Всеволодовиче. Нелегкий труд для человека из глубинки: в то время в Юрьеве даже не было библиотеки, и А.Е. Знаменский был вынужден пользоваться только хранившимися в ризнице Георгиевского собора старыми рукописями, в том числе писанным в XVII в. полууставом и украшенным киноварным заголовком житием юрьевских князей. Смелый для того времени шаг, поскольку Н.П. Кондаков чуть ли не первый начал бороться с укоренившимся и в отечественной, и в западно-европейской науке мнением о невысоком культурном развитии домонгольской Руси. И если подобные убеждения вызывают у нас лишь недоумения, то этим мы обязаны в том числе и Александру Егоровичу Знаменскому, который сумел возбудить и удержать интерес исследователей к юрьевскому собору. Конечно, специалист найдет в работе А.Е. Знаменского исторические не-

точности, однако это была первая попытка юрьевского жителя рассказать о рождении Юрьева и юрьевских князьях, родоначальник непродолжительной династии которых оставил миру белокаменное резное чудо - Георгиевский собор.

Нельзя не отметить, что, как и многие из тех, кто писал на исторические темы, А.Е. Знаменский склонен был считать князя Святослава Всеволодовича «человеком тихого, мирного и мягкого характера». Да и мог ли протоиерей думать иначе о князе, почитаемом местными жителями за святого, пусть даже он и не был «прославлен видимым образом»? Немногочисленные летописные упоминания о Святославе, напротив, свидетельствуют о том, что был князь смел, решителен, очевидно, честолюбив, как и все братья Всеволодовичи, жесток. Трудно с таким характером быть далеко не первым сыном в семье и, как требовали законы того времени, безропотно выполнять указания старших. Поступить же так, как потом поступил с ним его племянник, сын Ярослава (именно Ярослав спровоцировал то страшное сражение на Липице), то есть согнать кого-либо из старших братьев с «великого стола», Святослав, скорее всего, возможности не имел. Но что-то подсказывает, и здесь согласимся с А.Е. Знаменским и другими, что поступить так Святославу не позволяли убеждения, имей он даже необ-

В заседании Московского археологического общества, бывшем 13 марта 1899 г., К.М. Быковский сообщил о соборе св. Георгия в Юрьеве-Польском, на основании осмотра этого замечательного памятника древности гг. архитекторами З.И. Ивановым и А.А. Потаповым. Осмотр был произведен вследствие возбужденного в 1898 г. протоиереем собора Знаменским и местными землевладельцами С.А. и Л.А. Егоровыми вопроса о воз-

можной реставрации собора, ныне застроенного многими позднейшими зданиями и во многом утратившего свой древний вид... Сообщение сопровождалось демонстрацией видов, планов и разрезов собора, а также фотографий с рельефных изображений на его стенах.

Русские Ведомости.
1899, № 73.

Об этом событии летописец свидетельствует так: внук Юрия Долгорукого - великий князь Георгий Всеволодович Владимирский - в 1213 году «даде в содержание град Юрьев-Польский брату своему Святославу Всеволодовичу», и сей князь в 1230 году «разруши церковь в Юрьеве-Польском соборную, яже обветшала, юже прежде созда деда его благоверный князь Юрий Владимирович Долгорукий, яже стояла 78 лет от начала града, и

созда Святослав паки церковь чудну зело, вельми украси ю резным камнем от подошвы и до верху - святых лики и праздники».

А. Знаменский.
Георгиевский собор (1152 - 1234 г.) в городе Юрьеве-Польском Владимирской губернии.
Реставрация его и построение нового соборного храма.
Юрьев-Польский, 1906.

ходимые для этого силы и средства. А вот на Липице в битве братьев за главный, владимирский, стол держал он сторону не старшего брата, Константина (потом он сотрет воспоминание о Константине даже со стен своего прекрасного собора), а Георгия. Не потому ли, что именно Георгий дал ему удел, в котором он наконец-то мог почувствовать себя полновластным хозяином?

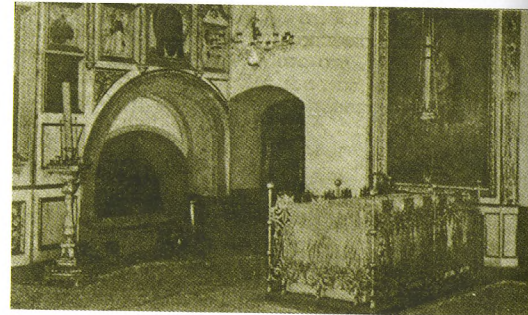
До сих пор настоящий характер Святослава прорывался в самостоятельных военных походах, но и здесь, в маленьком Юрьеве, князем которого он стал, честолюбие Святослава тоже нашло выход. Он в 1230 г. безжалостно сносит постройку деда («обветшала и поломалася» - таково скромное пояснение летописца, но ее «современники» - собор в Переславле-Залесском и церковь Бориса и Глеба в Кидекше, выполненные той же артелью мастеров Юрия, стоят до сих пор) и на фундаменте старой Георгиевской церкви решительно начинает новое строительство. Задумал Святослав, казалось бы, невыполнимое: создать храм, который великолепием своим превзошел бы все, что до него возводилось во Владимиро-Суздальской Руси. Затмить скромные аскетические постройки деда (Юрия Долгорукого) было не проблемой. Нетрудно было превзойти и дядю (Андрея Боголюбского): декоративная резьба в то время только начинала появляться на стенах возводимых соборов. Задача была гораздо сложнее: главный храм Святослава, храм скромного и незаметного Юрьева, должен был затмить воспетую летописями постройку отца, лучший собор стольного града Владимира и, следовательно, лучший из соборов брата, великого князя Георгия Всеволодовича, лучший из соборов любого князя, который займет великий Владимирский стол. Самое поразительное, что это Святославу удалось! Не случайно специалисты считают, что мастерство камнесечев достигло в Георгиевском соборе совершенства, и это при том, что пластический декор Дмитриевского собора являлся, казалось бы, «мыслимой вершиной владимиросуздальской скульптуры».

Обложка книги
А.Е. Знаменского

Но обратимся опять к труду А.Е. Знаменского. Его рассказ был хорошо иллюстрирован фотографиями, донесшими до нас облик собора еще до того, как планы о. Александра начали претворяться в жизнь. Но если фотографии внутреннего убранства теплого храма, гробниц Святослава Всеволодовича и его сына Дмитрия, всего соборного комплекса с северной стороны мы видим впервые, то фотография его южной стороны нам уже знакома. Этот же вид встречается нам на открытках, выпущенных П.М. Бородулиным. Следовательно, А.Е. Знаменский при работе над книгой пользовался услугами местного фотографа, много снимавшего город.

Рассказав об истории собора и шагах, предпринятых им для реставрации старого и строительства нового храма, протоиерей Знаменский поведал и о Троице-Крестовоздвиженском храме. Выходило (и это подтверждают старые открытки), что он представлял собой «низенькую постройку с небольшими, как в обыкновенных домах, окнами на высоте одного аршина от зем-

Гробницы
Благоденных
князей
Святослава III
и сына его,
схимонаха
Дмитрия,
в юго-западной
части теплого
собора.

О последних годах жизни и смерти благочестивого строителя храма - князя Святослава Всеволодовича - летописец говорит, что сей князь после трехлетнего пребывания на великокняжеском престоле во Владимире... «паки прииде в град Юрьев-Польский и поживе прочее богоугодно в посте и молитвах, в чистоте и покаянии, в умиленнии и слезах, и всякими добрыми делы угождая Господу Богу и Пречистой Его Матери и всем святым. Быв четыре лета и преставися в вечный покой в лето 6760 (1252 г.), месяца Февруария в третий день на память святого Симеона Богоприимца и Анны пророчицы. И много плакаша, проводиша (тело его) честно со свещами и кандилами, и положиша тело его в соборной церкви Св. Великомученика Георгия в приделе, созданной от него. Всех лет жития его было 56. Остави же по себе на княжение во граде Юрьеве-Польском сына своего благоверного князя Дмитрия Святославовича». Сей последний после похода вместе с великим князем Александром Ярославовичем (Невским) против Новгорода «возвратился в свою отчизну и поживе прочее 17 лет, богоугодно ревнуя стопам и добродетели отца своего князя

Святослава Всеволодовича. Посем пострижесе во иноческий образ от святого Игнатия епископа Ростовского и преставися, успе сном вечным в лето 6777 (1269 г.), и погребоша его честно во граде Юрьеве-Польском в соборной церкви Святого Великомученика Георгия в приделе по левую сторону, близ отца своего князя Святослава, идеже и донныне лежат Богом блюдомы и исцеления дар с верою приходящим подают». Во внимание к сему свидетельству древности оба эти Юрьевские князя издавна почитаются от жителей г. Юрьева и всей Юрьевской округи угодниками Божиими, хотя и не прославленными видимым образом. Свое усердие к ним и почитание вся Юрьевская округа выражает постоянным совершением пред их честными гробницами панихид и кратких литий.

А. Знаменский.
Георгиевский собор (1152 - 1234 г.)
в городе Юрьеве-Польском
Владимирской губернии.
Реставрация его и построение нового
соборного храма.
Юрьев-Польский, 1906.

ли». Из-за тесноты внутренних помещений (собор вмещал 250 - 300 человек) «многие обыватели города лишены возможности посещать в соборе богослужение», особенно в великие церковные праздники.

Получалось, что теплый собор можно было «уничтожить без сожаления в видах реставрации древнего Георгиевского собора». Однако задача, поставленная перед собой А.Е. Знаменским, была, казалось, невыполнимой. Не было средств, а сбор пожертвований по подписному листу, полученному протоиереем еще в 1898 г., не мог быть начат, так как для этого необходимо было иметь проект Георгиевского собора после реставрации, а заплатить за который архитектору было нечем. Получение же проекта реставрации, сделанного академиком В. Суловым в 1887 г. после его трехдневного пребывания в Юрьеве, оставалось всего лишь мечтой о настоятеле.

Но даже из этой ситуации энергичный и деятельный А.Е. Знаменский нашел выход. По его инициативе была создана комиссия для подготовки строительства нового храма. В марте 1903 г. Городская дума отвела в кремле, рядом со старым собором, место под его строительство. Строительным Комитетом при Святейшем Синоде был утвержден проект трехпрестольного храма, и А.Е. Знаменский с гордостью поместил изображение северного фасада будущего теплого собора в свою книгу.

В поясе северного фасада видное место занимали фигуры святых патронов владимирской княжеской династии. Эта «шеренга героев» раскрывала основную идею резного убора: небесные силы покровительствовали именно владимирским князьям и их «богоизбранной» Владимирской земле. Но очень важно, что среди княжеских покровителей не было изображения патрона сына Всеволода III князя Константина Ростовского, едва не сгубив-

Георгиевский
собор с южной
стороны.
Фото
П.М. Бородулина.

шего силу княжества в кровавой битве с братьями на Липицком поле под Юрьевом. Небесный патронат не распространялся на раскольников «единачества» Всеволодовичей, он охранял их сплоченность.

Н. Воронин. Владимир. Боголюбово.
Суздаль. Юрьев-Польской.
М., 1983.

Автором проекта являлся епархиальный архитектор Н.Д. Корицкий. Он был хорошо знаком с архитектурными традициями Руси и, проектируя храм, который должен был стоять рядом с шедевром русского зодчества Георгиевским собором, избрал так называемый русский стиль, элементы которого перекликаются с деталями архитектурных сооружений домонгольской эпохи. Сейчас кажется странным, что А.Е. Знаменский так до конца и не представлял себе, как первоначально выглядел храм, за реставрацию которого он боролся. Известные ре-

«Святославов крест»

...Устроитель Георгиевского собора великий князь Святослав III-й Всеволодович, во святом крещении Гавриил, - к созданному им собору с северной стороны пристроил во имя Живоначальной Троицы придел - усыпальницу для себя и своего рода. Для прохода в нее была пробита стена холодного собора и устроена небольшая дверь. В 1809 году означенная усыпальница через удлинение ее к востоку была переделана в Троицкий теплый собор. Но так как этот храм на первых же порах оказался очень тесным, то в 1817 году к нему приложили другой придел - Крестовоздвиженский. На месте храмовой иконы в этой церкви был поставлен древнейший священный памятник, т.н. белокаменный Святославов крест... В том же храме,

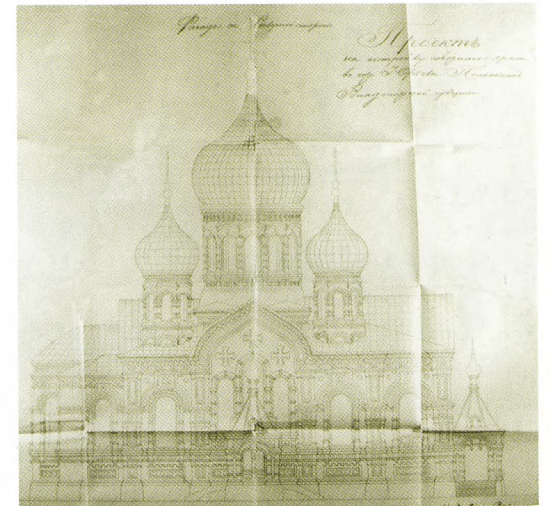
где поставлен Святославов крест, почивают и останки строителя его, князя Святослава Всеволодовича, в открытой гробнице из белого камня; гробница обложена в недавнее время белою медью. Останки сына Святослава схимонаха Димитрия покоятся тут же под спудом. Гробница обнесена изящной медной решеткой и обложена мраморными досками с изображением креста. Обе гробницы пользуются большим уважением в народе.

Спутник по древнему Владимиру
и городам Владимирской губернии.
Сост. Н.Н. Ушаков.
Владимир, 1913.

конструкции Георгиевского собора Г.А. Вагнера и А.В. Столетова появились позднее, но, глядя на них, понимаешь, как близок к истине был в своем дерзновении Н.Д. Корицкий.

Скажем здесь несколько слов о том, что не попало в книгу А.Е. Знаменского: проект нового соборного храма был утвержден Московским археологическим обществом далеко не сразу. Так, в феврале 1904 г. Общество в лице председателя графини Уваровой отказалось одобрить предложенные в пояснительной записке Н.Д. Корицкого полумеры: по окончании постройки нового собора разобрать Крестовоздвиженский придел, а придел во имя Святой Живоначальной Троицы соединить с новым храмом освещенным с обеих сторон окнами коридором - и настояло «на полном освобождении древнего Георгиевского собора от всяких застроек». Категорично было Общество и в отношении внешнего вида будущего Троицкого собора: «... вновь проектируемый храм по своим неудачным формам и деталям совершенно не отвечает своему назначению. Принимая во внимание близость проектируемого храма к столь знаменитому памятнику русской старины, как Георгиевский собор, было бы желательно, чтобы новый храм служил украшением этого исторического места, а не обезобразивал его». Интересно отметить еще и то, что образцами архитектуры при работе над проектом Троицкого собора служили следующие уже построенные и еще строившиеся в то время храмы: церковь подворья Киево-Печерской лавры на Васильевском острове в Санкт-Петербурге (гражданский инженер Косяков), великокняжеская усыпальница в Санкт-Петербурге (профессор архитектуры Бенуа), собор на Миусской площади в Москве (профессор архитектуры Померанцев), собор в Порт-Артуре (Косяков), церковь в Иваново-Вознесенске (классный художник архитектуры Беген) и соборный храм в Свято-Никольской женской общине Ковровского уезда, автором проекта которого также являлся Н.Д. Корицкий.

Проект
Троицкого
собора

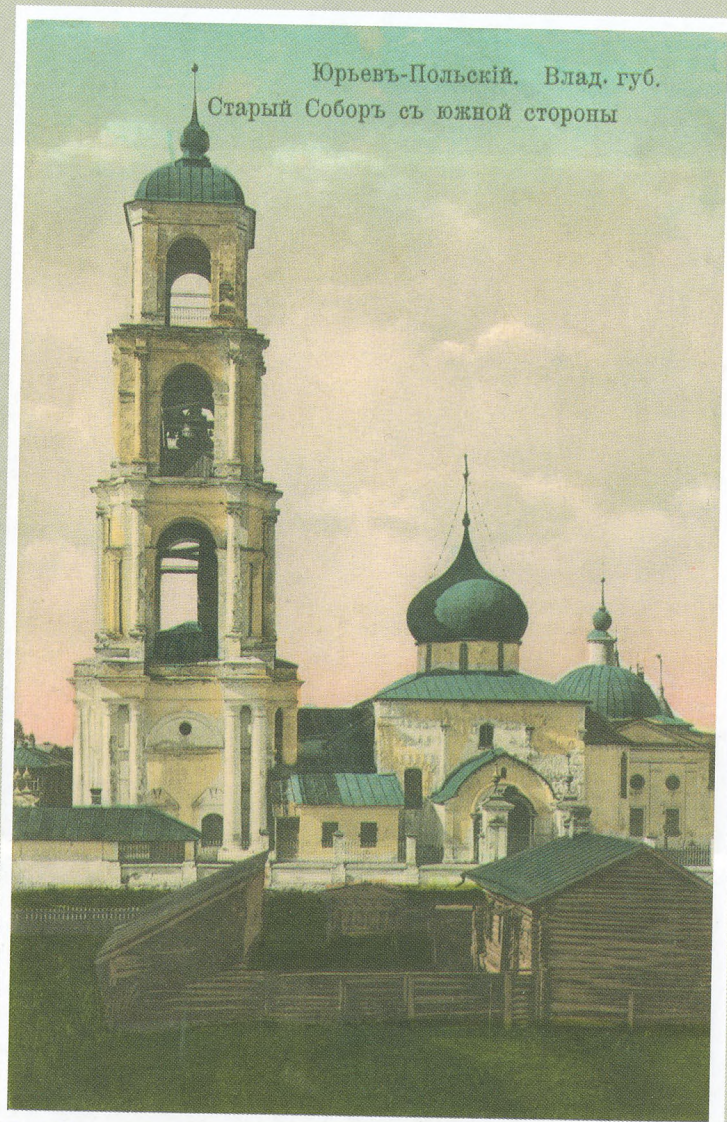

Вид на Троицкий собор

Юрьевъ Польскій. Георгіевскій соборъ. Jurgiev, G. de Wladimir.
Построенъ въ 1234 г. кн. Святославомъ Всеволодовичемъ.
Eglise de St Georges. Bâtie en 1234. Clocher comm. du XIX siècle.

Вид на Георгиевский собор с южной стороны.
Справа старый Троицкий собор.

Вид на Георгиевский собор с вала.
Между собором и колокольней - ризничная палатка и ход на колокольню.
Справа новый Троицкий собор.

Вид на Георгиевский собор с вала

26 августа 1905 г. был знаменательный день в жизни о. Александра: работы по строительству Троицкого собора начались. К 1 октября «был выложен фундамент под весь собор на высоту полутора аршин поверх земли». Эта работа забрала все запасенные комиссией материалы и денежные средства. Возведение Троицкого храма и реставрация Георгиевского опять откладывались на неопределенный срок. По верному замечанию о. Александра, «всех обуяла тревожная неуверенность в завтрашнем дне». Настоятель не ошибался: Россия, а вместе с ней и Юрьев, и сам А.Е. Знаменский, вступали в новую эпоху.

Как отмечали в 1906 г. сами юрьевцы, «г. Юрьев за последнее время несколько просветлел. Прошлым летом мы еще только бегали смотреть, как на невидаль, на приехавших к нам по какой-то ошибке казаков. Теперь же, что касается стражников и казаков, то в этом отношении у нас - полнота совершенств; и юрьевский обыватель уже на собственной спине испытывает их влияние...» В августе 1906 г. в Юрьеве стояла сотня казаков и вскоре ожидалась другая. И хотя очевидец писал, что Юрьевский уезд в последнее время «проснулся», он не нуждался в таком количестве «стражников». Последние же скорее именно от безделья вели себя так, что статьи с описанием их безобразий совершенно перекрывают собой все написанное о при-

Депутаты 2-й Государственной думы от Владимирской губернии. Стоит слева Федор Павлович Герасимов, крестьянин с. Власьево Никульской волости Юрьевского уезда. Фото В.В. Иодко, Владимир.

Н. М. Юрданский, Е. К. Черносвитовъ, Н. А. Фигельевъ,

чинах их появления в городе. Им, к удивлению горожан, было отдано здание, уже подготовленное к размещению детей, не имевших родителей, и из этого дома постоянно «неслись «пения и лики» редко бывающих трезвыми стражников». Население было буквально терроризировано. Избиение студента или преследование с обнаженной пашкой мальчика из парикмахерской Лебедева стали обычным делом. Даже загородные прогулки были связаны теперь «с риском встретить стражников, казаков и горько поплатиться за одну попытку «вздохнуть», пожить по-другому, поделиться впечатлениями».

В такой обстановке нашли выход худшие инстинкты юрьевцев. «Издательства, оскорбляющие даже небольшое нравственное чувство, - сетовал автор очередной заметки, - служат развлечением для извозчиков, некоторых торговцев и уличных мальчишек. Прежде всего пострадали самые несчастные и самые безобидные люди - юрьевские юродивые Еша Пырка, Митя Теньковский и нервный старик И.И.».

Появились в Юрьеве и черносотенцы: «часть купцов во главе с владельцем одного из лучших универсальных магазинов; часть мещан, служащих и «отбросов» - «подонков» общества». Вошли в моду казачьи нагайки. Купец И. Бедняков завел их аж шесть, «чуть ли не на каждого студента, жившего в Юрьеве», причем специально ездил покупать их в Иваново.

На днях, вечером, один из чиновников казначейства Богданов шел по Никольскому переулку. Вдруг двое стражников стали бить его пивными бутылками. А два неизвестных, одетых в штатские костюмы, остановились на извозчике и ждали своих товарищей-победителей. В то время проходила знакомая Богданову женщина; узнавши ее, он позвал ее и закричал: «Что они надо

Александр Егорович Знаменский с женой Екатериной Евгеньевной и сыновьями Сергеем и Александром

мной делают!» Она пробовала заступиться, но хулиганы отшвырнули ее прочь! Богданов через несколько времени лишился памяти. Когда пришел он в себя, то оказалось: глаз у него распух, есть несколько ран, а на месте, где лежал Богданов, струился кровавый ручей.

Владимирец,
1906, № 51.

Не прошли незамеченными у юрьевцев и выборы в I Государственную думу. Один из горожан констатировал: «Наш захолустный городишко, относящийся ко всему индифферентно, в последнее время встрепенулся и, отложив на время разговоры и пересуды о самых прозаических предметах, начал жить общей политической жизнью». В феврале 1906 г. в Юрьеве образовался даже местный отдел «Союза 17 октября». Делегатами на всероссийский съезд были выбраны Н.В. Калачев, В.В. Калачев, Н.А. Ганшин, В.Н. Оглоблин и барон Е.Г. Торгнау.

О. Александр был человеком энергичным, деловым и, надо полагать, в значительной степени честолюбивым. На рубеже веков он играл заметную роль в церковной и общественной жизни города. Усилия, направленные на возведение в Юрьеве нового собора, авторство исторического труда добавили Александру Егоровичу популярности. Стоит ли удивляться, что уже на следующий год после издания книги автор сделал головокружительную политическую карьеру!

В сентябре - октябре 1907 г., в условиях жесточайшего террора и репрессий, в стране шли выборы. Разогнав либеральные по составу две первые Думы и издав в июне 1907 г. новый закон о выборах, царское правительство смогло сделать этот мало приятный ему орган более послушным. Одним из депутатов от Владимирской губернии в 3-ю Государственную думу стал националист по убеждениям А.Е. Знаменский.

Даже подолгу отсутствуя в Юрьеве (3-я Государственная дума работала с 1 ноября 1907 г. по 9 июня 1912 г.), Александр Егорович зорко следил за событиями, происходившими в городе. В 1910 г. он «дал указание из Петербурга об отрицательном отношении к концерту духовой музыки, который давали местные певчие в здании Обще-

Портрет
Александра
Егоровича
Знаменского

Георгиевский собор.

Акварель Н.В. Марковникова (1869-1917 гг.) - главного архитектора Московского Кремля в 1914-1919 гг.

Афанасий Иванович Романов, первый заведующий Юрьев-Польским художественным музеем, Петр Дмитриевич Барановский (1892-1984), член Московской государственной реставрационной мастерской, и рабочий Гусев у Георгиевского собора. 1920-е годы.

ственного собрания». Юрьевские священники имели смелость не подчиниться, но труднее было ослушаться позднее, когда депутатство непримиримого благочинного было уже в прошлом, ибо в октябре 1911 г. «Старому Владимирцу» «из достоверных источников» стало известно, что протоиерей А.Е. Знаменский назначен «в должность законоучителя только что открывшегося реального училища», в связи с чем он сложил депутатские полномочия.

Четырехлетнее пребывание в Петербурге, в Государственной думе, прибавило Александру Егоровичу авторитета. На выборах от настоятелей церквей Юрьевского уезда в сентябре 1912 г., когда присутствовавшие начали проявлять недовольство тем, что «председательствовать будет не духовное лицо» (кн. Б.А. Голицын), достаточно было А.Е. Знаменскому сказать: «Духа не угашайте, а себя поберегайте!», чтобы присутствовавшие успокоились и «выборы быстро наладились».

Депутатство отдалило настоятеля собора от Юрьева, но способствовало исполнению им обязанностей председателя «Строительной по сооружению собора Комиссии». В эти годы опустевшая касса строительства начала испытывать периодические вливания, и к весне 1913 г. «Владимирские епархиальные ведомости» сообщили, что постройка нового храма «с внешней стороны» закончена.

Не давал о. Александр забывать императорской археологической комиссии и о планах по реставрации старого собора. В 1910 г., вслед за столичной газетой «Новое время», «Старый Владимирец» сообщил, что на изыскания по реставрации отпущено 10 тыс. рублей, а «Государем Императором Высочайше разрешен всероссийский сбор пожертвованных по церквам Империи». А. Е. Знаменского и столичная, и местная пресса называла «главным деятелем в этом деле». Сообщалось, что реставрационные работы поручены художнику К.К. Романову.

Несмотря на начавшуюся войну, К.К. Романов периодически появлялся в Юрьеве и продолжал исследовать старый собор, но война и последовавшие за ней события помешали завершить начатое А.Е. Знаменским около 20 лет назад. Лишь в 1925 г. член Юрьев-Польского научного общества по изучению местного края Н. Шкакин смог написать, что «в настоящее время этот замечательный памятник старины очищается от позднейших пристроек к нему, а затем будет реставрирован».

Освобождение «старого» Георгиевского собора от позднейших пристроек

А вот другому детищу А.Е. Знаменского повезло гораздо больше: всенародная, по сути, стройка, была завершена в декабре 1914 г. 11 января следующего года новый Троицкий собор был торжественно освящен. Храм вышел таким, что «своим величием соответствовал значению древнего собора и служил украшением этой исторической местности». Грандиозный и изящный собор, освященный, как и собор князя Святослава семьсот лет назад, накануне ожидавших страну трагических испытаний, стал еще одной лебединой песней юрьевской церковной архитектуры.

Для нас, всматривающихся в даль прошлого с высоты опыта последующих десятилетий, слова очевидца праздника звучат по особому; в них - и наша надежда, и завет нам, сегодняшним: «Торжество освящения величественного нового собора, а также вдохновенная проповедь Архипастыря и пастырей - очень сильное впечатление, - впечатление святой радости для исстрадавшейся совести, изболевшего сердца, впечатление необычайного света среди обычной тьмы светной жизни».

Похороны
Бориса
Красковского
в Юрьеве,
ок. 1915 г.
Справа виден
новый Троицкий
собор.

Новый собор очень величествен и красив. По своим размерам он мог бы служить украшением не только г. Юрьева-Польского, но и других, более значительных городов. Внутри он совершенно открыт и достаточно светел; в нем может поместиться более 2000 человек. Резьба на иконостасе прекрасной работы. Святые иконы в нем дорогого художественного письма. Стенной живописи в соборе нет. В приделе с правой стороны на видном месте поставлено древнее «Святос-

лавово» Распятие с предстоящими, высеченное из целого камня и служащее предметом особенного благоговейного поклонения городских и окрестных жителей, в то же время представляющее редкую археологическую ценность.

В. Богословский.
Освящение главного престола в
соборе г. Юрьева-Польского.
Владимирские епархиальные
ведомости, 1915, № 9.

*Труд былого человека,
Дедовский, отцовский труд,
Деятнадцатого века
Нескудеющий сосуд.*

Н. Берберова

Обычная тьма суетной жизни

Юрьев-Польский долгие годы имел немалое торговое значение, поскольку находился на большой Стромьинской дороге, соединявшей Суздальский край с Москвой. В XVII в. в Юрьеве была таможня, и сумма годовой пошлины достигала значительных для того времени размеров -

Ярмарка
на Торговой
площади.
1930 год.

1000 руб. Основную массу населения города не одно десятилетие составляли купцы, и заботы Юрьевской Городской думы первой половины XIX в., судя по заголовкам архивных дел, в основном связаны с ними: запись в купеческое сословие, выдача торговых свидетельств и лавочных билетов, объявления о своих капиталах, отвод земли под постройку фабричного заведения и прочее и прочее.

Градостроительные реформы XVIII в. были вызваны к жизни бурным развитием торговли. Отсюда и появление на новых планах городов торговых площадей, непременно украшенных рядами Гостиного двора. То, что торговым заведениям придавалось первейшее значение, видно при взгляде на план 90-х годов XVIII в. На нем поверх строгой сетки кварталов в беспорядке разбросаны соляные лавки, винные и соляные «магазинны», слом которых был неминуем. Взамен план предлагал специально отведенное место, на котором были обозначены винные и соляные «магазинны», хлебные, рыбные и мясные ряды. Местный землемер начертил их на том месте, которое на генеральном плане города носило название «Хлебная площадь».

Палатки
на Торговой
площади

Торговая площадь. Фотографический павильон И.И. Бункина.
На переднем плане полевая солдатская кухня. Фотография из коллекции А.П. Попова.

Вид на Владимирскую улицу и Георгиевскую часовню (1897 г.)

Однако уже к концу XVIII в. строгая специализация торговли, когда в каждом из рядов продавались определенные, близкие по назначению товары, нарушилась. Теперь в одной купеческой лавке можно было приобрести самые разнообразные товары. Так, в рапорте по Юрьеву-Польскому отмечалось, что в одной лавке продавались «мыльные, шляпные, сапожные, разные съестные, рукавичные, сыромятные, свечные товары, а порознь одним товаром не торгуют». Надо отметить, что эта манера торговли сохранилась много позднее. Находившуюся в Гостином дворе собственную лавку М.М. Бедняковой мы бы сочли за привычный нам магазин хозтоваров. В ней торговали железным, скобяным и москательным (лаки, краски, химические масла и т.п.) товаром. Зато чего только не было в лавке И.П. Овсянникова, бывшей Н.А. Булыгина! Судите сами: овощные, москательные, скобяные товары, сортовое железо, известь, алебастр, изразцы и рыба.

Но вернемся к плану и намеченным на нем торговым площадям. Их было несколько. Три из них - Лесная, Сенная и собственно Торговая, сливались в одну, образуя огромное торжище. Торговое значение площадей усилилось с введением обязательных сроков городских ярмарок и базаров, возведением благоустроенных торговых рядов. Городовое положение 1785 г. обязало «градское общество» обеспечить «уездным жителям» свободу «в здоровое время все привозить и увозить», т.е. назначать торговые дни и часы и устраивать ежегодно по крайней мере одну ярмарку. Городничий Свободской, описывая город конца XVIII в., указал, что торги бывают по понедельникам и четвергам (к 1894 г. базарными днями были: летом - воскресенье, зимой - понедельник). Что же касается ярмарок, то в «Статистическом обозрении состояния Владимирской губернии в 1817 году» отмечено: «годовые ярмарки существуют в уезде только две, и то незначительные - в селах Онькове и Петровском».

Некоторые из юрьевского купечества промышляют юфтью, а прочие мелочным товаром и огородною работою: ремесленных людей в оном купечестве никаких нет. Торговый день - понедельник, в который купцы сего города торгуют привозимыми из Санкт-Петербурга и Москвы товарами, а съезжающиеся крестьяне всякими крестьянскими

домовыми изделиями, хлебом, саями, колесами и прочим.

Топографическое описание Владимирской, Суздальской, Переславской и Юрьевской провинции городов в 1760 г. Владимирские губернские ведомости, 1878, № 42.

В то время, когда городничий скрупулезно перечислял в «Описании» все, чем торговали в Юрьеве, Гостиного двора еще не существовало, его заменяли многочисленные деревянные лавочки, коих городничий насчитал 90. К концу XVIII в. относится еще одно новшество: торговля, как сказочная избушка, разворачивается к покупателю лицом, открывая растворы лавок не во внутренний дворик рядов, а на торговую площадь. В большинстве городов на центральных площадях строятся каре каменных торговых рядов, где в лавках торгуют купцы, а приезжие «с полков и возов» - на рынке, который, как правило, размещался внутри каре. Но юрьевские ряды были построены иначе, и торговля кипела и на площади вокруг них. В базарные дни появлялись палатки, шатры, лотки, возами крестьян заполнялись закоулки по обеим сторонам Большой улицы, что у собора, Воскресенская улица - от начала до моста, Владимирская улица - до реки, вся Никольская и часть Спасской, все пространство вокруг валов.

Степенные купцы по утрам, открывая лавки, крестились и высыпали на мостовую горсть зерна. Так начинался торговый день, который мог принести и удачу, и убыток. Здесь же, на площади, располагалась и не-

Торговые ряды расположены в старых деревянных постройках, которых насчитывается 90, и в трех каменных. Торги бывают по понедельникам и четвергам. «Продается: мука аржаная, пшеничная, масло посное, ольбяное, конопляное и коровье, чай, кофий, сахар, мед, лимоны, соленые и свежие, лимонный сок. Сапоги и башмаки кожаные и плисовые, муфты медвежьи, мыло, пища бумага, бахилы, узды, шлеи, гужи, чулки шерстяные, вариги, перчатки шерстяные, чулки нитяные, ...рукавицы оленьи, лосиные, замшевые, козловые и бараньи, кресты, персни, пуговицы и кольца серебряные и медные, гарус. Посуда хрустальная и деревянная, деготь товарный и колесный, замки, ножи простые и складные, бархат, плис, парча, золотые и серебряные озументы, шитофы, атлас, тафты, платки гарнитуровые, саржевые и тавтяные, ленты, раз-

ный шелк, сукны польския и русския, кисея, миткаль, полуситец, ... холст суровой и выбеленой, клеенка, галун золотой, серебряной и шерстяной, мехи лисьи, заячьи, беличьи фракы, ... тулупы, шубы, выделанные и невыделанные овчины... Разный скот и лошади, чугунные и железные горшки, сковороды, ухваты, лемехи, косули, грабли, вилы, рыба привозная: севрюга, осетрина... судаки, сазаны, икра засольная, щуки, лещи, плотва и окуни, свежее мясо, говядина, гуси, утки, индейки, поросята, курицы, баранина».

Н. Дятлова. Юрьев-Польской в 1779 году (из «Описания г. Юрьеву Польскому, очиненного городничим коллежским советником Свободским»). Владимирские ведомости, 31 марта 1993 г.

Здания по западной стороне Торговой площади. Видна Введенская колокольня.

изменно присутствующая на старых открытках часовня, очевидно, служившая для нужд многочисленных купцов, торговцев и совершателей сделок. По всей видимости, именно она носила название Георгиевской, о чем к десятым годам XX в. юрьевцы уже забыли. В подписях на фотографиях и в рукописи А.С. Торлина часовня на площади названа по имени другой часовни - Александровской.

Кто только не устремлялся на центральную площадь Юрьева, кто только не желал расположить свое заведение или хотя бы временную палатку на его главном торжище! Одно время здесь, рядом с часовней, находилась «Скорая фотография» И.И. Бункина, вероятно, попортившая немало крови коренным юрьевским фотографам. Соблазн для юрьевцев был велик: «американская» фотография, невыцветающая, да еще за 5 минут! Правда, существовала столь необычная фотомастерская в

Характерный костюм старинного юрьевского гражданина - длинный двубортный мещанский сюртук с фалдами и со светлым черным ремнем или клеенчатым козырем; назади сюртука над сказанным разрезом две параллельно пришитых больших круглых, как два больших глаза назади, пуговицы, между которыми вниз вишит карман для носового ситцевого платка, а иногда и для табакерки. Такого типичного мещанина можно было встретить, и мы встречали, еще в конце прошлого, 19-го столетия на базаре в городе Юрьеве и непременно с безменом в руках, этим спутником, без которого он, как солдат без ружья, не мог обойтись. Бывало, как завидит он бабу с пучком льна, быстро берет у нее сминок по своей особой «совести» на своем безмене и платит деньги бабе. Этим лиц своеобразно звали «маяками», т.е. мелкими скупщиками на базаре разного сырья, особенно льна. «Маяки» сходились на особо огражден-

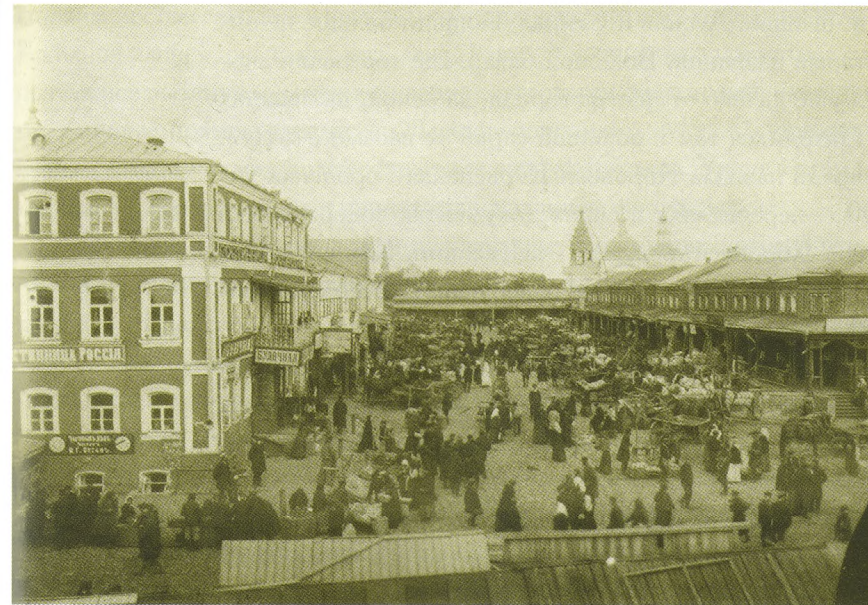
В центре города, около Городской управы, есть небольшая площадка, обнесенная перилами и уставленная скамьями. Это - наша биржа, главное место пребывания «маяков». (Так здесь называются мелкие торговцы-скупщики.) С раннего утра собираются они сюда и, усевшись на скамьях, оживленно и мирно беседуют, но в то же время зорко по сторонам, выжидая добычу. Добыча появляется в виде бабы, несущей холст, лен, кожу, яйца или другие продукты своего обни-

ном месте со скамьями у вала среди торговой площади, где они, восседая с безменами, решали свои торговые дела, после чего расходились по трактирам, существовавшим «распивочно и на вынос» почти на каждом углу. Место у вала называлось почему-то «мыстрат», вероятно, исковерканное «магистрат». Скупали «маяки» и разный хлам, выменивая его на развозимые по селам в особом сундуке разные сласти и пряники-батаны; причем употреблялись особые выкрики, но не такие, как у некрасовского дяди Якова, а своеобразные, как, например, нараспев: «по грушу, по конфеты; на лен, на тряпье, на худые попоны, на рукавицы». Бабы и мальчишки выходили и меняли товар.

Свящ. Дмитрий Сахаров.
Краткий очерк истории города
Юрьева-Польского Владимирской
губернии, 1919.

щалого хозяйства. «Маяки» срываются с места и, окружив женщину, поднимают такой шум, крик и ругань, что незнакомому с приемами нашего торгового люда покажется, что начинается крупная драка. Наконец, товар куплен, кричать не о чем, и «маяки» опять «на бирже», опять мирно беседуют.

Нил Адмирари. Клязьма.
31 марта 1906 г.

Торговая
площадь

Юрьеве недолго: мещанин И.И. Бункин взнос в размере 10 руб. «за отведенное место под скоропечатную фотографию» заплатил только за 1911 г. На площади также располагалась «биржа», как называли ее горожане. День-деньской «дежурили» на ней мелкие торговцы-скупщики, так колоритно описанные священником Д. Сахаровым.

К началу XX в. лавок в Гостином дворе уже не хватало. Поэтому с внешней стороны вала начали появляться обращенные лицевой стороной к Лесной площади небольшие деревянные лавочки, вопрос об обновлении которых в 1911 г. был поднят Городской думой. Новые лавки должны были строиться на средства владельцев, и, по расчетам Думы, это стоило 8000 руб. Именно эти невысокие бревенчатые магазинчики на один раствор под общей железной крышей, получившие у юрьевцев странное название «Варшавский базар», помнят юрьевские старожилы.

На юрьевской площади произошла маленькая, но весьма характерная для нашего городского благоустройства катастрофа. В подвал лавки А.И. Щедрина ввалилась лошадь крестьянина с Ильинского. Собравшаяся многочисленная толпа, хотя и извлекла из ямы лошадь, однако дело не обошлось без ветеринарного покая. Это обстоя-

тельство обратило внимание полиции, что около подвала нет соответствующих загоронок-барьерчиков, а Городская управа задумалась насчет скудного освещения на торговой площади.

Старый Владимирец,
1908, № 114.

К началу XX в. бывшие Лесная и Сенная площади больше не оправдывали свои старые названия. Большой базар, где торговали скотом и сеном, кипел уже далеко от центра города, за рекой, на бывших Луговых улицах. Находился там и большой сарай «с весами в полу». Вероятно, эту площадь назвала Коровьей Юрьевская Городская управа, когда в 1900 г. перечисляла в своих документах содержателей городских площадей: Коровьей площади - Шевелкин, Конной - Попов, Торговой - Рюмин (в 1911 г. ее уже содержала Екатерина Павловна Шевелкина).

Да, Юрьев был торговым городом. Недаром в 1910 г. местный житель, правда, саркастично писал в газету: «Лавок и торговцев в нашем городе хоть отбавляй. Куда ни плюнь - попадешь в лавку. Дрянненькие - а лавчонки».

Прежде всего, было «многое множество» бакалейных и мучных лавок. Центральной и лучшей из них считалась лавка г-жи Хлебниковой, которой, однако, по мнению земляков, не мешало «понизить чрезмерные цены на продукты». Хороша была также лавка Абросимовых, но находилась она «не на столь бойком месте» и была менее популярна.

Вид на Михайло-Архангельский монастырь и Георгиевский собор с Владимирской улицы

Бойким местом считалась центральная площадь. На ней, кстати, на углу с Большой улицей, располагалась лавка купца Хлебникова - приметное одноэтажное вытянутое каменное здание с угловыми пилястрами, имеющими длинные прямоугольные углубления-«ширинки». М.И. Хлебникова являлась одним из издателей открыток с видами Юрьева. Уж не в этом ли магазине в центре города и продавались изданные ею открытки?

А вот дела булочников шли не блестяще. Возможно, потому, что в их товаре покупатели иногда находили «чего-то такое, не совсем что бы хлебное». Владельцы их время от времени, чтобы наладить торговлю, прибегали к рекламным трюкам. Хозяин одной из лавок, несколько лет находившейся на одном месте, вдруг сообщил, что открывается булочная «Новость для Юрьева».

Были в Юрьеве и мануфактурные лавки-магазины. Один из них особенно поражал покупателей большими размерами и обилием товаров. Хозяин его, «тоже большой (по росту) человек, постоянно громовым голосом ругался с многочисленным штатом приказчиков, невзирая на публику, - так что иные покупатели с изумлением поглядывали на него». Хозяин принадлежал к категории людей, которые полагают, что только «ежовые рукавицы» должны быть прилагаемы к служащему элементу». Что до торговли, то тут к строптивому хозяину нельзя было придраться: цены в магазине на все товары, по признанию современников, «правильные и торговля ведется добросовестно».

Надо сказать и об аптеках, или аптекарских магазинах, как их тогда называли. В Юрьеве их было три. Самый лучший - г-на Ольшевского

Юрьев-Польское уездное полицейское управление разыскивает хозяев к найденному мещанином Василием Михайловичем Пашковым около казенной винной лавки в Солдатской улице г. Юрьева кошельку с деньгами 18 руб. 97 коп. и четырьмя записками сельского старосты на вывод скота для

продажи; а потому и просит владельцев найденного явиться с надлежащими доказательствами о принадлежности такового в полицейское управление.

Владимирские губернские ведомости, 1906, № 52.

Юрьевское уездное полицейское управление разыскивает хозяев к найденным 2 февраля 1902 г. крестьянкой села Палазина Юрьевского уезда Матреной Семеновой Шелиной на дороге от Юрьева к селу Палазину: ситцу коричневого цвета с розовыми цветочками - 2,5 ари., голубыми полосками - 4 ари., розовому с цветами - 11 ари. и

сиреневого цвета - 8 ари., шерстяной материи голубыми и красными полосками - 8 ари. и голубому, узорами, бамазею - 12 ари.

Владимирские губернские ведомости, 1903, № 21.

(позднее Екатерины Ольшевской), который периодически рассылал по городу и уезду «изящно отпечатанные полные каталоги своих товаров». Но не раз имевшие возможность наблюдать за хозяином юрьевцы говорили, что, если бы он «не производил впечатления до педантизма меркантильного человека - двум другим магазинам нечего было бы делать, но иногда отталкивает покупателей мелочность хозяина». Помимо частных, в Юрьеве действовала аптека при земской больнице. Аптеку и состоявшую при ней лабораторию обслуживали три человека, выдававшие в день до 200 наименований лекарств.

Деятельность аптекарских магазинов находилась под строгим контролем правительства и местных полицейских чинов и регулировалась специальными «Правилами», раздававшимися держателям магазинов под роспись. Строго наблюдал полицейский исправник и за изменениями в составе служащих в аптекарских магазинах. Так, в марте 1913 г. юрьевский уездный исправник Айзман «доносил» во Владимир, что в вольную аптеку наследников Антонова на должность аптекарского ученика прибыл «велижский 2 гильдии купеческий внук Иосиф Калманов Виктор».

Надо отметить, что тщательный контроль за деятельностью аптек не был новым явлением. Летом 1840 г., когда в Юрьеве, судя по архивным документам, открылась чуть ли не первая вольная аптека, принадлежавшая провизору Ивану Гитнеру, Владимирской врачебной управой был направлен коллежский советник Алякринский, который, осмотрев «изготовленную к открытию» аптеку, нашел, что она «снабжена в достаточном количестве и надлежащего качества аптечными материалами, необходимыми препаратами, посудой и прочее». Позволив Гитнеру открыть аптеку, врачебная управа предписала ему отпускать медикаменты «на законном основании».

Добавим еще, что на рубеже XIX - XX вв. из Юрьевского уезда просто «бежали врачи». Заведующий земской аптекой Дворжецкий, обращаясь в 1901 г. в Земскую управу, писал, что 900 рублей в год ему крайне недостаточно, учитывая «условия, которые представляет из себя местная жизнь в отношении дороговизны всех продуктов, а главное, квартиры с отоплением, которую должен иметь поблизости от аптеки, а таковые гораздо дороже, нежели на окраине города». И лишь к 1910-м годам ситуация постепенно начинает меняться к лучшему.

Первый из известных нам медицинских работников, лекарь Антон Лаврентьевич Зехтин, лечил юрьевцев с 1780 по 1797 гг. Это было время эпидемий, а врачей, прошедших полную медицинскую подготовку, было мало, юрьевский лекарь получил это звание лишь за выслугу лет.

В начале XX века в Юрьеве среди врачей выделялся доктор П.Н. Пацианский. Начиная Пацианский работать еще в земстве и, когда решил оставить место, был немедленно приглашен на службу в город. Популярность его была огромна. Когда в 1908 г. его попытались обвинить в халатности, юрьевец отмечал в «Старом Владимирце», что «все население находится на стороне Пацианского и не верит в его виновность».

Лечебные заведения в Юрьеве принадлежали не только городу и земству. Были они и при фабриках: Т-ва Юрьев-Польской мануфактуры (врач, фельдшер, 12 коек) и Т-ва «Бр. Овсянниковы и А. Ганшин с С-ми» (врач, акушерка, фельдшер, 8 коек).

Но вернемся к торговым делам. Монополия мясной торговли в 10-е годы XX в. находилась в руках братьев Курбатовых. Они выделяли, по мнению потребителей, прекрасные колбасы. Усадьба братьев Ивана, Сергея, Гаврилы и Николая Ивановичей Курбатовых располагалась в 11-м квартале Юрьева и выходила на Спасскую и Луговую улицы. Старый дом братьев располагался на Луговой. В 1904 г. на его месте был отстроен двухэтажный деревянный на каменном фундаменте дом. Здесь же помещались «колбасное заведение» братьев и многочисленные подсобные строения, в том числе ледник.

Братья удерживали на свои изделия «прямо-таки ужасные» цены. И если зимою большинство юрьевцев покупало мясо на базаре по 11 - 12 коп. за фунт, летом горожанам поневоле приходилось обращаться в лавку Курбатовых и платить за «простое русское мясо чуть не 20 коп. за фунт».

Торговали в Юрьеве не только продуктами, мануфактурой и медикаментами. Были лавки с обувью, где обувь имелась, как выразился юрьевец, «со всячинкой»: Были железные и посудные лавки, а также «масса всевозможных палаток с галантерейным, бакалейным, крендельным и другими товарами». И все владельцы, по меткому выражению их современника, «торговали, жаловались, печаловались на судьбу, а торговали».

А какая конкуренция возникла между владельцами магазинов, торговавших одним и тем же товаром! Вот, например, построил Василий Ксенофонович Егоров дом на Воскресенской улице. Понадобилась ему мебель, пошел он смотреть в лавки, где что продают. В одной из них ее владелец Булыгин спрашивает: «Василий Ксенофонович, что вам нужно?» Стали они вместе обсуждать, какая мебель потребуется в новый дом. Поговорили, и направился В.К. Егоров домой: денег у него с собой не было, шел лишь присмотреться к товару. Приходит, а во дворе стоит полная подвода мебели, точно такой, о какой говорил он с Булыгиным. «Расплачивался папа уже потом. Вот так торговали!» - рассказывает дочь В.К. Егорова.

Юрьевский купец Петр Иванович Абросимов. 1886 г.

А вот история, которая характеризует юрьевских купцов и владельцев лавок с другой, не коммерческой стороны. Жили на Новопокровской улице (она хорошо видна на открытке «Вид на Покровскую улицу») две семьи: торговец обувью Петра Васильевича Иванова и Пашковых. Дом Ивановых, большой, в пять окон на улице, красивый, с резным фризом под крышей, был отстроен в 1908 г. Где-то в это же время построили дом и Пашковы - через улицу, чуть в сторону, дом обыкновенный, «в три окна». Несмотря на разницу в достатке, Ивановы всегда по-доброму относились к семье соседей, дети Пашковых буквально росли в доме Ивановых. Известный впоследствии на всю область, А.С. Пашков, работал «мальчиком» у Иванова в обувной лавке «на три раствора». По утрам тихая улица нередко оглашалась песней: «Рай, рай, тра-та-тай. Солдатик убитый, то ль убитый, не убитый, кисеей накрытый». Так А. Пашков извещал хозяина о своей готовности идти на работу. «Тише, Санька, рано еще!» - пытались утихомирить из окон ивановского дома сидящего на лавочке под ними паренька в соломенной шляпе.

Так вот, в году 1909-м отстроились Пашковы и случилась беда: умер глава семьи. Вдова с маленькими детьми осталась без средств, да тут еще подошел срок вносить взнос в Управу, а то и дом грозились отобрать. Вот и пошел П.В. Иванов по торговцам; давали кто сколько мог, составили список, по которому вдова потом постепенно возвращала взятые деньги. Вызвали в Управу, глядь, а «бедная баба» несет, казалось, невероятную для нее сумму. «Стали всячески к ней придираются и зажимать, - рассказывает внучка П.Ф. Пашковой. - И подсчитали, что не хватает полутора - двух рублей, а в то время это были большие деньги. Бабушка побежала к Петру Васильевичу, и он сказал: «Прасковья, на скорейшие деньги и заткни им глотку». Дом остался за Пашковыми. Интересно, что любительские снимки семьи Ивановых, которые видит читатель, бережно сохранили потомки Пашковых.

Ну как не остановить внимание читателей на книжной торговле! «Сопровождавший» нас в походе по лавкам юрьевцев с особой иронией констатировал, что в городе нет только книжной лавки. Это тем более странно, что еще в 90-е годы предыдущего века в Юрьеве было аж пять книжных магазинов: мещан - Алексея Боченина, Василия Кузнецова, Николая Меньшикова, Галины Меньшиковой и купца Елпидифора Пашкова. В дальнейшем количество книжных магазинов неуклонно росло. В 1902 г. их было уже шесть: к трем первым лавкам, из перечисленных выше, добавились лавки купца Николая Алексеевича Булыгина, купеческих братьев Меньшиковых и «купчихи» Евдокии Петровны Ганшиной. В 1903 г. в Юрьеве числилось 9 книготорговцев, их ряды пополнили мещане Федор Ильич Бородулин, Сергей Петрович Щекин и крестьянин Петр Павлович Котов. В 1905 г. в отчете к уже перечисленным девяти владельцам лавок исправник добавил еще двоих: упоминавшуюся ранее Г. Меньшикову и купца Михаила Пименова. Куда же делось все это разнообразие после 1905 г.? Очевидно, отсутствие в 1910 г. в Юрьеве

Нет у нас только книжной лавки, но разве можно юрьевцам мечтать о такой роскоши? Многие из нас и газету-то не особенно любят просматривать, какие уж тут книжки? В калачный ряд забираться не «могим». Некоторым из нас гораздо интереснее приютить у себя какого-нибудь бла-

женненького странничка; он нам такое расскажет, чего книжным мудрецам и во сне не приснится... Хорошо, ах как хорошо рассказывают блаженненькие!

Старый Владимирец,
1910, № 94.

На лавочке у дома Ивановых (слева направо): Петр Васильевич Иванов, Елизавета Васильевна, Ольга Ивановна - супруга, Енава Васильевна, Филисата Васильевна. Мальчик, стоящий сзади, - Саня (Александр Сергеевич Пашков).

Во дворе дома Ивановых. Николай Сергеевич Пашков (второй ряд, крайний справа), Елизавета Васильевна Иванова (третий ряд, слева).

Дом Ивановых

Павел Михайлович и Анна Алексеевна Демидовы. Владельцы чайной на бывшей Сенной площади.

Михаил Демидов с семьей. Сзади молодой человек - Павел Михайлович Демидов.

книжных магазинов было следствием первой русской революции и наступившей в стране реакции. Жаль, поскольку четыре владельца книжных лавок - Н.П. Меньшиков, В.В. Кузнецов, А.А. Боченков, Г. Меньшикова - не были в этом деле людьми случайными и имели в 1905 г. по крайней мере пятнадцатилетний стаж.

Юрьев никогда не был городом развитой промышленности, скорее, это был купеческий и ремесленный город. Составляя отчет о жителях Юрьева в середине 1830-х годов, городничий Боровитинов прежде всего обратил внимание на купечество (в 1837 г. «было объявлено капиталов»: купцов второй гильдии - 7, третьей - 110), предмет его занятия «состоит в обрабатывании фабричных изделий: ситцев, миткалей, равендуков и тиков»; и перечислил всевозможные лавки: хлебные, москательные, галантерейные, мясные, с красным товаром. В городе были десятки ремесленников, среди которых выделялись своим количеством: портные (15), сапожники (15) и, как ни странно, живописцы (5). Имея четырех серебряных дел мастеров, Юрьев обходился услугами всего двух тележников и одного колесника. Но к моменту выпуска видовых открыток круг профессий, в которых были заняты ремесленники, настолько расширился, что полиции приходилось подразделять их в отчетах на несколько больших групп, а именно: приготовляющих пищу, приготовляющих предметы одежды, приготовляющих предметы домохозяйства (печники, лудильщики, медники, каретники и т.п.) и «прочие ремесленники, принадлежащие к 1 разряду» (извозчики, часовщики, чеканщики, живописцы и т.д.). В 1908 г. в Юрьеве насчитывалось 770 человек, занятых ремеслами. Интересно, что по востребованности первенство среди ремесленников по-прежнему удерживали портные (27), модистки (35) и сапожники (20), на которых работало еще 278 человек.

Да, Юрьев не был индустриальным городом. Со временем количество промышленных заведений в нем даже сократилось. К 1849 г., согласно отчету городничего, их было 15: 5 ситцевых фабрик, 5 бумажных, 2 пестрядинных, 2 кожевенных завода и 1 сальный. А вот география сбыта производимой ими продукции заметно расширилась. Однако у Городской думы была иная точка зрения на интенсивность развития промышленности в Юрьеве. Вспомним 1867 г. Знакомый читателю почетный судья Павел Чичерин предложил Думе «законно изгнать из го-

рода заведения, портящие воду». Что тут началось! П. Чичерин отнюдь не объявлял войны промышленности и промышленникам города, он просто заботился о состоянии здоровья всех, в т.ч. владельцев фабрик и заводов, скромно названных им «заведениями». Тем не менее, Дума, забыв про другие предложения судьи, обсуждала лишь это «крамольное» предложение, результаты чего занудливо осветила в своем постановлении. В нем есть два интересных момента: во-первых, уже в то время в Юрьеве наметилась тенденция, при которой в дальнейшем в городе сохранятся два-три сильнейших предприятия. А во-вторых, они были сосредоточены выше, чем годод, по течению Колокши, что приносило горожанам массу, мягко говоря, неудобств.

Какие же фабрики и заводы работали в Юрьеве в 1910-е годы, тогда, когда выпускались видовые открытки? Это были: бумаготкацкая фабрика Товарищества Юрьев-Польской Мануфактуры, принадлежавшая Ф.К. Прохорову; бумаготкацкая фабрика братьев Случаевых, Александра и Константина Михайловичей; бумаготкацкая и красильно-аппретурная фабрики Товарищества «Братья Овсянниковы и А. Ганшин с сыновьями»; фабрика Торгового дома «И.И. Курбатов и К°», а также мастерская земледельческих орудий Корноухова, которую иногда называли заводом.

Мы уже не раз обращали внимание на открытку, на которой видна недостроенная Покровская колокольня. На переднем плане этого вида хорошо просматривается мост через Колокшу, получивший название станционного. Если посмотреть вправо от моста, то на берегу Колокши можно увидеть заводик земледельческих орудий, который находился в черте города с 1900 г. Его владельцем был крестьянин с. Волствиново

Статистическое описание города Юрьев-Польского.

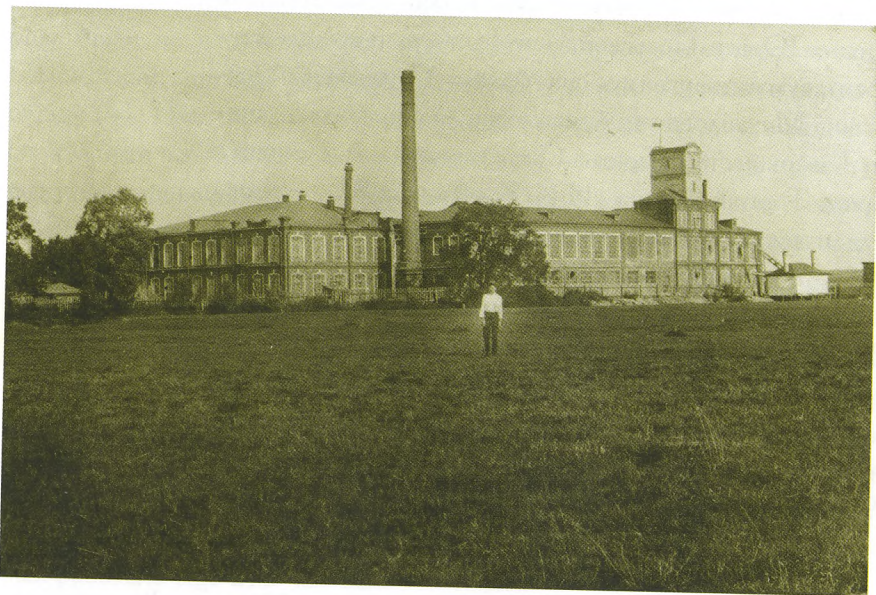
Лавок в гостином дворе 73, из них с красным товаром 20, хлебных 7, овощных 27, кожевенных 10, железных 4 и мясных 5, винных погребов 3, трактиров один, харчевен 10, постоянных дворов 8, питейных домов 7. Фабрик в городе 14, - из них ситцевых 6, бумажных 5, пестрядинных 3. Сбыт товаров производится в Москве, Нижнем Новгороде, Ростове, Харькове, Курске и даже в Ирбите. Кожевенных заводов 2. Кожы и для выделки их кора

покупаются в уездах: Юрьевском, Владимирском, Суздальском и Ростовском. Выработанный товар сбывают в самом Юрьеве, частично во Владимире и Москве. На фабриках и заводах находится рабочих до 800 человек; кроме того, на сии фабрики работают крестьяне по деревням. Товаров выделяется в течение года примерно на 1000000 руб.

Владимирские губернские ведомости, 1848, № 50.

Ксенофонт Дмитриевич Корноухов. В 1912 г. в мастерской работало 25 человек, изготавливавших плуги, жнейки, веялки, бороны. Спрос на изделия заведения был настолько велик, что потребовалось расширить производство. К.Д. Корноухов неоднократно обращался в земство с просьбой о выдаче пособия на эти цели. В 1902 г. Земская управа постановила выдавать ему по 115 руб. в течение трех лет ввиду громадной пользы, «какую приносит заведение Корноухова населению Юрьевского уезда в смысле распространения среди населения усовершенствованных земледельческих орудий».

А вот другая открытка: заканчивается Большая улица, впереди видны Петропавловский монастырь и кладбищенская церковь, справа - трехэтажное каменное здание - то самое, у которого мы, гуляя

Красильная фабрика Товарищества «Братья Овсянниковы и А. Ганшин с сыновьями»

Фабричные заведения существуют в Юрьеве более 100 лет и никакого вреда гражданам не приносят, кроме существенной пользы, и на вред никто из граждан никогда и никому не жаловался, и что в настоящее время фабричных заведений в Юрьеве уменьшилось против прежних фабрик лет десять тому назад в значительном количестве, а именно в 20 раз, то если при многочисленности бывших фабричных заведений вреда для города несколько не было, кроме приносимой пользы и обогащения

жителей, а тем более эта незначительная малочисленность фабрик несколько не приносит вреда, но если же остальные оставшиеся незначительные фабрики будут изгнаны, то как содержатели фабрик, так равно и жители города неминуемо должны прийти к великому разорению.

Из Постановления
Юрьевской Городской думы
от 27 мая 1867 г.

по центральной улице города, сворачивали в Козьмодемьянский переулок. Вот и настало время рассказать о настоящем царстве Ганшиных, поскольку здесь, в 6-м и 8-м кварталах города, разделяемых Козьмодемьянским переулком, многие дома принадлежали членам этой фамилии, а 7-й квартал Юрьева был полностью отдан под известную и по сей день фабрику. Но начнем мы с трехэтажного здания, угол которого хорошо виден на рассматриваемой нами фотографии, - здания раздаточной конторы.

С давних пор в Юрьевском уезде было развито ткачество полотен из льна, выращенного здесь же. К середине XIX в., с проникновением во Владимирскую губернию хлопчатобумажной пряжи, производство хлопчатобумажных тканей стало быстро вытеснять ткачество льняных. С окончанием полевых работ крестьяне многих деревень и сел Юрьевского уезда устанавливали в избах ткацкие станы. Юрьевские купцы и зажиточные крестьяне раздавали пряжу ткачам через «мастерков» или светелочников, то есть тех, кто содержал светелки - большие избы, в которых одновременно работали 10 - 12 ткачей, проборщиков и малолетних шпульников.

Именно в это время, в 1855 г., на берегу Колокши появилось небольшое деревянное заведение - «шпульная» с ручным приводом, принадлежавшая купцу А.В. Ганшину. Здесь готовили пряжу для заправки на ткацкие станы. Дело расширялось, и уже через несколько лет А.В. Ганшин и его компаньон Д.А. Овсянников раздавали пряжу на тысячи крестьянских станов. К концу XIX в. в конторе раздачи бумажной пряжи г. Овсянникова и Ганшина трудился 71 рабочий. Она была оборудована 20 деревянными ручными сновальнями, 36 ткацкими ручными станками, 3 клеильными корытами и 1 гидравлическим прессом. В 1912 г. в раздаточной конторе А.В. Ганшина с сыновьями работало уже 327 человек, выпускавших тик и сарпинку.

По другую сторону Большой улицы, напротив здания раздаточной конторы, располагались корпуса предприятия Ганшина и Овсянникова. Ко времени появления открыток с видами города оно было уже широко известно и за пределами Юрьева. А начиналось все в 1856 г., когда юрьевские третьей гильдии купцы Дмитрий Александрович Овсянников и Алексей Васильевич Ганшин «известили купечество печатными листами» о том, что 15 января достигли они согласия вести «общую тор-

г. Юрьевъ — Польскій Влад. губ. Общій видъ

Общій вид Юрьева.
На переднем плане завод земледельческих орудий Корноухова.
Справа видна недостроенная Покровская колокольня.

Большая улица.
Вид от фабрики и раздаточной конторы на Петропавловскій монастырь.

Большая улица от Переславской заставы.
Слева сад Ганшиных.

Во дворе фабрики Ганшиных

говлю» и открыть в Юрьеве «на общескладочный капитал из десяти тысяч серебром фабричное заведение под фирмою: Д. Овсянников и А. Ганшин». Направляя в Городскую думу договор и свидетельства «на право торговли по 3 гильдии», они покорнейше просили «по утверждении фирмы сделать о том на торговых свидетельствах надпись».

Любопытно содержание приложенных купцами к договору свидетельств, которые Юрьевской думе в первой половине XIX в. приходилось выдавать особенно часто. Купец 3-й гильдии имел право торговли «в городе, где он записался, и в уезде, где этот город находился, всякими российскими товарами, также иностранными, купленными от лиц, состоящих в первых двух гильдиях, и от крестьян». Он мог также содержать питейные заведения, трактиры, фабрики и заводы. Налагало свидетельство определенные обязанности общественного характера, т.е. готовность «принимать на себя» должность городского головы, бургомистра, ратмана, торгового депутата и пр.

Из представленного договора, который купцы обязались «хранить свято и нерушимо», следовало, что в общий капитал 6 тыс. рублей внес Овсянников и 4 тыс. рублей Ганшин. Зато контору «по удобствам» условились

Администрация местной фабрики г.г. Ганшиных объявила, что все служащие, призванные на войну, будут получать для своих семейств полный оклад жалования. Кроме того, за призванными сохраняются и места. Семьи призванных рабочих

Здесь на местных трех фабриках: Ганшина, Прохорова и Курбатова - насчитывается близ шести тысяч человек, преимущественно женщин и девушек. Заработок женщин колеблется между 12 и 18 руб. в месяц, мужчин несколько выше. На этом весьма скромном «бюджете» выжидается, порою, благосостояние целой семьи и потому немудрено, если в часы перерывов из фабричных ворот вместе с взрослыми движутся целые толпы подростков как мужского, так и женского пола. Еще не окрепшее физически и не развитое нрав-

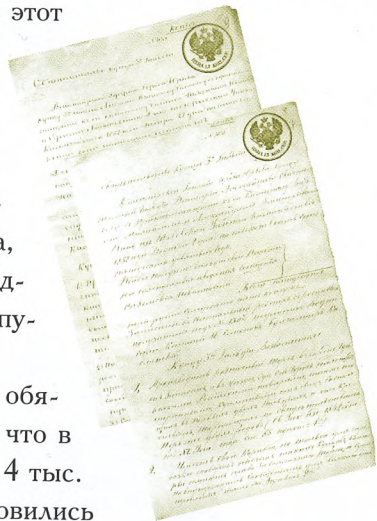
будут ежемесячно получать по 2 р. на каждого ребенка, не достигшего 15 лет. Места также сохраняются за рабочими.

Старый Владимирец,
1914, № 169.

ственно дитя вступает в «самостоятельную жизнь», знакомится со всей премудростью фабричной жизни, входит в курс всей ее нравственной уродливости... Достаточно сказать, что в городишке с 9 тысячами населения имеется целая улица, заполненная буквально шинками и протитутками. Мало того, вал близ жалкого городского садика является местом для каждого, жаждущего продажных лобзаний.

Старый Владимирец,
1913, № 174.

Объявление
в Юрьевскую
Городскую думу
купцов
Д.А. Овсянникова
и А.В. Ганшина
об открытии
совместного
Торгового дома.
Июнь 1856 г.

поместить «в имении» А.В. Ганшина, в доме № 158, находившемся в 8-м квартале города, без арендной платы.

Партнеры оговорили право каждого «к прекращению товарищества во всякое время», но их союз не распался. Спустя 30 лет, в ноябре 1886 г., уже сыновья Алексея Васильевича Ганшина, Николай, Иван и Сергей, представили в Министерство финансов «для исходатайства утверждения» проект устава Товарищества на паях под наименованием «Фабрично-торговое Товарищество «Братья Овсянниковы и А. Ганшин с сыновьями». Из отчета уездного исправника Маслова, тогда же представленного в Департамент торговли и мануфактур, следовало, что фабрика ежегодно производила товар на сумму до 500000 рублей. На купцов только при фабрике в Юрьеве трудилось до 120 рабочих, да еще по селам около 200. Значительная часть рабочих, и не только «ганшинских», жила в ближних деревнях и селах. Поэтому «как только прогудят первые фабричные гудки: прохоровский - басовитый, ганшинской ткацкой - тоном повыше, и совсем визгливый - на красильной фабрике, так по дорогам и полевым тропинкам со стороны окрестных селений Даниловского, Ильинского, Кузьмадина и Красного села непрерывными цепочками тянулся на смену рабочий люд».

Предприятие, начав свое существование с 50 станков, постоянно разрасталось, к 10-м годам XX в. за скромной металлической оградой, тянувшейся вдоль Большой улицы, находилась уже огромная фабричная территория. В 1895 г. Ганшины построили деревянный корпус, рассчитанный на 80 станков с паровым двигателем. В следующем году - корпус на 250 станков, долго носивший название «малинник». В 1897 г. завершилось строительство каменного трехэтажного корпуса, первый этаж которого предназначался для размещения ткацких станков, второй - мотальных, верхний - для сновальных и шлихтовальных машин. В мае 1904 г. Н.А. Ганшин получил разрешение на постройку при фабрике в 7-м квартале города «каменного ткацкого корпуса взамен существующего деревянного с некоторым прибавлением в ширину», а также «каменной дымовой трубы взамен существующей железной с прибавлением в высоту около 15 аршин» - той, что мы видим на открытке. Позднее был возведен новый фабричный корпус на 108 станков, рассчитанный на верхнее освещение, за что и получил меткое название «оранжерея».

С.О. Овсянников

Д.М. Овсянников

И.А. Ганшин

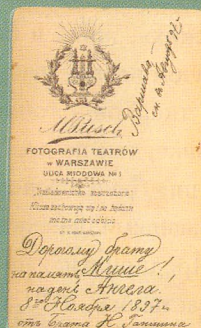

Н.А. Ганшин

С.А. Ганшин

Н. Ганшин

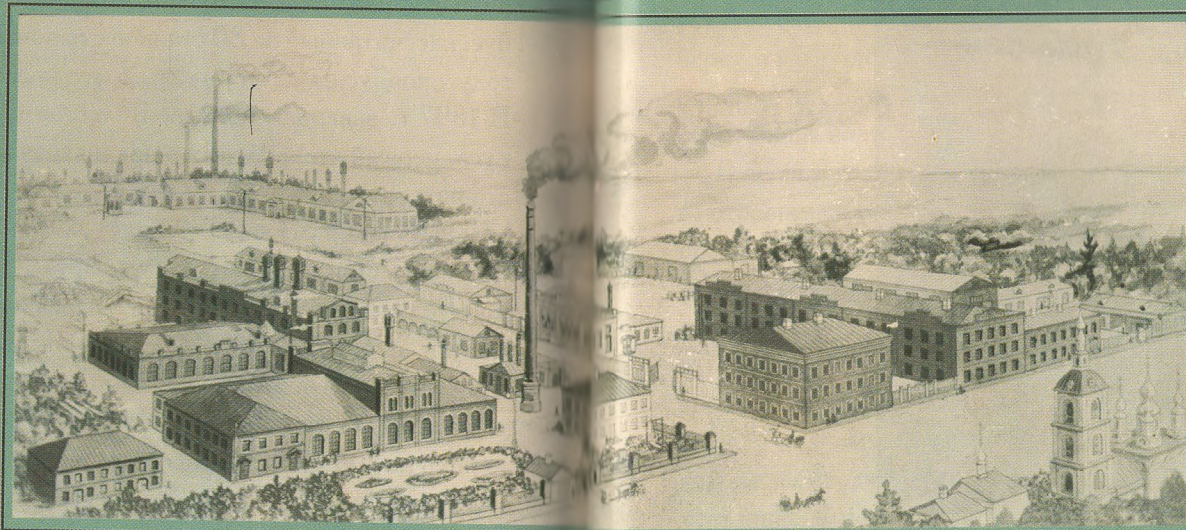
Правление фабрики и Московское отделение фабрично-торгового Товарищества «Братья Овсянниковы и А. Ганшин с сыновьями». 1908 г.

Василий Иванович Иванов, доверенный Ганшиных в Омске.

Handwritten letter in Cyrillic script, partially obscured by a stamp.

Внутренний двор фабрики Прохорова

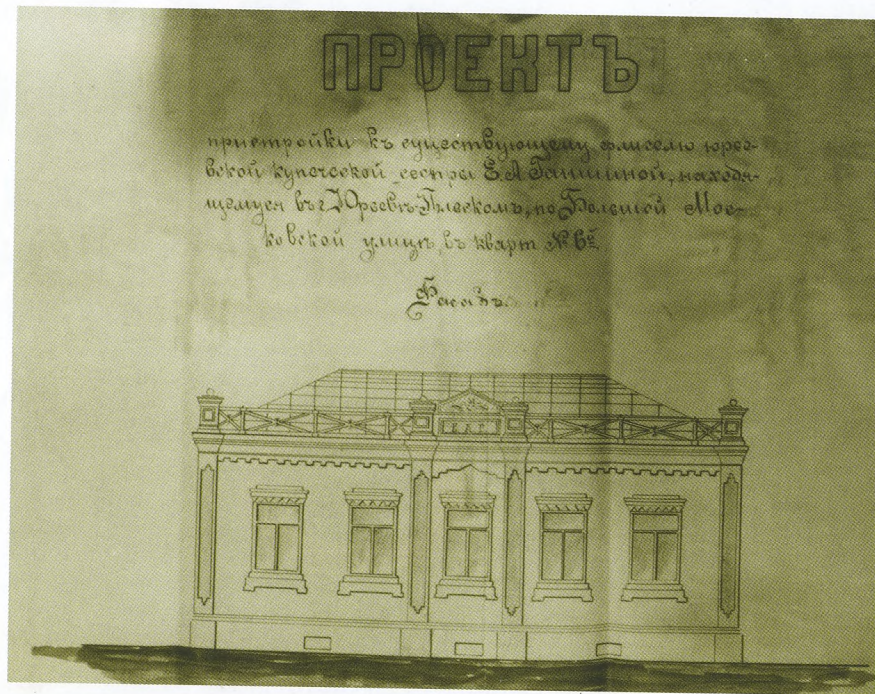
Общий вид фабрик торгового Т-ва «Братья Овсянниковы и А. Ганшин с сыновьями». Рисунок начала XX века.

Быстро набравшему обороты предприятию на принадлежавших Ганшиным землях уже было тесно, и фабриканты приобрели примыкающий к фабричной территории участок с двухэтажным домом и фруктовым садом. В 1913 г. осуществили монтаж станков в двух фабричных корпусах, в так называемых «Новой фабрике» (250 станков) и «Поперечной фабрике» (256 станков).

Таким образом, к 1915 г. было задействовано 1129 станков, и ткацкая фабрика выпускала в год свыше 7 миллионов метров различных тканей. Расположенная на правом берегу реки Гзы, на восточной окраине города, красильно-аппретурная фабрика Товарищества отделявала и окрашивала более 9 миллионов метров ткани в год. В отделку Ганшины принимали ткани с других предприятий.

С самого начала своей деятельности Ганшины ориентировались на восточные рынки сбыта - Нижегородскую, Симбирскую, Крестовскую, Ирбитскую, Ишимскую ярмарки. В Акмолинск, Куянды, Атбасар, Кокчетав тянулись обозы и наемные верблюжьи караваны, нагруженные тканями, выработанными в Юрьеве-Польском. С проведени-

Фасад дома купеческой сестры Е.А. Ганшиной. Проект 1900 г.

ем железнодорожных путей в конце XIX - начале XX в. Ганшины, помимо центральной конторы в Москве, открыли отделения в Петропавловске, Омске, Верхнеуральске. Оформляли сделки в Ташкенте, Владивостоке, Харбине и осуществляли поставки товаров в Маньчжурию, Персию, Афганистан. Торговые палатки Ганшиных в Петропавловске и Омске выросли в универсальные магазины, имевшие собственные электростанции, подъемные машины и транспорт. Большая часть штата этих магазинов, а только в Петропавловске он составлял 250 человек, состояла из юрьевцев.

Все, о чем мы рассказали, было только одной стороной медали. В прошлые годы много говорилось о тяжелой доле юрьевских рабочих, условиях их жизни, их труда. Все это требует сейчас дополнительного изучения и переосмысления и не входит в наши планы. Нельзя забывать и о непростой экологической обстановке в Юрьеве рубежа XIX - XX вв., хотя эта проблема юрьевскими фабрикантами постепенно решалась. Так, в апреле 1913 г. в связи с запросом Товарищества «Братья Овсянниковы и А. Ганшин с сыновьями» на разрешение строительства еще одного корпуса ткацкой фабрики Губернское правление предписало Юрьевскому полицейскому управлению «произвести врачебно-полицейский осмотр означенной фабрики для определения, не происходит ли от существующей фабрики порчи воздуха, воды и вообще вреда в санитарно-гигиеническом отношении». При осмотре было установлено, что она имеет «изолированный вид», воду для своих нужд берет из городского водопровода и обходится двумя прудами: вода одного используется для охлаждения машин, в другой поступают «отработанные воды». Спуска таких вод в Колокшу обнаружено не было.

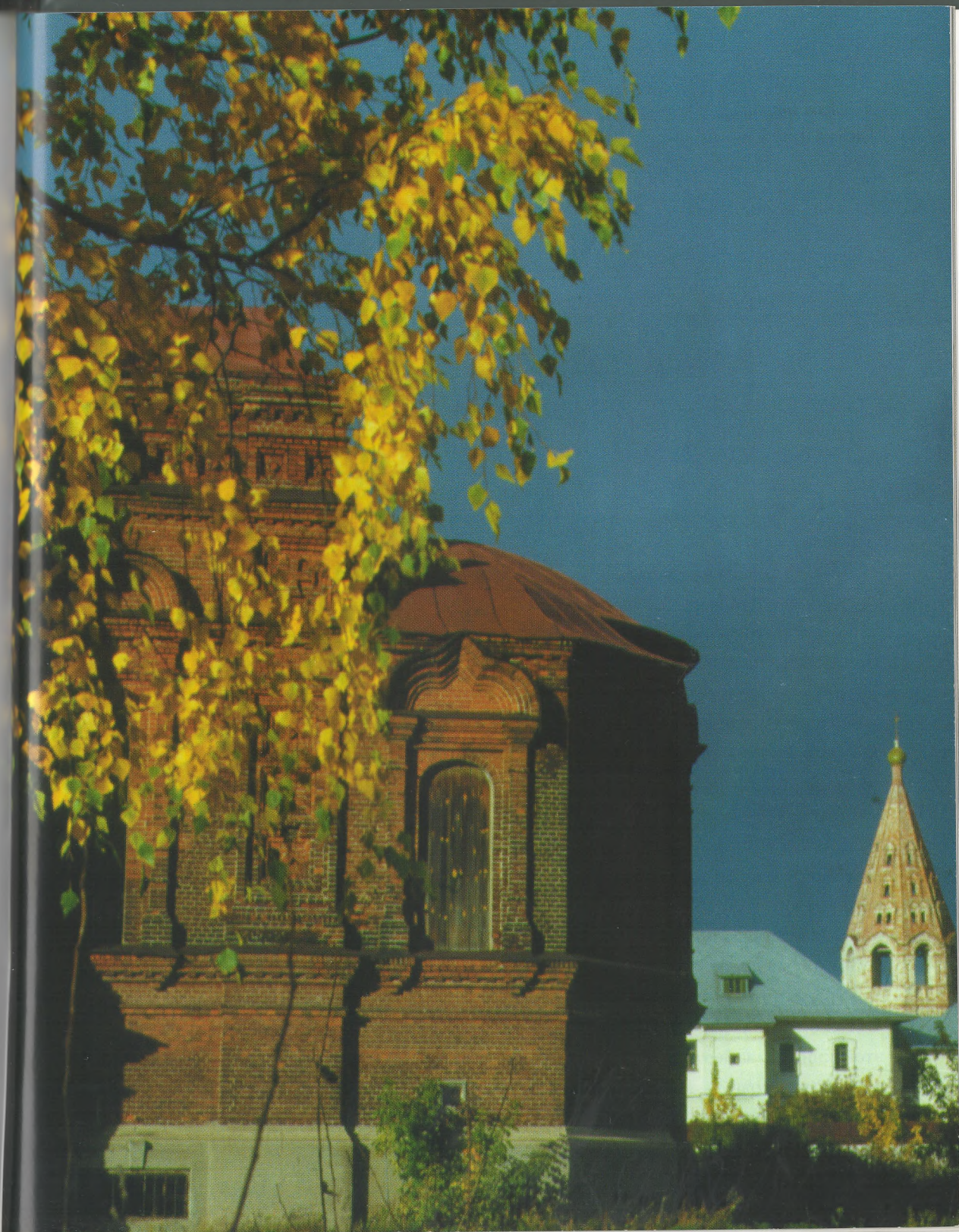
В первые годы XX в., когда на гребне революции появились газеты, в которых каждый мог высказаться довольно свободно, был предан гласности один момент, обсуждение которого до сих пор не выходило за рамки приятельских разговоров. Обывателя раздражало «именитое» купечество, «ворочающее капиталами, а следовательно, и городом». Жили купцы, по его мнению, лишь «заботой о наживе лишнего рубля», благотворительность их была мнимой, а «жажда отдать все силы свои на службу родному городу» объяснялась тем, что «эта служба и заботы о городе не вредят карману». Озлобленность умело маскировалась под отстаивание позиций предыдущего состава гласных Городской думы

(тоже, кстати сказать, в подавляющем большинстве бывших купцами) и со всей силой обрушилась на Николая Алексеевича Ганшина, избранного с 1906 г. городским головой. Плохим главой города он, конечно же, не был. Просто теперь любой сторонник прежней думской партии, любой недовольный мог выплескивать на него свои обиды в прессе, причем в ряде случаев совершенно незаслуженно.

Между тем обыватель забывал, что именно купцы как люди состоятельные делали для города немало. Уходя из жизни, многие из них оставляли свои капиталы городу, которые шли на раздачу к праздникам подарков бедным юрьевцам, на обеспечение приданым бедных невест, на содержание богадельни и тому подобные благотворительные цели. К началу XX в. Юрьеву были завещаны капиталы М.Г. Шевелкина, Н.Н. Лысенко, В.М. Гурьевой, М.Е. Лялиной, г.г. Яковлевых, Н.Д. Менщикова, Н.Д. Константинова, Е.А. Вихревой, М.П. Шевелкина, М.И. Крашенинникова, А.Е. и М.С. Красковских, В.Н. Маслова. Размер этих капиталов Ф. Брокгауз и И. Ефрон оценивали в 135187 руб. Известны были своей благотворительностью и Ганшины.

Несмотря на жесточайшую критику в прессе, в 1910 г. Н.А. Ганшин был избран городским головой на очередной четырехлетний срок. Без сомнения, газетные выступления оппозиции городского головы поспособствовали тому, чтобы Ганшин в эти годы руководства Юрьевом совершил для его жителей еще много хорошего. Ценны эти публикации и для нас, поскольку очень живо, образно, со всеми достоинствами и недостатками рисуют нам жизнь Юрьева как раз в то время, когда фотографы снимали его виды для открытых писем.

Проблем было немало, но, должно быть, самую важную, наиболее волновавшую интеллигенцию города, поднял автор статьи, в июле 1909 г. рассказавшей читателям «Старого Владимирца» о постановке в Юрьеве чеховской пьесы «Иванов». Задавшись вопросом «чем живет провинция?», автор сделал неожиданный для многих его современников, слишком оптимистичный, по их оценкам, вывод: *« в захолустье должна быть и есть жизнь »*.

*Я люблю эту тишь... Я люблю над рекой,
Где она изогнулась излучиной,
Утонувши в траве, под тенистой листвою,
Отдохнуть в забвении утомленной душой,
Шумной жизнью столицы измученной...*
С.Я. Надсон, 1884.

В захолустье должна быть и есть жизнь

Мне пятнадцать. Я стою в центре Юрьева у торговых рядов и не могу сдержать слезы. Мама привезла меня в город, в котором прошли семь лет ее учительской жизни. «Мне тебя жалко», - всхлипываю я. Как может она с благодарностью вспоминать годы, проведенные в этом крохотном городке? Мама смеется. Она вновь и вновь рассказывает об интереснейших школьных вечерах и новогодних маскарадах, о выступлениях на учительских конференциях в областном центре, о посадке деревьев на пустыре перед школой, а также вдоль долгих и таких безликих без зелени улиц Парижской Коммуны и Гражданской, о походе с учащимися в Суздаль, с которым их знакомил сам А.Д. Варганов, о катании с ними же зимой на катке (как это будоражило город!) и, наконец, о спектаклях в народном театре, о том, как готовили декорации и шили костюмы, иногда прибегая к помощи получивших еще гимназическое образование старых учителей, о том, как самозабвенно и талантливо играли молодые учителя и рабочие.

Вспомнила я тот далекий день много лет спустя, когда, работая над этой книгой, замерла, пораженная, над хрупкими страницами старой газеты: как созвучны были и мои переживания, и переживания молодых учительниц 1950-х тому, о чем писали юрьевцы в 1909 г.!

Р.И. Мозгова
с учащимися.
Сидят, слева
направо:
Галя Грот, Володя
Новосельский
и Сережа Пашков.
Конец 1950-х
годов.

Колонна
школы №1
на Первомайской
демонстрации
1954 года.
Впереди
Валентин
Сергеевич
Русинов
и Василий
Федорович
Троицкий.

Взятая нами в качестве заголовка этой главы жизнеутверждающая фраза восторженного рецензента юрьевской постановки «Иванова», воспринимавшего ее как весьма обнадеживающее событие в безрадостной жизни провинции, повергла в шок его более приземленного оппонента: «есть оптимисты, которые и в аду найдут хорошие стороны». Ну как, в самом деле, мог сделать столь неожиданный вывод человек, совершенно справедливо писавший в начале статьи: «Как часто не раздумываешь над вопросом, чем живет провинция, бьется ли в ней хоть маленькая искорка жизни и интерес к чему-либо - к определенному выводу не приходишь. Встает перед тобой унылая, беспросветная захолустная скука, царство сплетен, слухов, кумовских гаданий и предположений... Рисуетя отсталая, без эстетических удовольствий, без общественных стремлений простенькая, серенькая жизнь, а на фоне ее маленькие незаметные люди. Встанет эта картина и поразит своей монотонностью, однообразием, отсутствием ярких живых красок. Жалко станет, обидно».

Нельзя на такой ноте расставаться с Юрьевом, тем более, что город, с которым познакомили нас старые открытки, город, давший нам возможность прикоснуться к подернутым патиной, изъеденным временем древним камням Георгиевского собора, - этот город несомненно стал для нас роднее и ближе.

Поэтому напоследок предлагаем проследовать по Юрьеву начала XX в. маршрутом детей, наблюдателей непосредственных, впечатлительных и незаинтересованных. Это учащиеся земской четырехгодичной начальной

15 мая, в помещении Юрьев-Польского реального училища, Юрьев-Польской педагогической комиссией по оказанию педагогической помощи детям лиц, принимающих участие в настоящей войне и лиц, непосредственно от нее пострадавших, - была устроена лотерея-аллегри. В числе выигравшей главным образом помещены были изделия и работы учащихся местных учебных заведений -

За 6 месяцев трудами дам-членов комитета изготовлено 7398 шт. разного белья, из числа которых отправлено непосредственно в армию 1428 шт., отдано для городского и земского юрьевских лазаретов 3968 шт., для Управления юрьевского воинского начальника 240 шт. Кроме белья, в ар-

как-то: реального училища, женской гимназии, высшего мужского и высшего женского начальных училищ. Лотерея прошла с большим успехом - все билеты были проданы. Чистый сбор выразился в сумме до 500 руб.

Старый Владимирец,
1916, № 11.

мию послано 20 пуд. махорки, 17,5 пуд. баранок, 6,5 пуд. колбасы, 600 пуд. сухарей, 48 кус. мыла и 1709 кисетов с чаем, сахаром, папиросами и пр.

Старый Владимирец,
1915, № 46.

школы деревни Ульяниха Покровского уезда, в июле 1914 г. первый раз в жизни увидевшие город. Неудивительно, что «большинство впечатлений, полученных во время экскурсии, были для них совершенно новыми, ранее неиспытанными. На что бы глаз ни обращал их внимание - все их интересовывало и даже удивляло».

С тех пор, как в 1911 г. учебным заведениям было разрешено проводить образовательные экскурсии, они стали эффективной формой работы с учащимися. Преподаватели школы А.Н. и К.И. Миловидовы избрали для

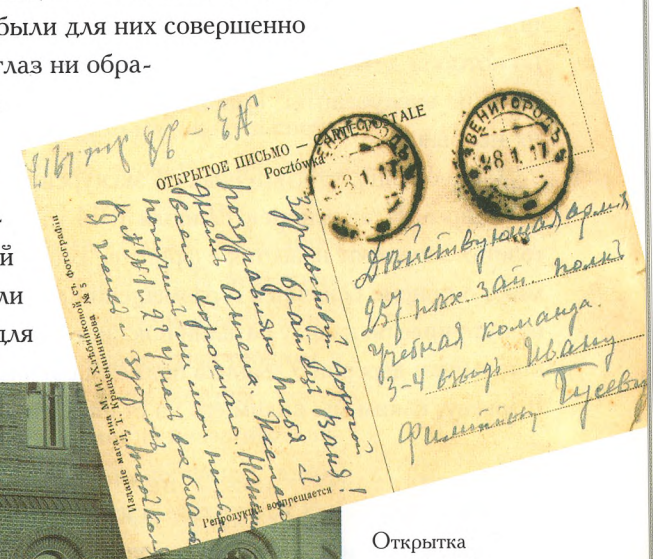
Открытка юрьевцев в действующую армию.

Госпиталь в здании реального училища. 1919 год. Во втором ряду сидят: первый слева фельдшер М.И. Колотиллов, в центре врач П.Н. Падианский.

7 августа состоялось чрезв. Юр. уезд. земское собрание. В связи с текущим моментом собрание вынесло следующие постановления. Обратиться к обществам крестьян уезда с просьбой об уборке полей лиц, взятых в качестве запасных, и выдать для этого все необходимые с/х машины. Решено также выдать семена семьям крестьян, взятых на войну, без %, до урожая будущего года. Принять 30 ран. на содержание земства и открыть в с. Симе, при земской больнице, лазарет

для выздоровл. ран. и больных, причем из числа их 10 человек принял на свое содержание князь А.Б. Голицын. На содержание ран. ассигновано временно из оборотных средств 1000 р. За земскими служащ., ушедшими на войну, сохранить их места, и им будет выдаваться содержание без квартирных денег.

Старый Владимирец,
12 августа 1914, № 176.

посещения своими подопечными именно Юрьев. Под присмотром наставников 8 девочек и 21 мальчик пешком преодолели 4 версты до станции «Келерово», а оттуда добирались до Юрьева по железной дороге, по которой дети путешествовали впервые. Как потом признавались маленькие экскурсанты, «машина с ее паровозом и движением» удивила их необычайно.

Символично, что материал об экскурсии в Юрьев будет опубликован в «Старом Владимирце» 19 июля 1914 года. Уже на следующий день в газетах запестрят известия с фронтов, сообщения о сборах посылок в армию, о приеме беженцев и размещении раненых, и даже предвыборные, нешуточные по накалу баталии покажутся тогда сугубо мирными. А пока школьники деревни Ульяниха подъезжали к незнакомому для них городу Юрьеву, каким мы видим его на старых открытках.

«...Экскурсанты нашли себе приют при церковно-приходской школе, содержимой на средства Товарищества «Бр. Овсянниковы и А. Ганшин с С-ми». Здесь представительница Товарищества Э.А. Ганшина, обычно с редкой любовью относящаяся в особенности к учащимся и небогатой детворе, не только озаботилась, с совета местных учащихся, об удобном для детей ночлеге, но и распорядилась поить их чаем с белым хлебом и кормить сытным обедом и ужином».

Воскресенский приход был самым небольшим, в 1896 г. к нему относился лишь «41 двор» с 411 прихожанами. Тем не менее, в первое десятилетие XX в. он начинает играть заметную роль в жизни города. Это и не удивительно, поскольку именно в этом приходе прожива-

Этот детский праздник был устроен 12 января. В празднике были три отделения: 1-е отд. - песни и стихотворения, выражающие благодарность детей к благодетелям школы, и мысли детей о событиях Рождества Христова; 2-е отд. - песни, зовущие к дружбе, к взаимопониманию, к состраданию, к любви к родине, заветы к настойчивости и терпению в труде и невзгодах житейских...; 3-е отд. - песни и игры, возбуждающие детское веселье и детскую радость. Играл струнный любительский оркестр из 18 ч-к, организованный учителями

школа В.М. Шарогоровым. Заключалась программа раздачей гостинцев и книжек. Кроме сестер содержателей школы и многих родителей детей и вообще гостей, «Елку» посетили г. директор и несколько учителей местного реального училища, местный уездный о. наблюдатель церковных школ и учредительница местной женской гимназии.

Старый Владимирец,
1914, № 6.

ли наиболее богатые фабриканты Юрьева - Ганшины, в том числе главное лицо в городе - Николай Алексеевич Ганшин. Если раньше Воскресенская и Варваринская церкви были вправе рассчитывать на щедрость Ганшиных (и эти ожидания всегда оправдывались), то, начиная с 1906 года, отношения Ганшиных к приходу становятся вопросом политическим, и с этих пор название прихода то и дело мелькает в сообщениях прессы о тех или иных событиях Юрьева, в первую очередь, благотворительных.

Одним из таких в полном смысле событий стала «Елка», устроенная при Воскресенской приходской школе 12 января 1914 г. В этот день школа была украшена «красной материей, хвоей, флагами, плакатами с изречениями». Дети пели всей школой, декламировали, участвовали в организованных для них играх, «внесших в детскую душу заметное, почти восторженное веселье». Как отмечал присутствовавший на празднике священник К. Твердислов, «радость и восторг были написаны на их лицах». Детям очень не хотелось покидать школу, расставаться с «Елкой». Особенно же довольны были родители, «большой частью ткачи и ткачихи», они с умилением смотрели на своих радостных и веселящихся детей.

По окончании праздника заведующий и учителя школы от всей души выразили благодарность «содержателям школы за то, что они охотно уделили значительные средства для того, чтобы создать для их питомцев светлый, приснопамятный день в их жизни». За прекрасную организацию игр учителю В.М. Широгороду, как и учителю пения, была выражена особая благодарность.

Детские праздники, конечно, устраивались не только в Воскресенском приходе. «Елки» для «бедных детей наших окраин», как информировали «Старый Владимирец» из Юрьева, проходили и в чайной По-

20 января после десяти лет ожидания открыт детский приют ведомства учреждений Императрицы Марии. В 10 часов утра в здание приюта, пожертвованное М.С. и Н.А. Красковскими, принесена была чтимая здесь икона Божией Матери, Владимирская, и духовенством с участием Христорождественского любительского хора был отслужен молебен. Священником А.Ф. Сахаровым произнесено было слово о важном значении детских приютов. Впереди всех молящихся сто-

яли призремые дети от 3-х до 4-летнего возраста. В приюте дети помещаются в чистых и светлых комнатах и пользуются заботливым уходом под руководством хорошей воспитательницы и под ближайшим наблюдателем попечительницы и жертвовательницы М.С. Красковской.

Н.И. С-ский. Старый Владимирец,
1910, № 24.

печительства о народной трезвости. Вообще в городе, как могли, заботились о подрастающем поколении. Еще в 1901 г. юрьевский гражданин Н.А. Красковский пожертвовал «правительственному Попечительству детских приютов ведомства Императрицы Марии двухэтажный дом с землею» на Большой улице. Он заново перестроил дом, «приноровив» его для приюта, нанял прислугу, обставил мебелью, «совершил дарственный акт и передал все это по назначению». На доме даже появилась соответствующая вывеска. Но приют не открылся. «Так это красивое здание на лучшей улице города и пустовало до 1906 года», пока кто-то не поселил в нем против воли жертвователя... стражников, тех самых, о которых уже знает читатель. Стражников не удавалось удалить из приюта вплоть до 1910 г. Толчком для разрешения странной ситуации послужило то, что в 1909 г. вдова действительного статского советника Е.Г. Благонравова пожертвовала 5000 рублей (рентой) на призрение бесприютных детей. Приютское общество, естественно, рассчитывало на подготовленный к приему детей дом. Однако прошло еще около года, прежде чем Н.И. Сергиевский смог сообщить читателям «Старого Владимир-

Кентавр в рельефе церкви Юрьева-Польского представляет молодца до пояса, от которого идет конская фигура; молодец одет в двубортный кафтан, на голове шапка заломанная, мягкая, войлочная, верно, красная, в правой руке он держит топорик, в левой руке - трубу, словом,

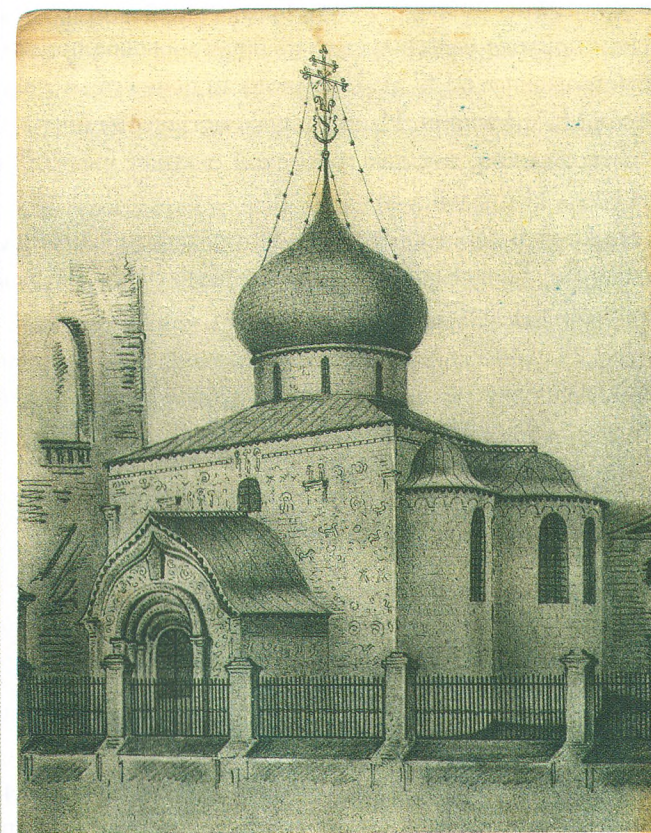
фигура охотника, точнее доезжачего в княжеской свите.

Из устного сообщения академика Н.П. Кондакова «О важных задачах Общества любителей древней письменности». Труды Владимирской ученой архивной комиссии. Т. 1, 1899.

Относительно цели украшений подобного рода на соборе в Юрьеве, как и на других подобных ему древних храмах, профессор Н.П. Кондаков говорит следующее: «Здесь характерно обилие символических изображений, которыми покрываются и стены, и пояса, и порталы, как будто скульптура стремится и наружности храма придать внутренний смысл. Таким образом, искусство выигрывает в содержании и оригинальности. Византийский храм X столетия не чужд монотонности; он пропорционален, прост и прочен, но тяжел, грубо массивен и скучен; если внутренность его нарядна, то снаружи он почти лишен украшений. Этот тип выработан в монастырях, где храм закрывается почти доверху различными пристройками, но с развитием городской жизни, увеличением роли города в стране, умножением

средних классов выигрывает значение наружности в соборном храме, окруженном площадями, в центре торгового движения, и этому фазису храмового здания отвечает романская архитектура. Множество храмов этого типа, видимо, украшались с особым расчетом на то, что толпы толкующегося возле них в праздник народа найдут и время, и охоту разобрать поучительные темы наружных украшений и воспользуются ими как наглядным наставлением. Таково историческое значение соборов в городах Суздальской земли».

А. Знаменский.
Георгиевский собор (1152 - 1234 гг.) в городе Юрьеве-Польском Владимирской губернии.
Реставрация его и построение нового соборного храма.
Юрьев-Польский, 1906.

3 Георгиевский соборъ въ Юрьевѣ-Польскомъ, построенный Кн. Юріемъ Долгорукимъ.

По ориг. рисунк. 1847 г. изъ собр. В. М. Тюриня.

Георгиевский собор в Юрьеве-Польском.
По оригинальному рисунку 1847 г. из собрания В.М. Тюриня.

ца»: «Наконец осуществилось это долгожданное и почему-то тормозившееся доброе дело. Дай Бог ему полного преуспения».

В Воскресенском приходе находилось старейшее мужское приходское училище, существовавшее с 1823 г. В должности попечителя училища с 1887 г. состоял Н.А. Ганшин. Иметь такого могущественного покровителя было немаловажно, так как городской бюджет выделял на одного учащегося всего 14 рублей в год.

Неизменной теплотой и заботой окружил Воскресенский приход и маленьких экскурсантов. То внимание, с каким их встретили в Юрьеве, не могло не тронуть сердца детей.

«Свое ознакомление с г. Юрьевом экскурсия предваряла молитвой, отправившись ко всеобщей в местный Георгиевский собор. По окончании богослужения настоятель о. протоиерей Знаменский объяснил детям относительно собора все, что могло быть доступно их пониманию. После этого дети успели еще пройтись по валам, где им оживляли ранее сообщенные исторические данные о г. Юрьеве, а затем поспешили на ночлег».

Слушая о. протоиерея, дети зачарованно разглядывали чудных зверей и птиц, хаотично размещившихся на стенах храма.

Есть среди изображений на резных камнях и сказочные птицы с женскими головами, и чудища с туловищем не то коня, не то льва,

Открытие нового училища не обошлось без курьезов. Так, например, разрешение г. попечителя об открытии училища по каким-то причинам пришло предварительно в Юрьевеу Костромской губернии и только оттуда по счастливой слу-

чайности и без всяких задержек направлено «на стоящему адресату».

Старый Владимирец,
1910, № 197.

21 сентября официально открыто городское учебное заведение III разряда с курсом реальных училищ. В начале молебна священник о. Твердислов в своей небольшой речи отметил большую роль, которую сыграла в судьбе открываемого учебного заведения В.А. Красковская как своим материальным участием, так и постоянным стремлением создать в нашем городе среднее учебное заведение. После молебна инспектор народных

училищ Ф.Н. Альбицкий (он же и заведующий новым учебным заведением), обращаясь к присутствующим, отменил момент открытия училища в нашем городе как редкое, отрадное, культурное явление на фоне серой, тусклой действительности.

Старый Владимирец,
1910, № 214.

переходящим в тело человека, да еще одетого в кафтан и шапку. Зоркие глаза детей отыскивали почти под самым куполом собора и еще один одинокий камень. Что это за диковинный зверь? Высокий, длинноногий, большеглазый, с небольшими ушами и огромным, свисающим носом. Таким представляли себе русские мастера не виданного ими слона.

Наблюдая живой интерес детей к резным изображениям, о. протоиерей вновь вспомнил свои давние беседы с Н.П. Кондаковым. Прав был ученый, считавший, что, в отличие от византийских храмов, монотонных и скучных, храм романской архитектуры, стоявший, как правило, на людной площади, имел совсем другое предназначение. Почти сплошь, но со смыслом украшенный, он становился для толпящегося вокруг народа своеобразной книгой жизни, содержащей поучения и наставления.

«Утром экскурсанты снова молились уже в храме Воскресения Христова, где совершалось праздничное богослужение по случаю приходского праздника в честь местной святыни – Тихвинской иконы Божией Матери. Помолвившись и напившись чаю, дети отправились в местное реальное училище, где г. директор любезно предоставил им осмотр как самого здания, так и разнообразных наглядных пособий и ученических работ по рисованию и лепке».

30 июля была совершена закладка Юрьев-Польского реального училища имени В.Е. Красковского. На молебне присутствовали: г. вице-губернатор Н.В. Ненароков, уездный предводитель дворянства князь Голицын, директор моск. учит. института Флеров, гор. голова Н.А. Ганшин, гласные Городской думы, представители земства, родители учеников и др. Красивую, полную воодушевления речь произнес директор училища Ф.Н.

Альбицкий, отметивший историю открытия в нашем городе среднего учебного заведения, заслуги в этом деле г. город. головы Ганшина и значение в родном городе училища в учебно-воспитательном смысле. После молебна и закладки присутствовавшим гостям был предложен обед в красивом павильоне в саду г. Ганшина.

Старый Владимирец, 1912, № 172.

После бывшей 30 июля закладки реального училища - этой гордости юрьевцев - громадное здание быстро растет под руками многочисленных рабочих. Пока же ученики первых трех классов ютятся в бывшем женском приходском училище, где, правда, тесновато для ста с лишком чело-

век, но, вероятно, такое неудобство кратковременно: к началу следующего учебного года дети, конечно, встретят в новом училище простор, свет и воздух.

Старый Владимирец, 1912, № 187.

Здание реального училища не могло не произвести впечатления на детей: оно было одним из лучших в городе. К моменту приезда экскурсантов училище действовало не более трех лет, зданию же было и того меньше. Необходимость иметь в городе учебное заведение, дающее молодым юрьевцам среднее образование, назрела давно. Еще в первые годы XX в. купеческая вдова Валентина Алексеевна Красковская «в память своего покойного мужа» пожертвовала Юрьеву капитал в 100 тыс. руб., «часть которого предназначалась на постройку реального училища, а проценты с остального шли бы на содержание училища». Однако из года в год министерство отказывало городу в разрешении на строительство нового учебного заведения.

Удрученные юрьевцы констатировали: «Юрьев - чуть ли не единственный город Владимирской губернии, который Бог милует от какого-либо среднего учебного заведения», а одну из заметок в «Старом Владимирце» так и назвали «Улита едет».

Наконец, в апреле 1910 г. некто «Юрьевец» открытым письмом на имя городско-

Первые реалисты во дворе богадельни Мещериных

Первые учащиеся реального училища. В центре Ф.Н. Альбицкий и о. Александр Знаменский. Временное здание рядом с богадельней Мещериных.

го головы Н.А. Ганшина потребовал объяснений, и обществу стало известно, что смета на постройку училища «как в государственном контроле, так и в Министерстве финансов прошла в удовлетворительном смысле», а из трех участков, предложенных городом под строительство, «признан весьма пригодным» один - «за Бородулинской улицей в конце города». Пока же на время строительства здания в сентябре 1910 г. в специально отделанном для этого помещении одной из приходских школ было открыто «училище III разряда с курсом реальных училищ» («с начала 1911 учебного года» в этом же помещении будет открыто казенное реальное училище). Деньги на его содержание были даны все той же В.А. Красковской. В подготовительный класс было принято 22 мальчика, в первый - 36. Сословный состав учащихся был следующим: 23 мальчика - дети крестьян, 21 - мещан, 9 - чиновников, 4 - духовных лиц и только один был сыном купца. В день открытия училища В.А. Красковской была отослана телеграмма: «Сегодня исполнилось заветное желание Ваше». Благодарные думцы, многим обязанные памяти незабвенного купца, постановили «приобрести с его, Красковского, портрет и вывесить в зале Городской думы».

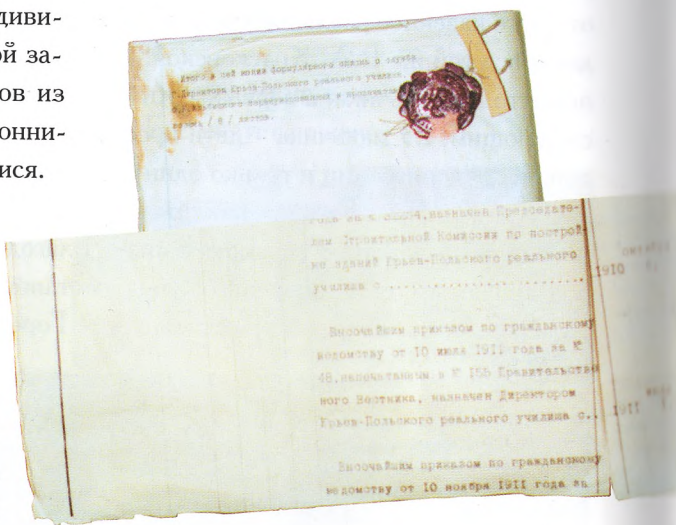
Второй выпуск реального училища. 1916 г.

Однако прошло еще два года, прежде чем очевидец смог констатировать, «что громадное здание быстро растет под руками многочисленных рабочих». И в этом была немалая заслуга председателя строительной комиссии по постройке училища, его директора Фантина Николаевича Альбицкого, тридцатипятилетнего выпускника Владимирской духовной семинарии (1897 г.) и Киевской духовной академии, уже имевшего десятилетний опыт преподавательской работы.

Думается, что Ф.Н. Альбицкий полностью оправдал надежды юрьевцев. Он всей душой заботился о том, чтобы дать учащимся реальное образование. Неудивительно, что Фантин Николаевич с такой заботой встретил маленьких экскурсантов из Ульяники, он и сам был активным сторонником подобной формы работы с учащимися.

В 1910-х годах в Юрьеве налаживали электрическое освещение. Выяснив в беседе с представителем фирмы «Сименс и Гальске», что «электрический фонарь, предназначенный для освещения площади перед зданием реального училища и будущей улицы против него, гораздо более отвечал бы своему назначению, если бы он поставлен был перед самым зданием реального училища», Ф.Н. Альбицкий в декабре 1913 г. обратился с ходатайством в Городскую управу: «В заботах об удобствах учеников вверенного мне реального училища, которым в будущем придется посещать училище и в

Формулярный
список
Ф.Н. Альбицкого.

Старый Владимирец,
1913, № 231.

17 октября учениками местного реального училища была устроена экскурсия в местечко Келерово для осмотра медно-латунных производств на заводе тов-ва Кольчугина. Администрация заводов отнеслась к экскурсии чрезвычайно внимательно, предупредительно и любезно. Заранее обставив экскурсию удобствами в смысле покоя и питания, администрация выслала к приходу поезда на станцию Келерово специального проводника... Начав осмотр производства с отливного

корпуса, где раскаленную медь печью с температурой в 1100° С разливают по формам, прокатывают в виде брусьев в листы, - экскурсанты имели возможность последовательно осмотреть приготовление вагонных и паровозных топок, разрезывание медных квадратов на проволоку с постоянным уменьшением диаметра до волосовидного.

вечернее время для присутствия на практических занятиях по физике и химии,... настоящим имею честь покорнейше просить Городскую управу, не найдет ли она возможным произвести желательные изменения в устройстве линии электрического освещения около нового здания реального училища».

А в марте 1914 г., когда электрическая станция в Юрьеве уже функционировала, он, заручившись согласием инженера Петра Мартыновича, просил городского голову «разрешить экскурсию для учеников IV класса в целях наглядного ознакомления их с устройством электрического освещения на Юрьевской городской электрической станции». Сначала 16 учащихся, 2 преподавателя и помощник классного наставника прослушали в зале Городской думы «небольшое объяснение об устройстве», а затем проследовали на электрическую станцию.

«Из реального училища, пообедав, экскурсанты пошли в кинематограф, где, по распоряжению И.М. Беднякова, председателя местного Общественного собрания, которому принадлежит кинематограф, им бесплатно показывали картины. Из кинематографа детей пригласили в самое Общественное собрание и там поили чаем».

Юрьевскому Общественному собранию не везло, и прежде всего с помещением. Старое помещение клуба, находившееся «в середине городского сада», стorerо еще в декабре 1904 г. С тех пор общественный сад «украшала» куча щебня и камня, заросшая крапивой, а интересующее нас учреждение «странствовало по обывательским домам». Поэтому-то в 1906 г. с избранием нового городского головы юрьевцы воспряли духом, надеясь, что первым делом Н.А. Ганшина будет приобрете-

Затем собрание, оценивая выдающееся старание, труды и энергию заведующего местным городским учебным заведением 3 разряда с курсом реального училища, инспектора народных училищ Ф.Н. Альбицкого как по организации, так и по надлежащей постановке учебно-воспитательной части в этом учебном заведении за все время заведования заведением, единогласно постановило: почтительнейше просить Его Превосходительство Г. Попечителя Московского Учебного Ок-

руга ходатайствовать перед Его Высочайшим Провосходительством Г. Министром Народного Просвещения о назначении на должность Директора проектированного к открытию с 1 июля сего года реального училища в г. Юрьеве Инспектора народных училищ Юрьевского уезда Ф.Н. Альбицкого.

Из протокола заседания
Юрьевской Городской думы
от 10 марта 1911 г.

ние здания и обстановки для городского клуба. Конечно, им хотелось видеть в клубе «очаг культуры», а не место, куда несколько «развалин приходит перекинуться «по-зеленому».

С помещением, пусть и временно, дело уладилось. Как говорилось в публикации 1909 г., «прекрасное и большое помещение занимает наше Общественное собрание». Но клуб не перестал быть «игорным домом».

Старое здание
Общественного
собрания
в городском саду.

Особенного ущерба от того, что у нас не было постоянного клуба, конечно, не замечалось. Дело в том, что все функции нашего клуба ограничиваются двумя - тремя незначительными: он дает приют и возможность местным Митрофанам Простаковым проживать отцовские рубли; по вторникам и четвергам здесь сходятся четыре - пять местных развалин перекинуться «по зеленому». Кажется, и все. Принимая во внимание

В праздничные дни, когда назначаются танцевальные вечера, большой зал собрания ярко освещен, но войдите туда и вы увидите, что он пуст и танцующих нет; пройдя бильярдную комнату, в которой играют на деньги, вы попадете в буфет, где не возбраняется выпить, можно слышать неприличную бранную речь и преспокойно спать на стуле. Идете дальше и видите маленькие комнаты с тяжелым воздухом от курения, в которых за зелеными столами, нервно и волну-

такую ограниченность функций клуба, погодим особенно приветствовать начинание нового голы. Может быть, впрочем, он думает о реорганизации его на новых началах; может быть, при клубе будет бесплатная библиотека, а при ней - бесплатная читальня... В подобных учреждениях наш город очень нуждается.

Владимирец, 1906, № 9.

ясь, сражаются в трынку, стуколку и пр. до утра; то же самое повторяется и в обыкновенные клубные вечера; только на рождественских каникулах и на масляной, когда приезжает учащаяся молодежь, действительно бывают танцевальные вечера, но они не вносят оживления в эту затхлую атмосферу.

Старый Владимирец,
1909, № 101.

Возмущенный сравнением Совет старшин клуба дал опровержение, что корреспонденция имела «тенденцию по тону и выражениям набросить тень на Юрьевское Общественное собрание, которое в ряду провинциальных собраний является наиболее благоустроенным». Совет старшин даже попросил редакцию сообщить имя, фамилию и звание критика, желая возбудить его судебное преследование. Редакция резонно возразила, что Совет старшин может обратиться в суд, если действительно уверен, что в «клубе никто никогда не играл и не напивался».

Судя по тому, что в дальнейшем этот вопрос больше не обсуждался, клубные старшины не испытывали подобной уверенности. Однако и критиковать клуб долго никто не осмеливался. Так, в 1910 г. один из авторов писал: «Хотелось бы поговорить кстати о клубе, да жутко... И прежде все там грозили в небо и пытались открыть «крысподента», а теперь и подавно. Теперь там набольший - у! какой серьезный мужчина!». Уж не И.М. Беднякова ли, радушно принимавшего в 1914 г. наших экскурсантов, имел в виду «крысподент»?

Аттестат
В.М. Шмуклера
об окончании
школы
фотографов.
1915 г.

Юрьевская
молодежь
в 1912 году.
В центре первого
ряда будущий
секретарь партийной
организации
фабрики «Авангард»
В.М. Шмуклер.
Справа от него
С.Н. Валединская,
в последующем
известная
учительница школы
№ 1.

Волновало интеллигенцию и то, что клуб совершенно не посещала молодежь, которая три - четыре года назад охотно приходила на «оживленные танцевальные вечера». «Да, это было так, но то было хорошее старое время, хорошие старые взгляды», - сетовал корреспондент в «Старом Владимирце», связывавший непопулярность клуба с «выборами нового начальства». Его оппонент на страницах того же издания высказал сожаление, «что в таком маленьком городке, как Юрьев, сильно развилась партийность», однако увлекшись, и сам выказал себя сторонником одной из партий, а именно - партии «нового начальства».

6 октября 1913 г. должно было состояться открытие клуба во вместительном здании в глубине Спасской улицы. По свидетельству А.С. Торлина, Н. Ганшин избрал для строительства место сгоревшей ткацкой фабрики Тушнина. Публика ждала этого дня. Все было готово, после торжественного заседания членов Общественного собрания был намечен концерт-спектакль. Но протоиерей о. Знаменский «запретил всем священникам своего благочиния совершать молебен с освящением нового здания, ссылаясь на то, что не подобает совершать службы в домах, где происходят карточные игры, пьянство и т.д.». Вопрос с освящением, видимо, был улажен.

Вся более или менее интеллигентная молодежь у всех нас, как обывателей, на виду... То, что ей нравилось 3 - 4 года тому назад, более ее уже не восхищает; это в порядке вещей. Молодежь подросла, присерпозилась, задалась более высокими и культурными идеалами, чем пресловутые танцы с неизменным флиртом. Да, наконец, если бы эта ли, или более зеленая молодежь - в лице воспитанников и воспитанниц средних учебных заведений - пожелала повеселиться в клубе, то, конечно, администрация его пошла бы навстречу молодежи с полной готовностью. «Новое на-

чальство» относится к молодежи в высшей степени дружелюбно и сердечно... Напротив, с новым начальством появилось стремление улучшить, облагородить распушенные клубские нравы; быть может, вот это-то последнее обстоятельство и заставляет некоторых господ «робнуть» и замаскировывать свое личное недовольство попечением о «бедной молодежи», которая отнюдь в нашем заступничестве не нуждается.

Старый Владимирец,
1911, № 88.

Ученический спектакль воспитанниц женской прогимназии, состоявшийся 28 февраля в Общественном собрании, переполненном публикой, прошел с огромным успехом; многие, желавшие попасть на этот спектакль, не могли этого сделать за отсутствием мест. Поставлены были 2 комедии для детей. Сбор от продажи афиш достиг 115 руб., эти деньги поступают в пользу недавно открывшегося детского приюта... Довольно странным показалось отношение администрации собрания к настоящему спектаклю: свобод-

ные комнаты, находящиеся в верхнем этаже, обыкновенно в эти дни отводились под уборные артистам, на сей же раз они заняты были двумя карточными столами, и 40 девочкам, участвовавшим в спектакле, пришлось одеваться и гримироваться в квартире учительницы Романовой, которая, по счастью, находится в одном здании с собранием.

Старый Владимирец,
1910, № 49.

Прилегающую к клубу территорию превратили в городской сад. В здании Общественного собрания были специально оборудованы зрительный зал и сцена. К услугам зрителей были партер и балкон, в том числе боковой, за вход на которые нужно было платить особо. Билеты продавались в магазине И.М. Беднякова, а в день спектакля - в помещении Общественного собрания «с 12 ч. до спектакля». Ставились в основном пьесы А.Н. Островского: «Не так живи, как хочется», «Не в свои сани не садись», «Лес» и другие. В афишах, как в профессиональном театре, указывались полный состав исполнителей, режиссер, распорядитель спектакля. Для желающих танцевать по окончании спектакля далеко за полночь играл оркестр духовой музыки под управлением Стефанова.

В духе времени в помещении Общественного собрания работал кинематограф. Фильмы привозили из Москвы. Одновременно с демонстрацией фильмов в жизнь юрьевцев вошла и столичная манера организации их просмотра. Так, 20 июня 1913 г. полицейский надзиратель сообщил своему начальству, что вечером «сверх роскошной программы картин московским артистом М.Ф. Бочаровым (бас-баритон) после каждого сеанса исполнены будут баллады и романсы русских и иностранных композиторов». В программе значились: ария Валентина из оперы Гуно «Фауст», ария демона из оперы Рубенштейна «Демон», романс «Ах ты, солнце, солнце красное!» на музыку Слонова, баллада «Есть на Волге утес» и многое другое.

О том, что смотрели юрьевцы, можно судить по рапортам уездному исправнику Сергею Никонovichу Айзману полицейского надзирателя Константина Герасимовича Грязнова, тщательно контролировавшего «публичные зрелища и увеселения»: кинороман в 7 частях «В омуте Парижа», драма «Дикие отпрыски», «Хроника мировых событий (натура)», комедии «Душки военные» и «Розалия-танцовщица». Интересно, что при этом могли показать детям? В любом случае они остались в восторге и от «Общественного собрания с его внутренним благоустройством», и от кинематографа, «и электричества в нем».

Набор развлечений в эти годы для юрьевцев не исчерпывался только театром и кинематографом. Из года в год сюда наезжала владимирская мещанка М.Д. Глазкова, устраивавшая «Карусели», гастролировал в Юрьеве и цирк. А еще молодые юрьевцы с увлечением катались на импровизированном катке на льду Колокши, предварительно «сбро-

сились» на освещение и угощение для барышень, и играли в футбол. Представь себе, читатель, в губернской прессе только в корреспонденциях из Юрьева сообщалось о состоявшихся в нем футбольных матчах!

Юрьевское полицейское управление не зря педантично подшивало в дело рапорты полицейских надзирателей «о зрелищах и увеселениях». Контроль, надзор и цензура были особенно жесткими в год торжественного празднования 300-летия Дома Романовых. Юрьев не входил в маршрут царского поезда, совершившего в мае - июне 1913 г. путешествие по всем городам, имевшим отношение к истории царствующего Дома. Среди посланцев Юрьева на празднествах во Владимире были предводитель юрьевского дворянства кн. Б.А. Голицын с женой. Княгине было позволено даже поднести букет императрице, так и не покинувшей вагона.

Юрьев мог рассчитывать и на большее. Еще в 1910 г., рассказывая на страницах «Владимирских епархиальных ведомостей» о связях царствующего Дома Романовых с Владимирским краем, В.Г. Добролюбов писал, что будущий первый Романов, тогда еще мальчик, в сентябре 1602 г. по разрешению Б. Годунова поселился вместе с родными «в с. Клин близ г. Юрьева». Василий Гаврилович предполагал, что и вклады в Михайло-Архангельский монастырь Юрьева были впоследствии сделаны царем Михаилом Федоровичем «в память пребывания в детском возрасте» на Юрьевской земле. Тем не менее, Юрьев довольствовался скромным праздником. В юбилейный день 21 февраля 1913 г. в Георгиевском соборе была отслужена Божественная литургия,

Несмотря на неурожайный год, посетивший нас, в нашем городе небывалое изобилие различных увеселений: танцевальные вечера в Собрании с выписанным духовым оркестром из Москвы, спектакли, карусель, приехавшая в начале осени и собиравшая массу публики, карусель заменил народный цирк с безголосыми певичками, пошлыми рас-

сказчиками и неизменными клоунами, подвизающийся у нас 2 месяца и чуть не ежедневно переполненный не только простым народом, но и интеллигенцией.

Старый Владимирец,
1909, № 277.

2 августа состоялось состязание команд «Келерово-2 и «Юрьев». Еще в первом хавтайме результат перешел в сторону команды «Юрьев» - 4:1. Первый гол был забит командой «Келерово», принятый публикой аплодисментами, но более бурно был встречен гол, забитый командой «Юрьев» через какие-нибудь полминуты, благо-

даря умелой игре г. Пашкова. Второй хавтайм прошел с более серьезным натиском команды «Келерово», но победа опять-таки перешла на сторону команды «Юрьев» - 4:1. В общем победа на стороне команды «Юрьев» - 8:2.

Старый Владимирец,
1915, № 167.

Государю Императору представляются городские головы уездных городов Владимирской губернии.

а по ее окончании «благодарственное Господу Богу молебствие». Дома в этот день были украшены флагами, а вечером иллюминированы. Весной того же года прошло награждение юбилейной медалью.

Культурная жизнь в городе постепенно налаживалась, развлечений было много и на любой вкус, а на скуку, злословие, сплетни времени, кажется, не оставалось. Однако «физиономия» обывателя, по словам очевидца, была «по-прежнему тускла, мрачна и неподвижна», и он пускал в ход доносы. Сила доносов была так велика, что в марте 1911 г. «педагогический мир прогимназии был необычно встревожен тем обстоятельством, что одна из учительниц пожелала принять участие в

ГАВО. Ф. 699,
оп. 1, д. 796.48.

Г. Юрьевскому Уездному Управлению.

Имею честь сообщить Вам, что 20 сего февраля в 10 часов утра в полковничьей канцелярии Юрьевского Общественного собрания имеют быть устроены для учащихся и воспитанниц Юрьевской женской гимназии, содержимой С.В. Дьяковской, чтения с туманными картинками, посвященные 300-летию юбилею царствования Дома Романовых.

*Директор П. Амьинский
Наставник У. Дьяковской*

разрешенном начальством любительском спектакле». Бдительное начальство прогимназии смутило даже благословившего было учителя-инспектора народных училищ. «И вот, когда уже все было готово к спектаклю, - разлетелось, как мыльный пузырь», - рассказывал читателям «Старого Владимирца» юрвец, избравший псевдоним «Смирный». «Не будь таких ревнителей, дай им, Боже, всего хорошего, - с сарказмом писал носитель робкого псевдонима, - пропали бы мы совсем. Насмотрелись бы поганых игрищ великим постом, после бы и не отплевались».

Чуть позже «смирный» критик направил жало своей сатиры на еще одного противника - юрвевских дам. Присмотревшись к их жизни, он

Игроки в крокет на фоне Покровской и Никитской церквей

Хороший народ наши юрвевские обыватели - смирный, религиозный, свято чтущий посты. У нас потому не любят даже спектакли, приравнивая их к «бесовским игрищам». Да уж зато и ревнители нравственности из обывателей тоже народец отменный, как чуть что - так, пожалуйста, и доносик... Жаль только, что не так много их; все наперечет, кроме того обидно, что они в пылу ревности иногда ошибаются. Устроят, например, в

женской прогимназии детский спектакль в воскресенье, а ревнители-то, не посмотрев в святцы, - бух в округ доносик, что-де «кощунствуют», спектакли устраивают по субботам... Эх - если б да ревнители почаще в святцы заглядывали! Совсем было бы хорошо...

Смирный.

Старый Владимирец,
1911, № 68.

без обиняков заявил, что «большая часть из них, что называется, копят небо».

К счастью, в городе, помимо любителей игры «в тринку», злопыхателей и дам, приятных в разной степени, существовала интеллигенция, сделавшая для Юрвева действительно очень много. Центром этого кружка стала семья городского ветеринарного врача Дмитрия Григорьевича Дианина, женатого на Ольге Михайловне Снегиревой, как и он, уроженке Суздаля.

Выбор своевольной дочери не получил безусловного одобрения в семье потомственных священнослужителей, особенно у матери Елизаветы Ивановны (урожденной Херасковой), дочери протоиерея Суздальского собора, сестры ректора Владимирской духовной семинарии и протоиерея того же собора. Тем не менее венчание состоялось, и молодые выехали в Варшаву, поскольку Д.Г. Дианин к тому времени еще не окончил курс в Варшавском ветеринарном институте.

По возвращении Д.Г. Дианин нашел место ветеринарного врача 1 участка земской ветеринарной лечебницы в Юрвеве, ветеринарный покой в котором был открыт в 1896 г.

Постепенно Дмитрий Григорьевич добьется строительства нового ветеринарного пункта, в 1910 г. предложит построить при ветеринарной амбулатории образцовую кузницу, в 1911 году представит Земской управе подробный преискурант на лечение и содержание больных животных.

Ольга Михайловна и Дмитрий Григорьевич Дианины в Варшаве. Конец XIX века.

17-го июня членами Общества любителей драматического искусства дан был в пожарном депо спектакль. Поставлены были пьесы «Блудный сын» - Найденова и «На дворе во флигеле» - Чирикова... Некоторые наши захолустные дамы, «приятные во всех отношениях» и «просто приятные», любящие посудачить, поманерничать и задать тон, усмотрели в поставленных пьесах тенденциозность и забраковали как самые пьесы, так и исполнителей. Покорные мужья их заговорили и, составив олигархию, высказывали свое мнение публично. Однако публика ведь не под-

слеповатый муж: в большинстве она трезво и здравомысляще взглянула на содержание пьес и увидела в них, как в зеркале, самую настоящую жизнь, серую, неприглядную, полную эгоизма и жестокости. Но «не любят ее, эту самую правду», - говорит один из персонажей Чириковской пьесы, и не возлюбили ее юрвевские некоторые дамы, да простит им Аллах...

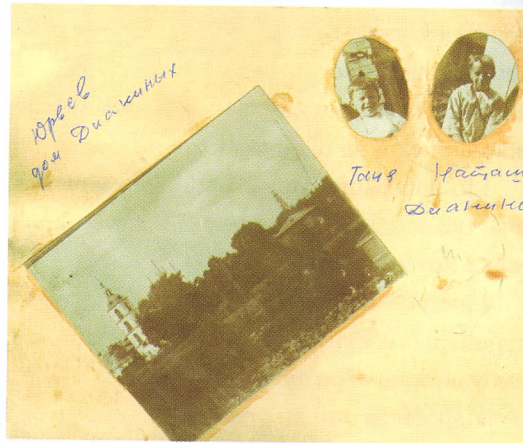
Смирный.

Старый Владимирец,
1910, № 175.

Отец Ольги Михайловны в качестве приданого приобрел для молодой четы дом в уютном районе Юрьева, на Спасской улице, с видом на церкви соседнего Козьмодемьянского переуллка. Супруги перестроили дом, он стал большим, вместительным и очень оживленным. На сохранившихся любительских фотографиях, сделанных Дианиным, Ольга Михайловна всегда запечатлена с друзьями, а фамилии Дианин, Гриднев, Корицкий даже в официальных документах, касающихся любых начинаний юрьевской интеллигенции, чаще всего встречаются вместе.

С родным городом Дианины поддерживали постоянную связь. Писали, отсылали в родительский дом открытки с изображением принявшего их города. Самая ранняя из сохранившихся открыток была отослана Ольгой Михайловной брату Владимиру 25 декабря 1903 г. По всей вероятности, фотограф-любитель заснял празднование 750-летия Юрьева. Если наше предположение верно, то эта открытка - чуть ли не единственная иллюстрация того, как проходил этот праздник в Юрьеве. Сохранилось еще письмо протоиерея А.Е. Знаменского уездному исправнику, извещавшее, что «с разрешения Владимирского Архиепископа Сергия, по случаю исполнившегося в текущем году 750-летия с основания города Юрьева и соборного храма в нем и десятилетия со времени открытия Общества хоругвеносцев», 26 мая в 5 часов вечера в Георгиевском соборе будет совершена торжественная панихида по основателю города великому князю Юрию Владимировичу Долгорукому и устройтелю храма великому князю Святославу Всеволодовичу. Общество хоругвеносцев, детище А.Е. Знаменского, было основано при Георгиевском соборе в 1892 г. «в память чудесного спасения

На письме Дианиных в Суздаль помещены фотографии дочерей и дома Дианиных, на которой видны Христорождественская церковь с колокольной, слева, и колокольня Петропавловского монастыря.

Пользуясь случаем и любезностью г. председателя Земской управы, мы осмотрели новый ветеринарный земский пункт. При нем имеются: большой светлый и теплый манеж, приемная врача, барак для больных животных. После наемных помещений для ветеринарного пункта, крайне не-

удобных и отдаленных от земства, новое - выстроенное с большими удобствами, в ряду земских больничных помещений - не оставляет желать лучшего.

Старый Владимирец,
1912, № 281.

жизни Государя Императора и Его Августейшего семейства 17 октября 1888 года и в память спасения Наследника Цесаревича от угрожавшей Ему опасности 29 апреля 1891 года».

Средоточием культурной жизни Юрьева была чайная Юрьевского уездного Попечительства о народной трезвости. В ноябре 1902 г. юрьевская интеллигенция получила одобрение губернатора на участие в народных чтениях, проходивших в чайной по четвергам и воскресеньям. Лекторами были протоиерей Знаменский и священники Косаткин, Лебедев, Святухин, Сахаров, а также «гражданские» лица, среди которых заметно выделяется звучностью и необычностью фамилии податный инспектор потомственный дворянин Николай Леонидович Гранд-Мезон. Новоиспеченные лекторы работали не только в самом городе, но и в уезде. Так, Н.Л. Гранд-Мезон, например, выезжал читать лекции в чайной при заводе Кольчугина.

Интеллигенция Юрьева продолжала добиваться все новых и новых послаблений. Уже в феврале 1903 г. при чайной

Члены Общества хоругвеносцев осуществляли «ношение в Крестных ходах большой хоругви, устроенной гражданами г. Юрьева на память потомству».

Торговая площадь во время предполагаемого празднования 750-летия города. Хорошо виден комплекс Воскресенской и Варваринской церквей.

была открыта бесплатная библиотека-читальня, еще через год появились и невинные развлечения - граммофон и бильярд.

Устав еще одной, на этот раз земской публичной библиотеки-читальни был утвержден лишь осенью 1905 г. В феврале 1906 г. владимирский губернатор утвердил «избранного на должность председателя правления названной библиотеки-читальни юрьевского купца Николая Алексеевича Ганшина в звании ответственно-заведующего» и известил исправника, что «к допущению» ветеринарного врача Д.Г. Дианина к исполнению обязанностей библиотекаря с его стороны «препятствий не встречается». Позднее, весной 1907 г., во «Владимирце» напишут: «У нас в городе также есть земская библиотека, открывшаяся по инициативе ветеринарного врача Дианина».

15 сентября 1906 г. библиотека приступила к работе. И Дмитрий Григорьевич, и Ольга Михайловна Дианины входили в состав ее правления. Дмитрий Григорьевич, кроме того, был назначен ее делопроизводителем. На протяжении многих лет Д.Г. Дианин, Е.Д. Корицкий, В.В. Гриднев неизменно оставались членами правления созданной ими библиотеки. С 1911 г. в составе правления мы также встречаем фамилию человека, о котором до сих пор с благодарностью отзываются юрьевские старожилы, врача Михаила Ильича Смирнова. Он был казначеем библиотеки. Израсходовав на ее нужды «35 руб. собственных средств», М.И. Смирнов был признан Земской управой по итогам года «заслуживающим глубокой благодарности».

Нелегко пришлось Д.Г. Дианину. Со дня открытия библиотеки он исполнял обязанности библиотекаря бесплатно, без выходных. При его огромной занятости в должности ветеринарного врача долго так продолжать-

При участии молодых любителей драматического искусства 29 июня в помещении Юрьевского уездного съезда был дан спектакль в пользу земской библиотеки. Шли: «В чужом пиру похмелье», комедия в двух действиях Островского и «Шато-Икэм», водевиль Северина. Обе пьесы прошли стройно, дружно. Удачно были проведены роли Аграфены Платоновны (Орлова В.Ф.), Ненилы Сидоровны (Губанова) и жены купца Брускова (Шмуклер). Из других лиц выдвинулся своей артистически верной игрой М.М. Бул-

гаков, участие которого обеспечило вообще пьесу успехом, далее недурно провел роль купца Брускова - г. Альбицкий, более или менее удачно, но с некоторым излишним пафосом сыграл роль учителя Иванова - г. Русинов. Заметно утрировал, но довольно живо провел роль Капитона, сына Брускова, - С-жа Скосырев. Чистый сбор, поступивший в пользу библиотеки, выражается в сумме 40 р.

Владимирец,
1907, № 142.

ся не могло, и Дмитрий Григорьевич вынужден был отказаться. Интересно, что сменивший его на посту библиотекаря Г.Н. Колотилов уже получал жалование 5 руб. в месяц и имел выходные - понедельник, среду и пятницу.

Что же тут могли предложить читателям? Из газет - «Русское Слово», «Раннее Утро», «Новое Время» и «Старый Владимирец»; из журналов - «Природа и люди», «Современный мир», «Русская мысль», «Исторический вестник», «Юная Россия», «Вокруг света». В 1907 г. газета «Владимирец» писала, что «библиотека составлена крайне неинтересно», приходящим в библиотеку порой за несколько километров читателям практически нечего выдавать. «Что же читать?» - задавался вопросом близко стоящий к проблемам библиотеки автор заметки Н-ский. - Где находить ответы на волнующие «мятежные» темы? Имеющаяся литература ответ на мятежные темы не давала.

Юрьевская интеллигенция не могла сидеть без живого дела. Началось все с домашних спектаклей в доме Дианиных на Спасской. В их доме устраивались и музыкальные вечера, в семье выписывалось много журналов и книг. В этой живой, творческой атмосфере росли дети. С ранних лет принимали они участие в спектаклях, особенно Наташа Дианина. Часто бывавшая в Юрьеве бабушка с сомнением взирала на столь «легкомысленную» атмосферу дома. Ее приговор в отношении внучки был суров: «Наташа либо бросится на шею солдату, либо пойдет в актрисы». Интересно, что воспитанная в пуританстве бабушка не ошиблась. Наталья Дмитриевна Дианина действительно стала актрисой, играла в различных театрах страны. На долгие годы судьба связала ее с Севастопольским театром им. Луначарского, за режиссера которого С.Н. Архангельского она вышла замуж.

Первый успех ее мамы, Ольги Михайловны, на юрьевских «театральных подмостках» состоялся, когда Наташе было 3 года. 22 августа 1908 г. в Юрьевском Общественном собрании прошел литературно-музыкальный вечер памяти И.С. Тургенева. Уже 25 августа в Суздаль пришла открытка с видом Юрьева-Польского. «Дорогие папочка и мамочка, - писала Ольга Михайловна. - 22-го был Тургеневский вечер. Сошел блестяще. Веселились за это время много... Клуб переделали, сделали большой бал. Было замечательно интересно».

Сложившийся кружок единомышленников, не представлявших своей жизни без любительской сцены, 6 января 1909 г. основал Юрьев-

Ольга Михайловна Дианина
в декабре 1909 года.
Фото П.М. Бородулина.

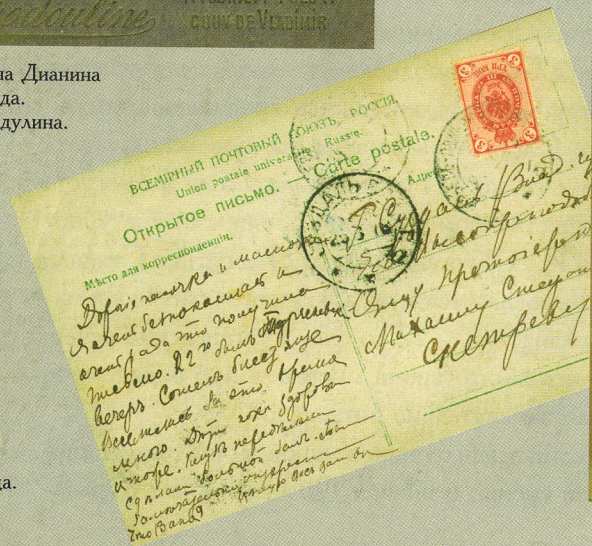
М.И. Смирнов,
врач, второй муж
О.М. Дианиной.

О.М. Дианина,
В.В. и Н.И.
Гридневы в саду
Дианиных.

О.М. Дианина
и В.В. Гриднев.

Открытка
с сообщением
о Тургеневском
вечере,
направленная
О.М. Дианиной
родителям
в Суздаль
в августе 1908 года.

Дом Дианиных в Юрьеве-Польском.

Боря и Наташа
Дианины.

О.М. Дианина
с детьми Борей
и Наташей.
Около 1906 года.

Наталья Дмитри-
евна Дианина
(сидит в центре)
во время
спектакля.

Польское общество любителей сценического искусства. Его учредителями были И.М. и П.Д. Булыгины, И.Д. Агриков, А.П. Пузыревская, О.В. Коридкая, С.Н. Ганшин, В.В. Гриднев. Устав Общества, одобренный губернскими властями в 1908 г., был отпечатан в типографии М.А. Антиповой, которая издавала открытки с видами Юрьева-Польского. Целью Общества было «предоставить своим членам возможность собираться для исполнения литературных и музыкальных произведений». На протяжении нескольких лет председателем правления Общества был его учредитель Иван Митрофанович Булыгин, секретарем - Николай Иванович Сергиевский, членом правления - Дмитрий Григорьевич Дианин.

В лице Н.И. Сергиевского Общество приобрело в губернской прессе собственного корреспондента со своеобразной, ироничной манерой подачи материалов.

К отбору исполнителей в первый год существования Общество подходило тщательно и даже на конкурсной основе. В результате, в одном из первых спектаклей 1909 г. (ставили «Иванов» А.П. Чехова) составился настолько превосходный ансамбль исполнителей, что публика по неволе сравнивала с ним последующие и не могла отделаться от мысли,

22 августа в Юрьевском Общественном собрании дан был литературно-музыкальный вечер, посвященный памяти И.С. Тургенева. Вечер открылся критико-биографическим очерком, прочитанным Н.И. С-ким. В сжатой форме лектор осветил, главным образом, литературную деятельность Тургенева, остановившись в общих чертах на его личности как человека и общественного деятеля... Была поставлена пьеса И.С. Тургенева «Где тонко, там и рвется». Некоторая громоздкость ее, отсутствие действия и рельефной обрисованности типов не помешали все

же участникам спектакля провести его живо, картинно и успешно. Хороша была своей простой игрой помещица т-те Либанова (О.М. Дианина), удачно провел роль Горского Н.А. Успенский, типичен был капитан Чуханов (Н.И. С-кий) и Мухин (П.И. Булыгин). Декоративная часть вообще с громадным успехом была выполнена старанием и энергией распорядителя вечера Д.Г. Дианина.

Старый Владимирец,
1908, № 21.

На днях в нашем Общественном собрании состоялся любительский спектакль, устроенный в первый раз кружком любителей сценического искусства и прошедший с большим успехом, но собравший, к сожалению, небольшое количество публики, благодаря чему получился убыток около 35 рублей. По окончании спектакля были назначены танцы, но администрация почему-то не рас-

порядилась своевременно убрать из зала стулья, и публика, немного подождавши, разошлась без танцев: оставшиеся немногочисленные постоянные посетители собрания занялись, по обыкновению, любимой игрой в «трынку».

Собственный корреспондент.
Старый Владимирец, 1909, № 109.

что видит, например, в Максиме Коптеве (спектакль 17 июня 1910 г.) в исполнении г. У. все того же Иванова («Прекрасно, но однообразно»).

Позднее, в 1910 - 1911 годы, рецензии на спектакли становятся критичнее. Они не подписаны, но чувствуется, что автор их не просто один из тех, кто всегда и всем недоволен, а человек, душой болеющий за начатое Обществом дело. Мы узнаем, что г. Панов играл «вяло и медлительно»; г-жа Г-ва «грубоватыми нотами в голосе умалила поэтический образ» партнера, однако в другом спектакле сумела придать персонажу «своеобразный облик»; г-жей Пановой ответственная роль «сведена на нет»; об игре г-жи М-ой можно было бы дать хороший отзыв, «если бы она местами не спадала с тона». Автор рецензий отмечает слабые и сильные стороны исполнителей, дает оценку их игры в сравнении от спектакля к спектаклю.

«Отсюда они пошли в сад к Ганшиным, в своей значительной части представляющий из себя цветник, ежегодно устраиваемый с редким художественным вкусом. Ознакомившись с этим культурным уголком, дети закончили день прогулкой по общественному саду, где впервые слушали оркестр духовой музыки».

Расположение города среди бескрайних полей создавало некоторые неудобства для жителей. «Кругом города ни прутика!» - констатировал один из юрьевцев в 1910 г. Выбор у человека, не желавшего сидеть «в душных комнатах» или «бродить по пыльным стогам города», был невелик. Желанным «местом гулянья» был небольшой лесок «Карпищи», но удаленность от города до 8 верст делала его доступным лишь для велосипедистов и дам, «мужья которых обладают лошадками».

В городе организовано Общество любителей сценического искусства. 6 января было первое учредительное собрание всех членов. На собрании выбирался председатель и еще две комиссии. Председателем выбран И. Булыгин. Членов записалось около 70 человек. Членский взнос был назначен на собрании 3 р. в год. Председательствовал на собрании Н. Успенский и секретарем был Н. Сергиевский. На собрании был поднят воп-

рос председателем о помощи италянцам из денег, которых насчитывалось 150 рублей. Член Общества Е.Д. Корицкий заметил, что эти деньги нужны Обществу, у которого нет еще ни костюмов, ни порядочных декораций, ни библиотеки.

Старый Владимирец,
1909, № 18.

Оставался общественный сад, который мы видим на открытках. Вот только состояние его оставляло желать лучшего. Это стало одним из аргументов в местной политической борьбе 1910 г. Прежде всего, «сад примыкал к городскому валу, а кругом вала идет канава, и в нее сливается кое-что, и это буквально перед окнами Городской управы». Кроме того, со сменой состава гласных с садом произошли разительные перемены: исчез цветник, служивший летом «единственным уголком, где можно было приятно провести время», сад «заброшен, порос крапивой и сорными травами, изгородь сломана», и в нем «вместе с обывателями гуляет рогатый скот». Управа нового состава сгоряча выступила с инициативой уничтожить единственный городской сад и на его месте устроить еще одну площадь. Вопрос этот провалился «благодаря энергичному отпору некоторых гласных».

В 1911 г. «на окраску забора сада, разбивку клумб и покупку семян, очистку и уборку общественного сада и вала, на покупку и посадку деревьев в саду, на наем сторожа» Дума выделила-таки 300 рублей и «уступила общественный сад для устройства гуляний» в безвозмездное пользование Юрьевскому пожарному обществу, здание которого находилось напротив сада. Весной 1913 г. Общество получило разрешение губернатора на производство в свою пользу «сбора с гуляющей публики», и по праздничным и воскресным дням с 1 мая по 31 августа 1913 г. в саду играл духовой оркестр. Начинание прижилось. Этот-то оркестр и слушали дети летом следующего года.

И все же Юрьевскому городскому саду было далеко до городских садов Муромы или Шуи. Юрьевцы предпочитали общественному саду прогулки на «пресловутый городской вал, где лихие мужья отваживаются иногда назначить приятное *tete-a-tete*». Поэтому, вероятно, детское воображение в большей степени потряс не скромный общественный сад Юрьева, а один из частных садов.

Частные сады в Юрьеве-Польском существовали давно. Еще в 1861 г. городничий «доносил» гражданскому губернатору, что «в городе Юрьеве Г.г. дворяне, почетные граждане и купцы» решили исходатайствовать разрешение на использование с 10 июля по 1 сентября сего года под общественное гуляние сад юрьевского купца Д.А. Овсянникова, который предоставлял его «без всякой платы, а собственно только из одного уважения к обществу». Развлечения предполагались самые невинные:

«будет играть музыка, и желающие лица будут танцевать». Но губернатор оставил просьбу юрьевцев «без последствий».

Сложилось так, что частные сады остались недоступными для обывателей. А таких садов в городе было несколько. Прежде всего сады Тиля, Студенихина, Ганшина.

Провизор Богумил Богумилович Тиль имел немалые владения в 26-м квартале города. Большую часть этого участка занимал обширный сад, в глубине которого, ближе к Шевелкину переулку, помещалась беседка. Двухэтажный каменный дом Тиля был по Воскресенской улице следующим за зданием училища. Одна из коренных жительниц Юрьева рассказывает: «Помню, в нем жила барыня Надежда Семеновна Тиль. Она занимала весь верх, а внизу жил красильщик Птушкин. При доме был прекрасный парк, он тянулся до переулка Шевелкина. Аллеи больше липовые, ближе к дому был двор со множеством сараев, тянувшихся цепочкой. Завершалась цепь большой конюшней, где стояли выездные лошади». Интересно, что в 1900 г. Б.Б. Тиль консультировался по поводу ремонта надворных построек с приехавшим в Юрьев инженером Губернского правления, надворным советником Николаем Дмитриевичем Корицким - тем самым, который пять лет спустя уже в качестве епархиального архитектора станет автором проекта величественного Троицкого собора.

Семья Ганшиных в саду.

В одном из таких мест (читатель помнит, что речь шла о заболоченной местности вокруг вала - Г.М.) была артиллерийская библиотека и канцелярия 1-й Артиллерийской Гренадерской Бригады. Г.г. офицеры своими совершенно недостаточными средствами засадили часть этого гниющего болота деревьями и цветниками, загородили простой, но приличной загородкой. ...Бригада ушла, не докончив работу, а местные жители все деревья вне загородки вытаскали с помощью прогуливающегося свободно скота по городу и даже валу; тогда как Градской думе, имеющей не только более средств, чем офицеры 1-й Артиллерийс-

кой Бригады, следовало бы распорядиться не только сохранением посаженного, но и самой серьезно подумать засадить эту местность деревьями, что, конечно, в гигиеническом отношении было бы чрезвычайно полезно.

Из Отношения председателя съезда мировых судей Юрьевского судебного округа Владимирской губернии Почетного судьи Павла Чичерина Юрьевской Городской думе, 11 мая 1867 г.

Вид на общественный сад с вала.

Дойдет он (обыватель - Г.М.) и до великолепного сада местного фабриканта, градского главы тож; посмотрит сквозь железную изгородь на его громадный, великолепный сад с клумбами, беседками, дорожками, прихотливо подрезанными деревьями, блестящими шарами; посмотрит, умилится духом, вздохнет и повернет домой, понуря голову. Если же обыватель вздумает пройтись за город, то верстах в 6 он наткнется на чудный огороженный парк с целым дворцом посредине. Тут также пестрят всевозможные клумбы с цве-

В саду городского головы Н.А. Ганишина 28 июля в наскоро сколоченном балагане молодежью был дан спектакль. Пьеса шла «Женихи» - комедийная шутка в 3-х действиях, соч. Рассохина. Пос-

тами, тут и великолепная оранжерея, но тут же и надпись: «в хот посторонним встречаеца». Обыватель, справившись, узнает, что и этот волшебный парк - достояние городского головы. Тут уж поневоле уставшему и запыленному обывателю вспоминается «канниферштам» (от немецкого kann nicht verstehen - не могу понять - Г.М.), и он бодро отмеривает обратное расстояние до города.

Старый Владимирец,
1910, № 100.

ле спектакля были танцы. Спектакль был бесплатным.

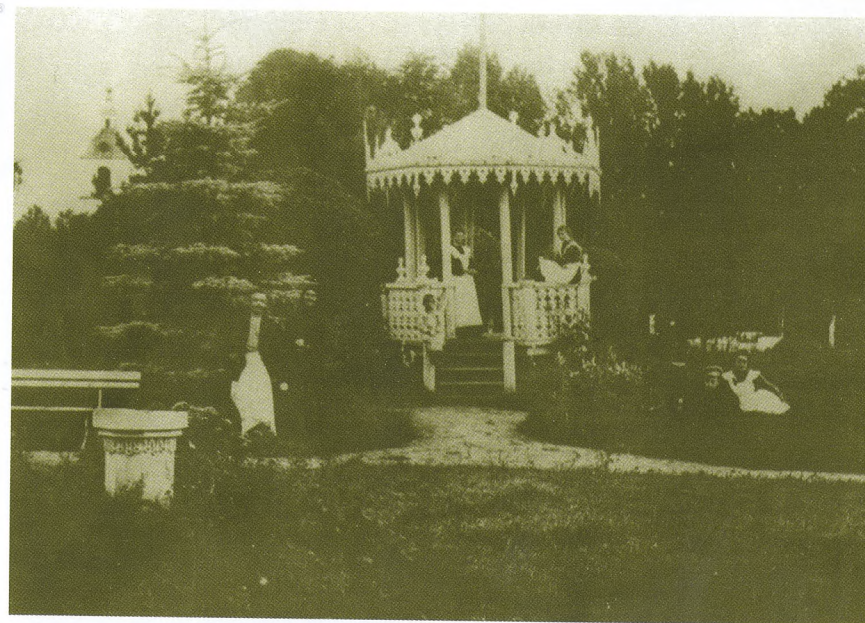
Владимирец,
1907, № 170.

Юрьевские старожилы называют еще один обширный сад - «Студенихин». Он имел площадь 2800 квадратных сажен и располагался в квартале между Новоникитской и Александровской улицами. Они хорошо помнят «барыню Студенихину», выходящую на прогулку с собачкой. К тому времени вдове подпоручика Л.М. Студеникиной - «даме с собачкой» - было около 70 лет.

Конечно же, самым лучшим, со множеством украшений и затей, был сад, принадлежавший городскому голове. Располагался он в 8-м квартале, почти в конце Большой улицы, «вливавшейся» в Конную площадь. Ганшины были патронами Воскресенского прихода, при школе которого остановились дети, поэтому маленьких экскурсантов повели на прогулку именно сюда.

Беседки в саду Ганшиных

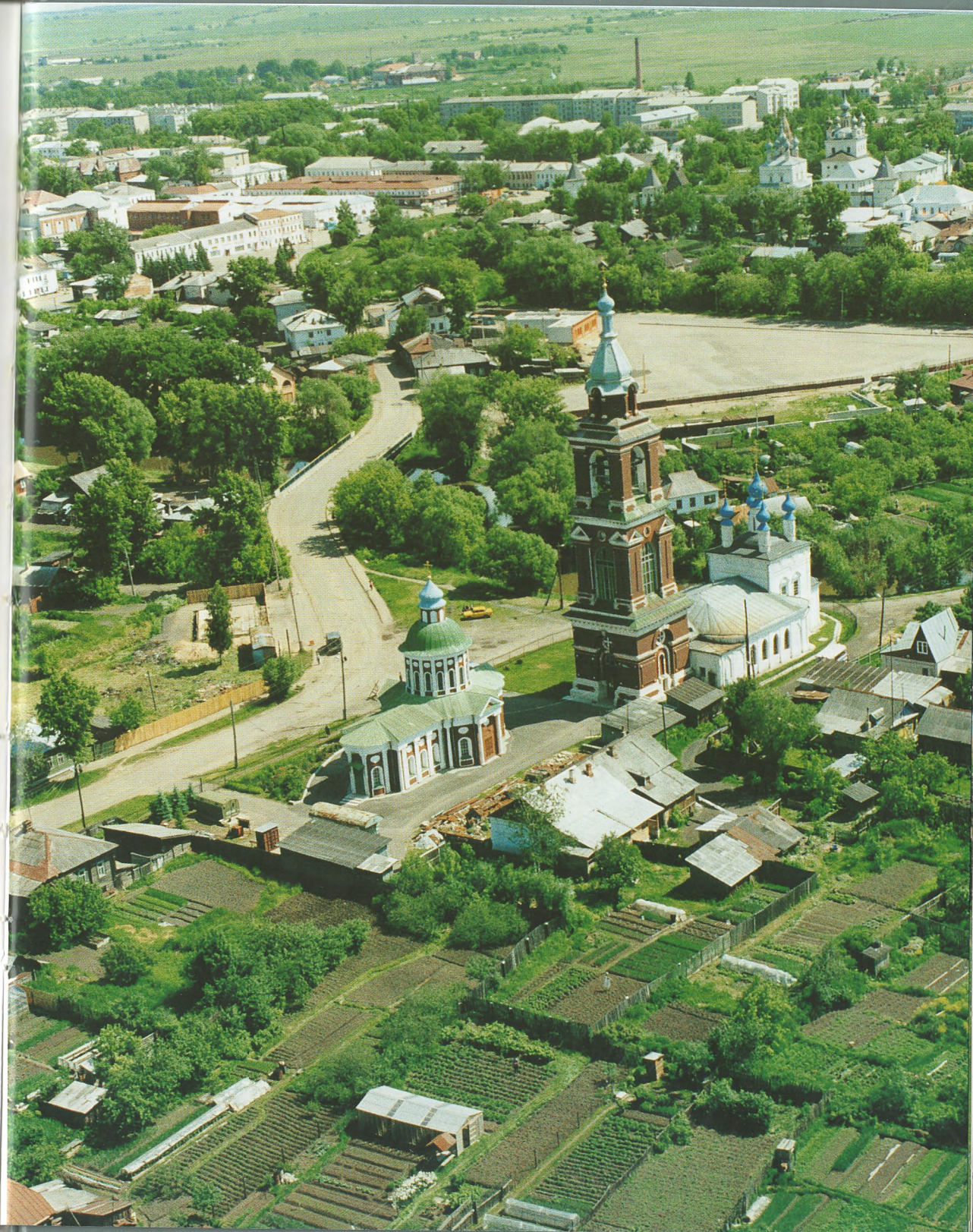

«В последний день, до отхода поезда, дети помолились в местном женском Петропавловском монастыре, где им потом было разрешено взлезть на высокую колокольню для осмотра окружающей Юрьев местности».

Окинем и мы, читатель, прощальным взглядом Юрьев - город, с которым каждого из нас связала судьба: одних - на время чтения книги; других, как автора этих строк, - навсегда. Что увидим мы сегодня с высокой Петропавловской колокольни? Те же в неоглядном кольце полей два десятка улиц с невысокой, в основном деревянной застройкой, чуть меньше церквей и башен колоколен, шеренги торговых рядов, белый монастырь в валах, массивную шапку приземистого собора, а еще неизменные изгибы Колокши, ивы и кувшинки, мосты и мосточки, на которые выходят полоскать белье юрьевчанки.

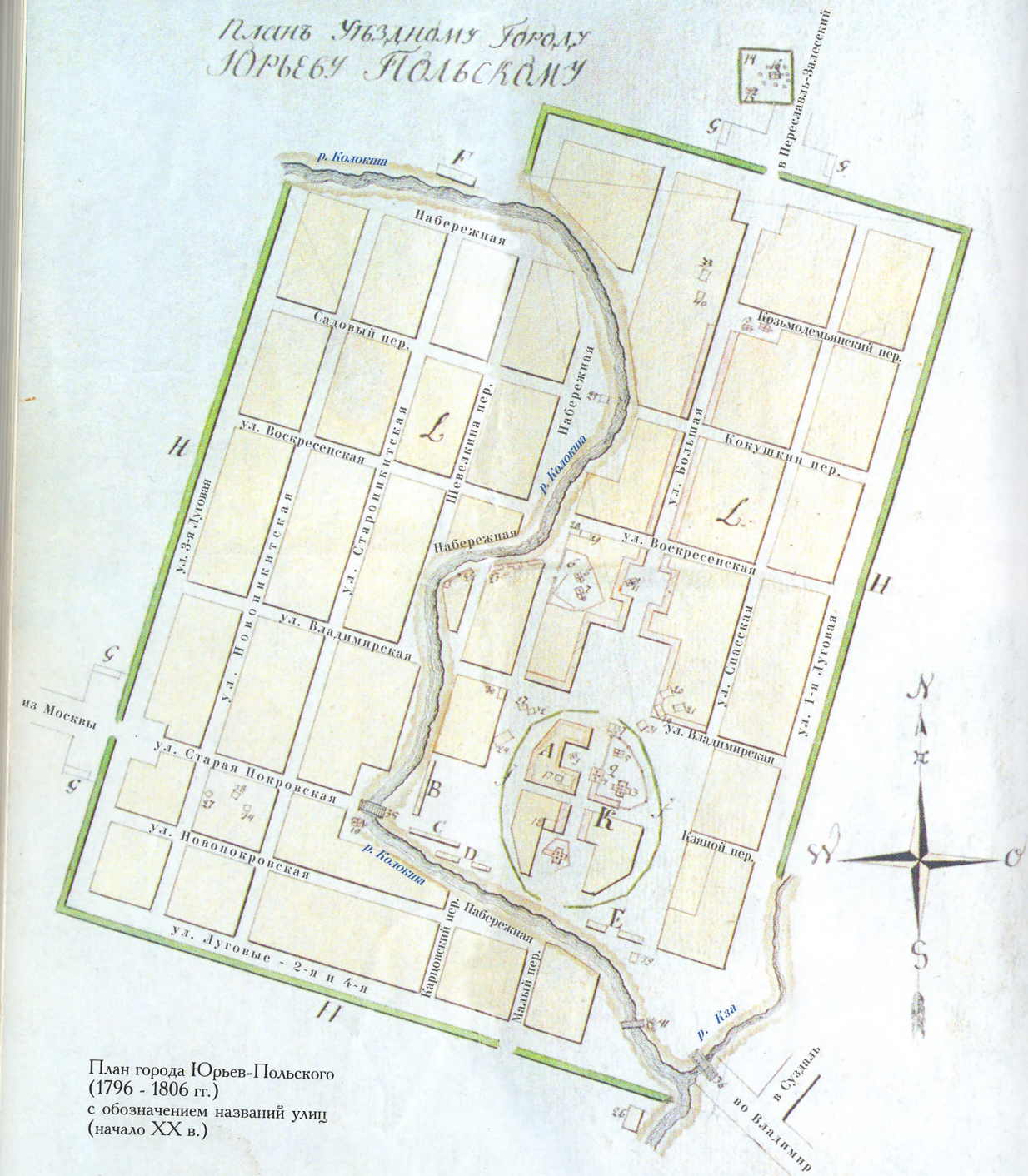
Именно в древности города, в складывавшейся веками самобытности - его ценность для нас и будущих поколений. И как замечательно, что и спустя сто лет после издания открыток Юрьев узнаваем, что сохранил он уникальный облик милого уездного города.

Начав знакомство с Юрьевом-Польским словами столичного журналиста, давай, читатель, и сейчас, прощаясь с городом, предоставим слово его коллеге - сотруднику газеты «Неделя» С. Спиридоновой, побывавшей в Юрьеве почти 20 лет назад: «Юрьев-Польский - городок среди полей. Значит, зимой - среди снегов, летом - в зелени всходов, с чистой песней жаворонков над ними, стрекотом кузнечика в духоте скошенного луга. А сейчас за окнами автобуса вновь плывут луга, разбегаются дороги, встречают вечерней россыпью огней и пропадают из глаз иные города. Малые или большие, они, как Юрьев: и тысячи таких, и каждый - единственный на земле. Если поймешь и полюбишь, то как родники: где-то в веках и дне сегодняшнем... где-то в глубине России... почувствовала себя живой и отдохнула душа».

Планъ Уездному Городу
ЮРЬЕВУ ПОЛЬСКОМУ

План города Юрьев-Польского
(1796 - 1806 гг.)
с обозначением названий улиц
(начало XX в.)

СОДЕРЖАНИЕ

Как родилась эта книга.....5

ФЛАНДРИЯ, ДА И ТОЛЬКО!.....12

РУКОТВОРНОЕ ЧУДО.....30

ГОРОД ОТШУМЕВШЕЙ СЛАВЫ?.....128

ЛЕБЕДИНАЯ ПЕСНЯ.....152

ОБЫЧНАЯ ТЬМА СУЕТНОЙ ЖИЗНИ.....184

В ЗАХОЛУСТЬЕ ДОЛЖНА БЫТЬ И ЕСТЬ ЖИЗНЬ.....216

ГОРОД СВ. ГЕОРГИЯ
Юрьев-Польский в старой открытке

Г 70

Редактор и корректор Л.П. Зрелов
Художественный и технический редактор Ю.К. Ткачёв
Фотоснимки В.П. Машковцев
Фотосъемка в ГАВО В.Н. Федин
Компьютерная верстка Н.Ю. Шпеле, Т.В. Терещенкова.

ЛР № 071622 от 09.04.98

Сдано в набор 26.09.01

Подписано в печать 26.03.02

Формат 70x90/16. Бумага мелованная, 120 г

Гарнитура академич. Печать офсетная

Усл. печ. л. 16

Тираж 1500 экз.

Заказ № 3577

Издательство «Посад»

600015, г. Владимир, пр-т Ленина, 22

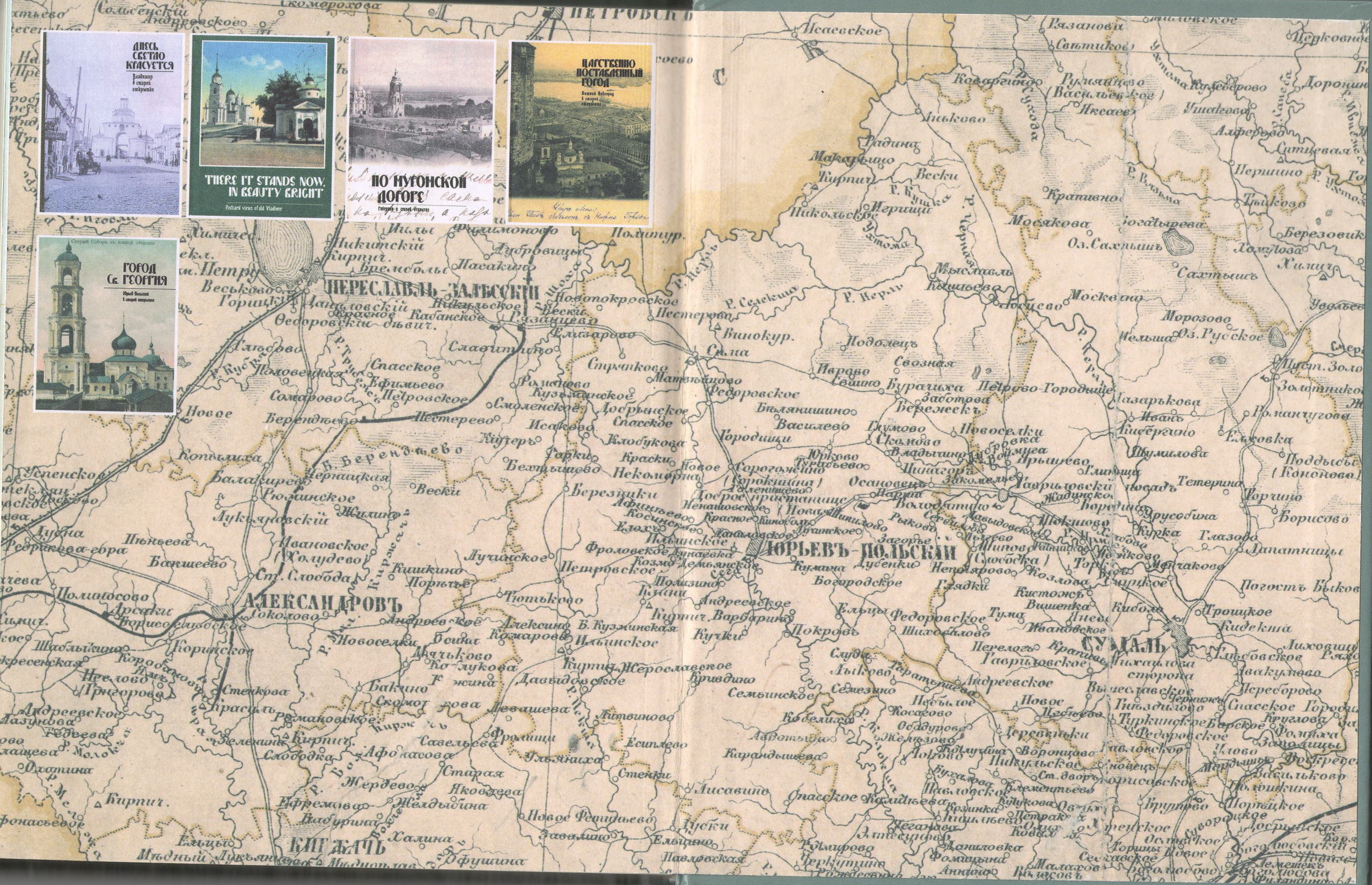
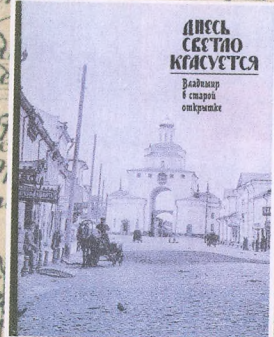
Тел.: (0922) 24-47-65

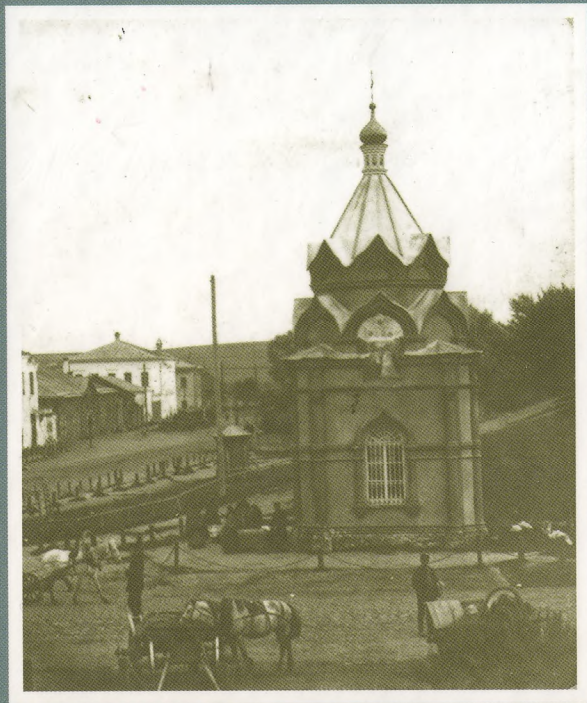
ОАО «Типография «Новости»

107005, г. Москва, ул. Ф. Энгельса, 46

из Москв

5

Издательство «Посад»